

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГУЛОВА ЗУБАЙДА АЗИМОВНА

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ
«ВАНĀR-E ‘AJAM»**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (персидский язык)

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,
доцент Саломов А.Дж.

ДУШАНБЕ – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. «ВАНĀR-Е ‘АЈАМ» КАК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ.....	12-40
1.1. Фразеологические единицы в текстах толковых словарей.....	12
1.2. «Bahār-e ‘Ajām» – фразеологический толковый словарь.....	18
1.3. Этимологические заметки некоторых фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām».....	31
ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИ- ЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В «ВАНĀR-Е ‘АЈАМ».....	41-104
2.1. Лексический состав фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām».	41
2.2. Полисемия фразеологических единиц в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām».....	52
2.3. Синонимия фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām».....	64
2.4. Вариация фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām».....	74
2.5. Антонимия фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām».....	92
ГЛАВА 3. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИ- ЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В «ВАНĀR-Е ‘АЈАМ».....	105-155
3.1. Отыменные фразеологические единицы в «Bahār-e ‘Ajām».....	105
А). Изафетные фразеологические единицы.....	112
Б). Изафетные фразеологические арабские единицы.....	114
3.2. Отглагольные фразеологические единицы в «Bahār-e ‘Ajām».....	122
А). Двухкомпонентные отглагольные фразеологические единицы....	123
Б). Многокомпонентные отглагольные фразеологические единицы.	135
3.3. Фразеологические составы и соединения.....	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	156
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	164

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение и рассмотрение лингвистических вопросов раскрывает многие исторические проблемы, поэтапную эволюцию, а также национальные обычаи и традиции. Особенно на нынешнем историческом этапе, когда усиливаются международные столкновения, а глобализационные процессы поглощают культуры, языки и нации, лингвистические исследования играют ключевую роль в возрождении национальных ценностей и их увековечивании.

Одной из важнейших отраслей языкознания, имеющей, как в общем языкознании, так и в таджикском языкознании более чем полувековую историю, является фразеология. По сути, фразеологический фонд языка является зеркалом, в котором культурное общество отражает свое национальное самопознание [Телия, 1996, с. 9] и по семантике, как и лексические группы, касается различных сфер жизни, выражая особенность, дух, характер, идею и различные действия людей [Маъсуми, с. 176]. По утверждению В.А. Масловой, в содержании большинства фразеологических единиц скрыты смыслы, охватывающие культурно-национальные ценности [Маслова, 2001, с. 25].

Хотя фразеологические единицы языка внешне образуются из двух и более связанных друг с другом и не разделяющихся на части слов, однако по семантическому доказательству и синтаксическим функциям они являются близкими к словам. Появление фразеологических единиц не является недавним явлением языка, они используются в нашем языке на протяжении веков. Именно благодаря этим особенностям фразеологические единицы, в отличие от слов, за короткий промежуток времени не подвергаются изменениям. Если слова претерпевают лексические изменения в результате расширения и ограничения смыслов или необходимости в новых терминах и принятии заимствований из других языков [Исмонов, 2015, с. 3-4], то фразеологические единицы в силу своей отшлифованности и устойчивости остаются неизменными. Во

фразеологизмах, помимо наличия национальных особенностей, совершенствующих уникальные факты языка с его национальным блеском и колоритом, часто можно наблюдать и многие национальные особенности [Маджидов, 1982, с.11]. Семантическая система любого языка охватывает большой и устойчивый пласт значений, среди которых фразеологическое значение занимает особое место. В современной науке о семантике фразеологическое значение относится к числу одних из наиболее продуктивных и сложных видов языкового значения. Как особый тип языкового значения – это значение, которое образует второй тип концептуального значения, выражается сочетаниями, словосочетаниями и предложениями. Концептуальное значение – это значение выражающего определенное понятие, которое может быть выражено как словом, так и фразеологизмом [Дустов, 2023, с. 45]. Поэтому изучение фразеологических единиц языка не только указывает на национальные обычаи и традиции, но и каким-то образом отражает влияние и восприимчивость языков, произошедшие в результате исторических столкновений на различных уровнях.

Актуальность темы исследования проявляется в том, что этот богатый ресурс, отражающий богатую историю таджиков – фразеологические единицы, анализируются и рассматриваются на основе одного из толковых словарей, составленных в Индии – «Bahār-e ‘Ajam». На самом деле, толковый словарь «Bahār-e ‘Ajam» среди других таджикско-персидских толковых словарей по охвату фразеологического материала занимает особое место. Изучая и рассматривая фразеологические единицы в «Bahār-e ‘Ajam», можно описать особенности персидско-таджикского языка страны Индии, его необычность и близость с персидско-таджикским языком персидско-таджикских территорий. В то же время, в этом толковом словаре можно конкретизировать инварианты фразеологических единиц, указывающие на первое возникновение и переход от истины к метафоре, от свободной

синтаксической единицы к устойчивой и отшлифованной фразеологической единице.

Степень изученности темы. Изучение и рассмотрение истории фразеологии как науки показывают, что этот термин был введен в 1905 году известным французским лингвистом Шарлем Балли в его «*Traité de stylistique française*» («Трактат о французской стилистике»), а затем был поддержан и развит другими учёными, особенно российскими, такими как: В.В. Виноградов, А.В. Кунин, Н.М. Шанский, А.М. Бабкин и др. Стоит отметить, что понятие фразеологии в его современном понимании, особенно в области таджикского фразеологоведения, имеет неразрывную связь с исследованиями русского лингвиста В.В. Виноградова. Другими словами, таджикское фразеологоведение, как в своей организации, так и в своем формировании берет свое начало из исследований В.В. Виноградова [Исмонов, 2023, с. 113].

Таким образом, вопрос изучения фразеологического материала в общем языкознании хотя и не имеет длительной истории, но за короткий период времени в связи с различными его аспектами было исследовано множество фундаментальных работ. Только исследования фразеологических единиц в персидско-таджикском языке, проведенные отечественными и зарубежными учеными, насчитывают сотни названий. Чтение списка книг и толковых словарей таджикских ученых, посвященных таджикской фразеологии, которого еще в 1971 году С.В. Хушенова привела в приложении к книге «Изафетные фразеологические единицы таджикского языка» [Хушенова, 1971, с. 187-189], является достаточным, чтобы сделать вывод о высоком положении этого языкового явления в таджикском языкознании.

Вклад ученых Н. Маъсуми, Б. Ниёзмахмадова, Р. Гаффорова, А. Мирзоева, М. Фозилова, Б. Камолиддинова, Х. Маджидова, С. Хушеновой, И. Хасанова, Х. Джалилова, М. Юсуповой, А. Турсонова, Х. Талбаковой и Р. Саидова в исследование и рассмотрение вопросов, связанных с таджикской фразеологией, является значительным, а их

книги и статьи, посвященные фразеологии, считаются фундаментальными трудами.

Без преувеличения, в развитие и усовершенствование таджикской фразеологии Х. Маджидов внес огромный вклад не только своими научно-фундаментальными трудами, но на его имя записаны также организация таджикской фразеологической школы, подготовка большого числа отечественных фразеологов. За период независимости многие ученые выполнили исследования по различным аспектам фразеологических единиц в различных работах, из числа которых можно отметить исследования М. Мирзоевой, Б. Осимовой, М. Муслимова, Х. Дустова, Г. Шарифовой, Ш. Рахматова и М. Раджабовой.

Хотя работы русских востоковедов, таких как Ю.А. Рубинчик, Л.С. Пейсиков, Г.С. Голиева, посвящены фразеологии персидского языка, они играют также значительную роль в развитии и совершенствовании таджикской фразеологии. Однако по фразеологическим единицам в содержании того или иного толкового словаря, в том числе в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām», кроме отдельных статей, фундаментальных и монографических исследований не проводилось. Например, Д. Бахриддин в книге «Charāgh-e hidāyat» («Свет руководства») Орзу и персидско-таджикский язык» хотя и посвятил раздел «Текстологическому сравнению «Charāgh-e hidāyat» с «Bahār-e ‘Ajām» Роя Тикчанда Бахара [Дарвеш, 1992, с. 30-36], однако там ничего конкретного не сказано в связи с исследованием «Bahār-e ‘Ajām».

Во второй части книги «Zabān-e millat – hastī-e millat» («Язык нации – существование нации») Эмомали Рахмона один подраздел посвящен «Лексикографии в Индии», где автор дает важнейшие сведения о толковых словарях, составленных в Индии, и рассматривает заслуги таджикоязычных писателей Индии и Пакистана в создании толковых словарей значительными. В данной книге подчеркивается, что толковый словарь «Bahār-e ‘Ajām» Роя Тикчанда Бахара является одним из лучших и наиболее авторитетных объемных толковых словарей, и в истории

таджикской лексикографии известен главным образом под названием фразеологического толкового словаря. При этом подчеркивается, что в этом толковом словаре, чтобы наглядно показать слова, части речи выделяются составами и словосочетаниями, и это, несомненно, является одной из важных особенностей данного произведения [Эмомали Рахмон, 2020, с. 138, 149]. Здесь можно указать на отдельные исследования А. Сангинова, такие как статья «Ibārahā-e frazeālāgī dar farhang-e «Bahār-e ‘Ajām» («Фразеологические словосочетания в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām»») [Сангинов, 1973, с. 90-96] и его фундаментальный труд – кандидатскую диссертацию: «Farhang-e «Bahār-e ‘Ajām» va kharakteristika-e lehsikāgrafi-e ān» («Толковый словарь «Bahār-e ‘Ajām» и его лексикографическая характеристика») [Сангинов, 1973], в которой в некоторой степени отражена структура и содержание «Bahār-e ‘Ajām».

Стоит отметить, что при исследовании темы мы использовали труды современных арабских ученых, посвященные фразеологии, в частности книгу Исомиддина Абдуссалама Абузилала под названием «At-Ta‘ābīr al-’iṣṭilāḥ bayn-an-naẓariya va-t-taṭbīq» («Терминологические выражения между теорией и практикой»). При этом для распознавания, анализа и рассмотрения фразеологических заимствованных единиц, представленных в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām», нами использованы классические арабские толковые словари, такие как «Mutahhayir-ul-alfāz» Ибн Фариса, «Thimār-ul-qulūb fi-l-mudhāf va-l-manṣūb» Саалаби, «Jamharat-ul-amthāl» Абухилала Аскари и другие.

Связь исследования с научными программами и темами. Вопросы исследования тесно связаны с программами и темами научных исследований, оно выполнено в рамках одного из направлений научно-исследовательской работы кафедры арабской филологии Таджикского национального университета.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является определение места и степени употребления фразеологических единиц в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» и характеристика лексико-грамматических особенностей этих единиц.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели поставлены следующие **задачи**:

- обзор изучения фразеологических единиц в классических персидско-таджикских толковых словарях и выявление отношения лексикографов прошлого к данному языковому явлению;
- выявление места толкового словаря «Bahār-e ‘Ajām» в собирании фразеологических единиц воедино;
- определение лексико-грамматических особенностей фразеологических единиц, приведенных в данном толковом словаре;
- определение употребления заимствованных слов во фразеологических единицах, приведенных в данном толковом словаре;
- объяснение употребления глаголов в организации фразеологических единиц и выявление отличий этих единиц от именных глагольных составов.

Объектом исследования является употребление фразеологических единиц в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām».

Предметом исследования является изучение, анализ и рассмотрение фразеологических единиц и выявление лексико-грамматических особенностей этих единиц в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām».

Научная новизна исследования проявляется в том, что в нем впервые фразеологические единицы в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» исследованы с лексико-семантической и грамматико-структурной точек зрения. При этом в данной диссертации **впервые**:

- толковый словарь «Bahār-e ‘Ajām» проанализирован и рассмотрен как достоверный источник таджикских фразеологических единиц;

- выявлена полисемия, синонимия, антонимия и типология фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam»;
- рассмотрены заимствованные слова при образовании фразеологических единиц в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajam»;
- проведен структурно-синтаксический анализ фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam»;
- проведен этимологический анализ фразеологических единиц на основе подтверждений автора «Bahār-e ‘Ajam».

Теоретические основы диссертации основаны на научных работах ученых-лингвистов В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, С.И. Ожегова, Н.М. Шанского, В.Н. Телия, Л.С. Пейсикова, Ю.А. Рубинчика, И.М. Оранского, Р.Н. Попова, М.Н. Маъсуми, Р. Гаффорова, Х. Маджидова, Б. Камолиддинова, С.В. Хушеновой и других.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты и предложенные идеи диссертационной работы предоставляют широкие возможности для дальнейших исследований, посвященных фразеологии в таджикском языке, выявления вклада толковых словарей в сохранение и увековечение фразеологических единиц на примере толкового словаря «Bahār-e ‘Ajam». Также ее результаты могут быть использованы на университетских лекциях и занятиях по фразеологии и ее особенностям.

Материалы диссертации могут быть использованы при составлении фразеологического толкового словаря и написании учебных пособий.

Первоисточники исследования. Для диссертации в качестве первоисточника выбран толковый словарь Лоло Тикчанда Бахара под названием «Bahār-e ‘Ajam: farhang-e lighāt. tarkibāt, kināyāt va amthāl-e fārsi» («Весна Аджам: толковый словарь персидских слов, составов и примеров» под редакцией Казима Дизфулияна в трех томах, напечатанных арабским шрифтом в Тегеране в 1393 году хиджры.

Методы исследования. При написании диссертации использованы в основном описательно-аналитический и сопоставительный методы, с помощью которых определены семантико-структурные особенности

фразеологических единиц, приведенных в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām». Кроме того, в исследовании использовались методы анализа фактологического материала толкового словаря «Bahār-e ‘Ajām», а также статистический метод.

Основные положения, выносимые на защиту:

– анализ и рассмотрение роли толковых словарей в сохранении и увековечении фразеологических единиц;

– определение вклада персидских толковых словарей, составленных в Индии, на примере «Bahār-e ‘Ajām», в собирании персидско-таджикских фразеологических единиц;

– описание полисемии, синонимии и антонимии, а также фразеологических единиц в таджикском языке на основе толкового словаря «Bahār-e ‘Ajām»;

– определение места арабских элементов и анализ их употребления в составе фразеологических единиц, приведенных в «Bahār-e ‘Ajām»;

– структурно-синтаксический анализ и рассмотрение фразеологических единиц таджикского языка в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām».

Соответствие темы диссертации паспорту научной специальности.

Тема данного диссертационного исследования соответствует паспорту специальности 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (персидский язык).

Личный вклад соискателя ученой степени в исследование проявляется, прежде всего, в картировании фразеологических единиц толкового словаря «Bahār-e ‘Ajām», сборе и обработке мнений и теорий ученых относительно фразеологических единиц и подготовке статей и докладов по теме исследования. Данное исследование является результатом многолетнего труда автора и выполнено в виде диссертации.

Практическое апробирование результатов исследования. По теме исследования соискательница ученой степени выступала на

конференциях различного уровня, в том числе на апрельской и ноябрьской конференциях кафедры арабской филологии (2018-2022 гг.).

Диссертация обсуждалась и рассматривалась на совместном заседании кафедр арабской филологии и иранской филологии и рекомендована к защите.

Публикация научных работ по теме диссертации. Основные результаты и выводы диссертации отражены в 4 научных статьях, опубликованных в рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, причем каждая глава в свою очередь включает подразделы. Общий объём диссертации составляет 174 страниц.

ГЛАВА I.

«ВАНĀR-Е ‘АЈАМ» КАК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

1.1. Фразеологические единицы в текстах толковых словарей

Хотя таджикское языкознание сформировалось в совершенстве лишь в XX веке, а с обретением независимости Республикой Таджикистан больше внимания стало уделяться его национальным аспектам, однако на протяжении всей истории существовали литературные, научные и отраслевые труды, охватившие все особенности и явления таджикского языка и способствовавшие их передаче от одного поколения другому и их сохранению на страницах истории. На самом деле, в истории таджикского языка словари и толковые словари в развитии лексических и грамматических особенностей слов и выражений, которые можно рассматривать как национальные энциклопедии, занимают очень важное место.

История доисламской персидско-таджикской лексикографии, как и других лингвистических и литературных областей, остается неясной, и для описания ее особенностей недостаточно материала, за исключением некоторых сведений и упоминаний, обнаруженных в арабских произведениях, сочиненных персами [Ходжаев, 2011, с. 12]. По-видимому, древнейшими толковыми словарями, составленными на иранских языках и относящимися к периоду Саманидов или, возможно, к веку, близкому к этому периоду [Нафиси, с. 64], считаются два толковых словаря: «Farhang-e Pahlavik» («Пехлевийский толковый словарь»), содержащий среднеперсидский эквивалент «Khuzvārish», и «Farhang-e Āim-Ivak» («Толковый словарь Оим-Ивак»), представляющей собой авестийский толковый словарь на среднеперсидском языке [Казим, 1379 г.х., с. 15]. Большинство доисламских толковых словарей имели учебный характер и были двуязычными: авестийско-среднеперсидские, арамейско-среднеперсидские (пехлеви), некоторые из них, в том числе «Farhang-e Pahlavik» («Пехлевийский толковый словарь»), полностью сохранились

до нашего времени [Касимова, 2012, с. 132]. Что касается постисламской таджикской лексикографии, то она возникла на основе арабской лексикографии и на первом этапе ориентировалась лишь на составление тех слов и выражений, которые встречались в персидско-таджикской поэзии, но были незнакомы широкому кругу читателей. Иными словами, «первые трактаты писались преимущественно литераторами как краткие трактаты о труднопонятных словах с примечаниями. Эти трактаты содержали неизвестную или сомнительную лексику и служили как лексический фонд» [ЗАХТ 1973, с. 66]. Здесь можно указать на два толковых словаря: «Farhang-e Abuhafs-e Sughdī» («Толковый словарь Абухафса Сугди») или «Risāla-e Abuhafs-e Sughdī» («Трактат Абухафса Сугди») (конец IX – начало X вв.) [Касимова, 2012, с. 132] и «Tafāsīr fi lughat-il-Furs» («Толкования персидской лексики») Шарафуззамана Катрона ибн Мансури Армави. К сожалению, за исключением некоторых намеков и сведений об этих двух толковых словарях в антологиях и последующих толковых словарях, какие-либо их копии не дошли до нашего времени [Казим, 1379, с.15].

Первым толковым словарем, дошедшим до нашего времени, является «Lughat-e Furs» («Словарь персов») Асадии Туси, написанный во второй половине XI века и содержащий в основном «персидскую», т. е. староперсидско-таджикскую лексику [ЗАХТ 1973, с. 67]. Составление «Lughat-e Furs» («Словарь персов»), с одной стороны, и акцент его автора на толковый словарь Катрона, который сказал: «...Я видел поэтов, которые были эрудированными, но мало знали персидскую лексику, и поэт Катрон написал книгу, в которой слова были известными» [Асадии Туси, 1319 г.х., с. 1], с другой стороны, указывают на то, что таджикский народ был знаком с составлением толковых словарей с XI века [Пейсиков, 1975, с. 191].

В последующие столетия интерес персо-таджикских ученых к развитию толковых словарей возрастает. Хотя сегодня трудно определить точное количество многоотраслевых персидских толковых

словарей, однако можно с уверенностью сказать, что только количество толковых словарей на этом языке достигает более двухсот единиц [Пейсиков, 1975, с. 191]. В связи с этим С. Нафиси указывает, что трудно подготовить полный каталог всех книг, написанных на персидском языке, а то, что мне удалось извлечь по настоящее время, включает более 200 книг. Конечно, существует много словарей с арабского на персидский, с персидского на тюркский, а также словари с европейских языков на персидский, и с персидского на европейские языки, и их количество превышает это число [Нафиси, с. 71].

По утверждению исследователей, по персидской лексикографии ни одна из персоязычных стран не может сравниться с Индией и Пакистаном. Несмотря на то, что сочинения персоязычных литераторов Индии и Пакистана не лишены погрешностей, но, несмотря на это, вклад учёных и писателей этого края в дело развития и прогресса персидского языка и литературы является значительным [Казим, 1379 г.х., с. 18]. Причину интереса индийских ученых к лексикографии персидский лексикограф Муин объяснял их потребностью в этом языке, в том смысле, что иранцы, в силу того, что персидский язык является их родным языком, считали себя не имеющими потребности в персидских словарях, поэтому они меньше интересовались толковыми словарями своего языка, ... ученые из соседних стран, таких как Индия и Турция, где персидский язык был официальным языком двора или литературным языком их страны, чувствовали необходимость в составлении персидских толковых словарей и приложили усилия по их написанию [Муин, 1337 г.х., с. 41]. На самом деле, из-за быстрого прогресса персидско-таджикской литературы в Индии индийцам пришлось приложить усилия для изучения и ознакомления с персидским языком, который, помимо того, что был официальным языком двора, он считался еще и научным и литературным языком страны, следовательно, в соответствии с потребностями времени и места, и чтобы не допустить смешения изящного персидского языка с местными диалектами, ученые и

литераторы уделяли больше внимания лексикографии, и это дело стало предметом заинтересованности любителей персидского языка до такой степени, что даже правители в своих дворцах уделяли этой теме больше внимания [Казим, 1379 г.х., с. 21]. В этот период в Индии во всех областях науки на таджикском языке было написано множество работ, которые оказали значительное влияние на традицию таджикской лексикографии на этой земле. Толковые словари стали для таджикскопишущих писателей Индии лучшим средством изучения словарного запаса языка и получили известность как главное руководство по использованию литературного языка. Именно поэтому развитие и процветание лексикографии на этой земле в течение XV-XVI веков были очень значительным, и этот период считается одним из наиболее продуктивных периодов в этом направлении [Эмомали Рахмон, 2020, с.142].

Как подчеркивает В.А. Капранов: «После того, как Индия оказалась под властью Тимуридов, там персидский язык выступал в качестве государственного языка. Именно поэтому, начиная с XIV века, лексикография на этой земле развивалась небывалым образом, и до конца XIX века Индия считалась главным центром персидско-таджикской лексикографии. В XV и XVII веках в Индии были составлены следующие персидско-таджикские толковые словари: «Sharafnāma-e Manuyāgī» («Честь Маняри») Ибрахима Фаруки (XV век), «Mu'auyid-ul-fudalā» («Помощник ученых») Ибн Лоды (1519 г.), «Madār-ul-afādīl» («Спутник ученых») Файзи Сирхинди (1593 г.), «Fahang-e Jahāngirī» («Толковый словарь Джахонгири») Хусейна Инджу (1608 г.), «Burhān-e qāti» («Неоспоримое доказательство») Мухаммада Хусейна ибн Халафа Табризи (1652 г.), «Farhang-e Rashidi» («Толковый словарь Рашиди») Абдурашида (1654 г.) и другие [Капранов, 1987, с. 5].

Как указывалось, на протяжении всей истории толковые словари назывались учебными энциклопедиями, которые не ограничивались толкованием и объяснением слова или приведением поэтического и

прозаического доказательства, но и разъясняли специфические грамматические и фразеологические особенности выражений. Еще в «Lughat-e-Furs» Асадии Туси, хотя и мало и незначительно [Капранов, 1987, с. 72], приводятся такие устойчивые составы и словосочетания, как: **чашми олус (косоглазый)** (смотреть краем глаза), **чанги зевар** (война убранства) (быстроногий конь), **чашми оғил (глаз стойла)** (смотреть в одну сторону), **шикасту микаст (разлом)** (поломка и повреждение) в отдельных словарных статьях и пояснены как самостоятельные лексические (точнее, фразеологические) единицы [Маджидов, 1982, с. 5]. Такие фразеологизмы, как **бол афгандан** (отбрасывать крылья) (стать беспомощным) [Рашиди, с. 217], **болиши нарм зери сар ниходан** (подложить мягкую подушку под голову) (льстить кому-то) [Рашиди, с. 217], **пару бол доштан** (иметь крылья) (иметь силу) [Рашиди, с. 298], **ба зери занах даст сутун** (подпереть подбородок рукой) (грустить и задуматься) [Рашиди, с. 302], **басту банд** (связать) (укрепить и захватить) [Рашиди, 309], **маргомарг** (мор, вымирание) (чума и гибель народа, который по-арабски называется *тоун*) [Бурхан, 1357, т. 4, с. 1996], **мазрааи донасӯз** (поле, сжигающее зерно) (сарказм об этом свете и мире) [Бурхан, 1357 г.х., т. 4, с. 2001], **дӯш бар задан** (сваливать с плеч) (ликование) [Бурхан, 1357 г.х., т. 2, с. 898], **офтоби лаби бом** (солнце на краю крыши) (ближе к смерти) [Гияс, 1987, т. 2, с. 26], **офтоб додан** (нигох доштан чизеро дар офтоб) (ставить под солнцем) (держат что-либо на солнце) [Гияс, 1987, т. 2, с. 26], **офтоб хӯрдан** (принять солнечные ванны) (труд и страдания) [Гияс, 1987, т. 2, с. 26], **тахта ба сар шикастан** (разбивание доски о голову) (разрушение и обесславление) [Гияс, 1987, т. 2, с. 184], которые приведены в большинстве персидско-таджикских толковых словарей, свидетельствуют о том, что наши прежние лексикографы знали о таком языковом явлении, как фразеологизмы, и трактовали фразу как самостоятельную единицу языка. В указанных толковых словарях киноёт (намеки), истиорот (метафоры), «мураккабот» (композиции), таркибот (составы), истилохот (терминология),

мусталеҳот (термины; идиомы; устойчивые обороты) использованы для выражения разных типов фразеологических единиц [Маджидов, 1982, с. 5]. Если приведение фразеологизмов в персидских толковых словарях, с одной стороны, показывает интерес лексикографов к этому языковому явлению, с другой стороны, оно свидетельствует о беспрецедентном развитии таджикско-персидской лексикографии и лексикологии [Капранов, 1987, с. 72].

Можно с уверенностью сказать, что вплоть до появления термина фразеология как особой отрасли языка, тесно связанной с публикацией статей академика В.В. Виноградова, в частности, с его статьей «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» [Фозилов, 1963, ч. V], этому языковому явлению не было дано единого термина не только в персидских толковых словарях, но и в толковых словарях других наций. В подтверждение сказанного можно упомянуть классические толковые словари на арабском языке, написанные как арабскими учеными, так и таджикскими арабскопишущими учеными, которые использовались для выражения устойчивых фразеологических единиц из числа терминов «тамсил» (уподобление), «амсол» (примеры), масал (притча), «мумосала» (изречение), хикма (мудрость), ташбех (аллегория), ҳол (обстоятельство), сифат (прилагательное), ибрат (образец), истиора (метафора), ҳинос (уподобление, омонимия), қавл ва масали соир (обещание и другие притчи) и т.д. [Исомуддин, 2005, с. 23-29]. Так, в классическом арабском языкознании, на основе которого сформировалось классическое таджикско-персидское языкознание, данное лингвистическое явление рассматривается в риторике и лексикологии [Ушаков, 1996, с. 14].

1.2. «Bahār-e ‘Ajam» – фразеологический толковый словарь

Одним из толковых словарей, составленных в Индии и получивших особую известность среди персидских литераторов и писателей, является толковый словарь «Bahār-e ‘Ajam», составленный Роем Лоло Тикчандом Бахаром. Данный толковый словарь был отредактирован в 1739 г. н.э. и публиковался несколько раз. В частности этот толковый словарь печатался литографическим способом в Индии трижды (в 1866, 1879, 1894 гг.) [Эмомали Рахмон, 2020, с. 149].

Как отмечалось выше, в этом исследовании нами выбран толковый словарь Лоло Тикчанда Бахара под названием «Bahār-e ‘Ajam: farhang-e lighāt. tarkibāt, kināyāt va amthāl-e fārsi» («Весна Аджам: толковый словарь персидских слов, составов и примеров») под редакцией Казима Дизфулияна в трех томах, напечатанных на персидском языке арабским шрифтом в Тегеране в 1393 году хиджры. Данное издание толкового словаря охватывает 2180 страниц (т. 1 – со страницы 1 по 710; т. 2 – со страницы 711 по 1469 и т. 3 – со страницы 1470 по 2180).

Согласно сведениям, предоставленным редактором этого толкового словаря Казимом Дизфуляном, Лоло Тикчанд Бахар был родом из Дели, из семьи среднего достатка; он путешествовал по Ирану и был близко знаком с Ираном. Он некоторое время служил при дворе Великих Моголов в Дели, где получил прозвище Рой или Раджа, и умер в 1180 году хиджры [Б. А., ч. 1, Мукаддима (Введение), с. 14].

Наряду с этим толковым словарем, перу Тикчанда Бахара приписывают произведения «Javaḥīr-ul-ḥurūf» (трактат о персидских буквах), «Navadīr-ul-maṣādīr» (трактат о персидских инфинитивах и глаголах), «Bahār-e Bustān» (комментарий к «Bustān» Шейха Саади) и «Javaḥīr-ut-tarkīb» (об особенностях состава). Сам Тикчанд Бахар во введении к «Bahār-e ‘Ajam» упоминает два произведения – «Javaḥīr-ul-ḥurūf» и «Navadīr-ul-maṣādīr» и сочинение их обоих произошло при составлении толкового словаря, то есть автор при составлении толкового словаря, чувствуя необходимость в объяснении персидских

слов и инфинитивов, одновременно с толковым словарем написал эти два трактата [Б. А., ч. 1, Мукаддима, с. 30].

Однако важно подчеркнуть, что ни одно произведение Тикчанда Бахара не было столь известно, как толковый словарь «Bahār-e ‘Ajam», и не было предметом внимания литераторов и ученых.

Толковый словарь построен по порядку арабо-таджикского алфавита, в этом же порядке размещены и объяснены фарезологические словосочетания и словарные статьи. В отличие от других персидских толковых словарей, «Bahār-e ‘Ajam» полон фразеологических словосочетаний. Около трети материала, объясняемого и интерпретируемого в толковом словаре, состоит из свободных, устойчивых и фразеологических словосочетаний, различных языковых составов и шаблонов, пословиц и поговорок. Ни в одном прежнем толковом словаре столь большое количество словосочетаний и составов, пословиц и поговорок не находило своего объяснения. В связи с этим некоторые исследователи называют «Bahār-e ‘Ajam» толковым словарем фразеологических словосочетаний.

Другими словами, 30-35 процентов словарных статей данного толкового словаря составляют словосочетания и составы, и до «Bahār-e ‘Ajam» ни один из авторов толковых словарей не собирал в своем словаре такого количества словосочетаний и составов [Сангинов, 1973, с. 92]. Вследствие упорного труда, потраченного на это сочинение, а также на изучение, исследование и изыскания, которые были сделаны для его составления, этот толковый словарь стал самым большим и самым важным источником информации о персидских терминах и словах для последующих лексикографов, причем до такой степени, что до смерти автора он был переиздан несколько раз [Б. А., т. 1, Мукаддима, с. 15].

«Bahār-e ‘Ajam» считается одним из поэтических толковых словарей и содержит около десяти тысяч слов, составов, фразеологических словосочетаний, пословиц и поговорок, которые автор интерпретировал на основе поэтических свидетельств, используя двести поэтических

диванов, и среди персидских слов и выражений одновременно он приводит арабские и индийские слова, используемые индийскими персоязычными авторами [Б. А., т. 1, Мукаддима, с. 26].

«Bahār-e ‘Ajām» – один из лучших и наиболее авторитетных объемных толковых словарей прошлого, который посвящен объяснению и толкованию фразеологизмов. В «Bahār-e ‘Ajām» истолковано более 25 тыс. лексических единиц, что больше, чем в любом из толковых словарей, составленных до него. Автор составил свой толковый словарь на основе примеров и приводит многочисленные примеры из поэзии, а иногда и из прозы, имеющих особое значение для подтверждения значений слов и лексических составов. Фразеологизмы и слова собраны из всех более-менее известных произведений. Количество только использованных автором сборников и диванов произведений достигает 77 наименований. Автор толкового словаря для подтверждения лексического значения слова и расшифровки значения словосочетаний и составов в большей степени опирается на поэтические, прозаические и культурные произведения персидско-таджикских классиков и редко обращается к трудам литераторов – своих современников. Такое отношение автора обосновывается тем, что более поздние литераторы не стремились к познанию слов и словосочетаний [Б. А., т. 1, Мукаддима, с. 30].

Помимо этого, были использованы десятки различных произведений и антологий. Над сочинением толкового словаря «Bahār-e ‘Ajām» его автор трудился более 20 лет. «Bahār-e ‘Ajām» представляет собой богатый и важный лексикографический источник. Объяснение и толкование слов и словосочетаний в нем выполнены подробным образом и на уровне науки того времени [ЗАХТ 1973, с. 75].

Хотя большая часть материала «Bahār-e ‘Ajām» состоит из фразеологизмов и устойчивых языковых единиц, и этот толковый словарь, по сравнению с другими классическими толковыми словарями, действительно предстает перед глазами как фразеологический толковый

словарь, но с тем пониманием, которое существует сегодня по отношению к фразеологии, его нельзя описать как фразеологический толковый словарь [Капранов, 1987, с. 72].

Большинство последующих толковых словарей отдали дань уважения «Bahār-e ‘Ajam» и хвалили способ его объяснений и построение. В качестве примера можно привести слова автора «‘Āṣif-ul-lughāt» об универсальности толкового словаря «Bahār-e ‘Ajam», который говорил: «Он включает в себя некоторое количество слов и много словосочетаний, в большинстве слов он заимствовал свидетельства, и большая их часть составляют новые словосочетания». Он содержит редкостные составы, на страницах этой книги приведено множество терминов, и объяснение большинства их употребления выходит за рамки описания и скрыто за кулисами, большинство уподоблений кажутся противоречащими термину, и это исходит от аспекта его универсальности, который собирает многие главные слова в одной книге [Казим, 1379 г.х., с. 27].

В то же время автор «Bahār-e ‘Ajam» среди персидских слов и словосочетаний приводит арабские и индийские слова, используемые персоязычными поэтами в Индии. Словарный запас толкового словаря состоит из персидских слов и словосочетаний. После этого можно назвать введенные в персидский язык слова и составы из арабского, турецкого и хинди, адаптированные при их вхождении к грамматическим законам и правилам персидско-таджикского языка [Мирзоёров, 2011, с. 50]. Вот почему до «Bahār-e ‘Ajam» ни один толковый словарь не включал в себя такого количества словосочетаний и составов, поэтому даже в относительном смысле «Bahār-e ‘Ajam» упоминается как толковый словарь фразеологических словосочетаний. «Bahār-e ‘Ajam» охватывает не только смыслы и значения фразеологических словосочетаний и их использование на Индийском континенте, но и как достоверный словарный первоисточник передает послание творчества известных и неизвестных литераторов этого

литературного круга другим таджикоязычным литераторам, и, без сомнения, является самым надежным и богатым источником персидско-таджикских словосочетаний.

Другая особенность «*Bahār-e ‘Ajam*» проявляется в том, что его автор никогда не упрекает предшествующих ему лексикологов и культурологов, а даже если и упоминает их в каком-либо месте, то довольствуется приведением их мнения без упоминания о допущенных в них ошибках и погрешностях [Капранов, 1987, с. 7].

Одним словом, хотя толковый словарь «*Bahār-e ‘Ajam*» сегодня нельзя назвать чисто персидско-таджикским фразеологическим толковым словарем, но его можно назвать первым и наиболее полным фразеологическим толковым словарем по сравнению с более ранними и современными ему толковыми словарями.

Автор «*Bahār-e ‘Ajam*» поместил составы и фразеологические словосочетания и фразы стихотворения не в середине слов, а в отдельных абзацах и уделил внимание их пояснению. Например, бод дар бурут афкандан (пускать ветер на усы) – значит быть надменным и высокомерным и мыслить испорченно:

Бод чи афкандаї андар бурут,

Қувват аз ман нафизояд на қут (Ҷалол дар ҳикояи барзгар)

Ветер в тучу ты пустил зачем?

Сила твоя не увеличит мое пропитание (Джалал в рассказе о крестьянине) [Б. А., т. 1, с. 220].

бар об ниходан (поставить на воду) – в значении делать неустойчивым и нестойким и создавать что-либо:

Ҷаҳон бар об ниҳод-асту зиндагӣ бар бод,

Ғуломи хотири онам, ки дил бар ӯнаниҳод.

Мир построен на воде, а жизнь – на ветре.

Я слуга того, чтобы не привязаться к ним сердцем (Саади Ширози) [Б. А., т. 1, с. 258].

болин шикастан (сломать подушку): оказание почести, что означает отделиться от подушки. Говорят, я ходил к нему, а он и подушку не сломал, то есть он не обратил внимания на наше состояние:

Сад кабўтар гар фиристад Каъба болин нашканам,

Мову бут як рӯз дар майхона по афшурдаем.

Сто голубей если пошлет Кааба, я не сломаю подушку,

Я и мой идол в один день положили ногу в таверну (Мирзо Саиб) [Б. А., т. 1, с. 245].

бе чашму рӯ (без глаз и лица): бесстыдный

Бе чашму рӯтаре зи ту, эй богбон, кучост,

Гул чидаву шарм зи булбул накардаӣ

Без глаз и лица, как ты, о садовник, где он?

Сорвав цветы, ты и не стыдился соловья (Мухсин Таъсир) [Б. А., т. 1, с. 357].

хатти шамшербанд (линия меча) – ирония письма, в котором присутствует страх смерти [Б. А., т. 2, с. 820].

аз баҳо афтидан (падать в цене) – уменьшение от первоначальной стоимости:

Ба дарди зурбату зиндон бисоз чун Юсуф,

Марав ба ҷониби Канъон, ки аз баҳо афтӣ.

К боли ссылки и темницы будь как Юсуф,

Не иди в сторону Ханаана, где ты падёшь в цене [Б. А., т. 1, с. 119].

Тикчанд Бахар в толковом словаре не довольствуется лишь поверхностным объяснением некоторых фразеологических словосочетаний, а предлагает читателю их практическое объяснение. Например, в пояснении фразеологического словосочетания **ҳалқа бар ном кашидан** (нанесение кольца в имени) Тикчанд Бахар дает следующее объяснение: **ҳалқа бар ном кашидан** (нанесение круга над именем): убрать чье-то имя из сферы авторитета, а писцы канцелярий наносили круг для отмены чье-то имени, и это тоже имеет то же самое значение: наносить круг над чем-либо:

*Пирӣ маро зи хотири аҳбоб бурдааст,
Номам шудаст ҳалқа зи қад хамидааст
Старость забрала меня из памяти друзей.
На мое имя нанесен круг, мой стан согнут (Мухсини Тасир)*

а также:

*Номи некуи туро, эй беҳабар,
Ҳалқа хоҳад кард хати чоми май.
Твое доброе имя, о невежда,
Нанесет кругом череда кубков вина [Б. А., т. 2, с. 741].*

В ряде случаев для подтверждения одного и того же толкования автор приводит несколько стихов из разных поэтов в качестве свидетельства [Б. А., т. 1, с. 401-402, 531, 534; т. 2, с. 963, 1065, 1243; т. 3, с. 1703, 1784, 2068], но это не ради увеличения объема толкового словаря, а целью является осведомление об аппарате литераторов и состоянии их речи с точки зрения правильности и изящности, совсем не ради многословия. Да, если и есть чудо, то оно не без взлетов и падений, и оказывается, что нет средства от привилегии изобилия вещей – вещи познаются по своим противоположностям [Б. А., т. 1, Муқаддима, с. 30].

Изучая и рассматривая фразеологические словосочетания в толковом словаре «Ваһār-е ‘Аҷам», чувствуется такой момент, что Тикчанд Бахар не имел одинакового отношения к этой лексической единице. В этом смысле в его толковом словаре фразеологические словосочетания объяснены на всех уровнях. Для прояснения этого момента подход Тикчанда Бахара к фразеологическим словосочетаниям можно разделить на семь типов:

1) автор толкового словаря «Ваһār-е ‘Аҷам», приводя фразеологическое словосочетание, не обращаясь к лексическому значению, сразу переходит к его аллегорическому и метафорическому смыслу. Например, **харфи гулӯсӯз** (слово, сжигающее горло) – горькое слово:

Хан қарат ҳарфи гулӯсӯз зи қавҳар дорад,

Ҳаст дар сарзаниши хасм забонаш гӯё.

Твой кинжал в своей сути имеет слово, сжигающее горло,

В порицании врагов ее язык многословен (Мухаммад Саид Ашраф) [Б. А., т. 2, с. 724].

Такое отношение Тикчанда Бахара составляет большую часть толкового словаря, и, по нашему мнению, высокое место и положение «Ваһār-е ‘Ајам» также берёт начало из таких комментариев и объяснений;

2) сначала он обращает внимание на лексическое объяснение и толкование, а затем – на аллегорическое и метафорическое значение фразеологического словосочетания, например, **кабутари дубома** (пер. *слуга двух господ*) – голубь, не имеющий определенного гнезда, и оно является намеком на человека, не имеющего устойчивости и спокойствия:

Ҷоё намеравам зи дару боми ин ҳарам,

Не з-он кабу́тарони ду рангу дубомаам.

Никуда я не уйду из-под двери и крыши этого храма,

Я не из тех двухцветных и двухкрышных голубей. (Санджар Каши) [Б. А., т. 3, с. 1673].

Фразеологические словосочетания в плане перехода от лексического объяснения к аллегорическому и метафорическому толкованию занимают в «Ваһār-е ‘Ајам» вторую позицию, поэтому Тикчанд Бахар в большинстве случаев, как было указано, без лексического объяснения и толкования переходит к доказательному смыслу фразеологического словосочетания;

3) по сути, при объяснении и толковании слов и словосочетаний лексикографы стараются использовать синонимы или для фразеологических словосочетаний использовать нестойкие фразеологические словосочетания и выражения. Однако, наряду с этим, опираясь на научную информацию и жизненный опыт, Тикчанд Бахар дает детальное объяснение слов и словосочетаний. Как и в пояснении к

фразеологической единице **гирех дар гулӯ шикастан** (разбить узел в горле), он говорит: **гирех дар гулӯ шикастан** (разбить узел в горле): не должно быть секретом, что если шип впивается в чью-то ногу, а некоторая его часть находится вне ее, то его легко удалить, хватаясь за его кончик. Но когда он ломается, он остается на месте и его становится трудно вытаскивать, а нога ходящего здоровая, она двигается, а когда сломается, то застревает. Итак, сломать что-то в чем-то означает застревание чего-то в чем-то другом. Итак, **разбить узел в горле** – значит упасть, и очевидно, что это узел, застрявший в горле из-за сухости, возникшей из-за опасности или колебания в усилении:

Зи гуридани жандапилони маст,

Гирех дар гулӯи ҳузарбон шикаст.

Из-за рева пьяных огромных слонов,

Узел в горле богатырей разбил (Ходжа Низами) [Б. А., т. 3, с. 1784].

4) объяснение и толкование слов и фраз в сравнении с другими языками. Например, в пояснении к слову **гиребон (воротник)** автор говорит: **гиребон (воротник)**: с касрой, воротник рубашки, составленный из *гире*, означающего шею, и *бон*, что является словом отношения, и возможно гире является сокращением от *гирену*, которое известно на литературном хинди с «ё» известности и носового звука «нун» и вов имеют то же значение, а на персидском оно известно как «йо» неизвестности. В любом случае оно означает осыпание цветов, бутонов; качества крепости мечей и ободов и фонтан сравнений:

Ҳалқаи мотамаш аз тавқи гиребон бошад,

Ҳар сареро, ки зами хок шудан дар пеш аст.

Его траурное кольцо – от обода его воротника,

Каждой голове грусть превращения в прах впереди [Б. А., т. 3, с. 1785].

В другом смысле автор «Bahār-e ‘Ajam» в некоторых случаях обращается к взаимодействию слов и фразеологических единиц и к тому, как оно переходит от истины к метафоре, что еще больше увеличивает ценность этого толкового словаря.

5) в некоторых случаях автор «Bahār-e ‘Ajām» при пояснении и толковании слова или словосочетания приводит различные рассказы и легенды, поясняя тем самым их этимологические значения [Капранов, 1964, с. 22], о чем будет сказано далее в специальном разделе первой главы данной диссертации.

б) автор толкового словаря «Bahār-e ‘Ajām», приводя фразеологическое словосочетание, затем приводит термин «маъруф» (популярный) или «маълум» (известный) и без каких-либо пояснений или толкований лексического, или доказательного значения фразеологической единицы приводит стиха или несколько стихов в качестве примера. Например, **кафан бофтан (плетение савана):** популярное.

Ситорагон кафани халкро, Салим, бубин,

Чу анкабут чи бо изтироб мебофанд.

Посмотри на звезды, о Салим, саван народа,

Подобно паукам, они плетут с тревогой (Мухаммадкули Беги Салим) [Б. А., т. 3, с. 1703]

Кафан бар даръ дӯхтан (пришивание савана на кольчугу):

Дарахти каёнӣ фурурехт бор,

Кафан дӯхт бар даръи Исфандиёр.

Тростниковое дерево выбросило плоды,

И саван пришило на кольчугу Исфандияра (Ходжа Низами) [Б. А., том 3, 1703 г.].

Тег баровардан (вытащить клинок): популярное.

Мижгони ту то теги чаҳонгир баровард,

Бас кушта дили зинда, ки бар ҳамдигар афтод.

Твоя ресница вытащила клинок завоевателя мира.

Сколько убито живых сердец, обрушившихся друг на друга (Ходжаи Шираз) [Б. А., т. 1, с. 578].

Тег бар фарқ омадан (попадание клинка на макушку): популярное

Мардро вақти фуруд омадани тег ба фарқ,

Чин фикандан ба ҷабин нанги шаҳодат бошад.

Мужественному человеку при попадании клинка на макушку

Сморщиться во лбу считается позором мученичества (Талиб Омули)

[Б. А., т. 1, с. 578]

Но даже в этом случае читатель может понять значение слов и фраз, опираясь на поэтическое свидетельство. Возможно, в данном случае верно то, что сказал В.А. Капранов о том, что автор «Bahār-e ‘Ajām», по сравнению с прежними и современными ему толковыми словарями, осторожен в донесении смысла до такой степени, что в самой незначительной сомнительной ситуации довольствуется лишь приведением свидетельства (и не дает какое-либо объяснение и толкование) [Капранов, 1987, с. 7].

7) в некоторых случаях в «Bahār-e ‘Ajām» приводится слово или словосочетание, но кроме терминов «популярный» или «известный», больше ничего не приводится, не дается ни его лексическое и ни доказательное значение, не приводится ни стих или строфа, разъясняющая смысл слова и фразы. Например, **кафши шукрона** (обувь благодарности) [Б. А., т. 3, с. 1702], **анбарнӯш** (пьющий амбру) [Б. А., т. 3, с. 1537], **яроккада** (доспехи) [Б.А. т. 3, с. 2159], **хат шустан** (стирание линии) [Б. А., т. 2, с. 820], **ханумон хароб** (домашний очаг разрушен), **хонумонсӯз** (губительный, разорительный) – каждое является известным [Б. А., т. 2, с. 771], **покназар** (порядочный, высоконравственный), **погавхар** (благородный; чистый; великодушный) [Б. А., т. 1, с. 383] и т.д. могут быть примерами таких слов и словосочетаний.

Фактически такое отношение Тикчанда Бахара ставит исследователей в затруднительное положение, внушая им предположение, что нынешняя форма «Bahār-e ‘Ajām» не является окончательной формой толкового словаря, или что он стал объектом искажений со стороны разработчиков.

Однако анализ других классических толковых словарей, созданных до «Bahār-e ‘Ajām» и после него, позволяет выявить, что такое

отношение было характерно для подготовки более ранних толковых словарей. Например, А. Насриддинов по поводу «Shams-ul-lughāt» пишет: «Авторы «Shams-ul-lughāt» – хотя и зафиксировали в качестве специальных словарных статей такие слова, как **симоб** (ртуть), **намак** (соль), **силӣ** (пощечина, оплеуха), однако они игнорируют их толкование, написав напротив них слова маъруф аст (популярно), иштихор дорад (имеет известность), машхур аст (является знаменитым). Эта особенность встречается в большинстве толковых словарей и ее следует рассматривать как один из общих недостатков предшествующих лексикографов, поскольку эти слова известны не во всех персоязычных странах, а если и известны, то часто имеют разные семантические оттенки, фиксирование которых является одной из главных задач авторов толковых словарей [Насреддинов, 1982, 13].

Возможно, еще одной проблемой классических толковых словарей, в том числе «Bahār-e ‘Ājam», является пренебрежение цитированием или объяснением общеупотребительных и распространенных слов. В действительности, такое отношение ранних персо-таджикских лексикографов вполне аналогично лексикографии первых веков хиджры, когда больше внимания уделялось объяснению и толкованию неизвестных и редких слов. Так, Асадии Туси в начале «Lughat-e Furs» указывает на то, что в этом толковом словаре он объяснял именно неизвестные и двусмысленные слова. Хотя арабская лексикография в последующие столетия усовершенствовалась и привела к появлению крупнейших толковых словарей, включающих арабский язык, однако в дореволюционных персидско-таджикских толковых словарях соотношение между известными и неизвестными словами оставалось неизменным. В том смысле, что известные и популярные слова в дореволюционной лексикографии не только не собирались, но некоторые лексикографы считали за стыд их приводить. Например, автор «Burhān-e qāti‘» говорит о слове «офарин»: «офарин является в размере *остин* (рукава) в значении хвалы, восхваления и доброй

молитвы, и оно распространено в значении «творца», тогда как автор толкового словаря «Qāṭī‘-e qāṭī‘» приводит цитату из толкового словаря «Qāṭī‘-e Burhān», сказавшего в объяснение этого следующее: «*офарин* – это не слово, которого не знают, и для его узнавания привести подобие» [Qāṭī‘-e qāṭī‘, 1283 г.х., с. 35].

Несмотря на эти высказывания, «Bahār-e ‘Ajām» можно назвать таджикско-персидским поэтическим толковым словарем, автор которого стремился по каждому фразеологическому словосочетанию привести какой-либо стих или какой-либо поэтический фрагмент, и таким образом, с одной стороны, объяснить смысл фразеологического словосочетания, а с другой, уведомить об использовании такого фразеологического словосочетания в таджикском языке, и с помощью такого подхода сделать его одним из самых богатых и надежных персидско-таджикских толковых словарей в познании фразеологических словосочетаний.

1.3. Этимологические заметки некоторых фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam»

Таджикская лексикография, особенно составление толковых словарей, хотя и имеет давнюю и длительную историю и традицию [Халимов, 1964, с. 16], она не опирается на какую-либо обобщенную теорию [Рауфов, 1973, с. 5]. Однако, несмотря на это, древние таджикские толковые словари имеют большое значение для решения многих вопросов языка, особенно истории языка, лексикологии и диалектологии, и могут служить источником при составлении новых словарей таджикского языка [Халимов, 1964, с. 17]. Также некоторые древние толковые словари при объяснении значения слов указывали на их этимологические особенности, что считается необходимым материалом для определения фазовых и формообразующих изменений языка. Другой особенностью ранних толковых словарей является их охват различных языковых и неязыковых сведений; так, например, в этих толковых словарях, помимо определения формы и обычного толкования значения слов, мы встречаем и некоторые другие сведения, относящиеся к различным наукам, в том числе к истории, этнографии, географии, медицине, литературе и т.д., и с этой точки зрения такие толковые словари напоминают энциклопедические труды [Рауфов, 1973, с. 125].

Наряду с этимологическими заметками слов в древних толковых словарях, хотя и не существенно, наблюдаются этимологические заметки фразеологических выражений [Рубинчик, 1981, с. 52], которые, с одной стороны, указывают на место выражения и на то, как оно появилось, а с другой стороны, они отражают отношение, обычаи и традиции, а также привычки носителей языка. Например, в сегодняшнем таджикском языке фразеологическое словосочетание **барги сабз** (зеленый лист) указывает на маленький подарок и незначительное приношение [ФТЗТ 2008, т. 1, с. 135], и оно используется дарителем при вручении подарка в качестве извинения за малость и незначительную ценность подарка и больше используется как воплощение скромности, в то время как

этимологически он восходит к тому, что в прошлом дервиши, держа в руках связку укропа, ходили по улицам и рынкам, распевая хвалебные песни, и давали каждому человеку веточку укропа и каждый по своему усмотрению платил им какой-либо мелочью на их нужды.

Барги сабзест тухфаи дарвеш,

Чӣ кунад, бенаво ҳамин дорад.

Зеленый лист – подарок дервиша,

Что может сделать нищий, у него есть только это?

Бенавоёнр ба барги сабз гоҳе ёд кун,

Чун зи найранги ҷаҳон хар ҷи хазон хоҳад шудан.

Нищих зеленым листом иногда вспоминай,

Поскольку из-за хитрости мира он пожелтеет [Бахар, т. 1, с. 287; Деххудо, т. 3, с. 4679; Рубинчик, 1981, с. 53].

Толковый словарь «Bahār-e ‘Ajam», который, охватывая большой материал фразеологических выражений, способствовал разъяснению большего количества выражений, не остался в стороне от наличия этимологических заметок таких выражений. Хотя этимологические заметки фразеологических значений в толковом словаре кажутся незначительными по сравнению с его материалом, в целом они не лишены научного значения, поскольку, опираясь на этимологические пояснения автора толкового словаря, можно познать исторические тайны некоторых фразеологических выражений.

В подтверждение этого высказывания ниже приведем некоторые заметки автора толкового словаря «Bahār-e ‘Ajam». Так, например, в пояснении фразеологической науки **пари Симурғ бар оташ ниҳодан** (подбрасывание пера Симурга в огонь), сказано: Симург отдал свое перо Зали Зар и дал такое обещание, что всякий раз, когда перед тобой предстанет трудность, ты положи мое перо в огонь, и я не медленно прибуду к тебе и разрешу твою трудность. Поскольку его история описана в «Шахнаме», и он известен в слухах, и эта ирония заключается в

наложении заклятия, которое сделает кого-то нерешительным из-за подбрасывания мира подков в огонь:

На онсон рафта аз дастам, ки боз он дилнавоз ояд,

Пари Симурғ бар оташ ниҳам, шояд, ки боз ояд.

Не подобно тому ушла из моих рук, снова та ласковая придет,

Перо Симурга подброшу, может быть, она снова придет (Талиб Омули) [Б. А. т. 1, с. 408].

Здесь автор толкового словаря приравнивает состав **пари Симурғ бар оташ ниҳодан** (подбрасывание пера Симурга в огонь) в качестве синонима к составу **наъл бар / дар оташ ниҳодан / доштан / кардан** (класть/держать подкову на огне). Когда мы обращаемся к данному составу, мы читаем следующий комментарий Лоло Тикчанда Бахара, который сказал: «**Наъл бар / дар оташ ниҳодан / доштан / кардан** (класть/держать подкову на огне): намек на того, чтобы сделать кого-либо нерешительным путем заклинания; чтобы сделать кого-либо нерешительным, его имя вырезают на подкове и бросают в огонь:

Наъли шабнамро зи барги лола бар оташ ниҳал,

Иштиёқи офтоб аз чеҳраи тобони ӯ

Подкову росы с листа тюльпана подбрасывает в огонь,

Сильное желание солнца от ее сияющего лица [Б. А., т. 3, с. 2043].

Автор «Ваһār-е ‘Аҷам» упоминает об антонимичном сочетании **сурху сиёҳ** (красный и черный цвет) и говорит о его происхождении: «Существует обычай, что в дни ашуры некоторые люди красят свои лица в черный цвет, и поскольку чаще этот поступок совершают презренные и подлые, в этом случае ирония заключается в следующем:

Ин муҳаррам, ки мерасад ногоҳ,

Мешавад тӯшадор сурху сиёҳ.

В этом месяце мухаррам, который приходит внезапно,

Становится имеющий пропитание красно-черным (Хаким Шарафуддин Шифаи) [Б. А., т. 2, с. 1266].

Кайк ба гиребон будан (быть блохой в воротнике) – одна из других фразеологических единиц, которым автор «Bahār-e ‘Ajam» дал этимологическое объяснение, приведя поэтическое свидетельство:

Нест як кас, ки дар дил меҳнати давронаш нест,

З-ахтари сӯхта кайке ба гиребонаш нест.

Нет ни одного человека, у которого в сердце не было бы трудностей его эпохи.

С обожженной звезды нет блохи в его воротнике (Мухсини Тасир).

Он говорит: А также **кайк дар порча афкандан ва дар шалвор афкандан ва кардан** (бросить блоху на тряпку и бросить ее в шаровары), что является его комбинацией. Муджаддин Али Кавси говорит: блоха в шароварах и камень в сапоге – две известные пословицы в отношении того, кто пытается сделать что-то и не сумеет этого сделать, подобно тому, как если у идущего **санг дар муза ва кайк дар шалвор** (камень в сапоге и блоха в шароварх), это мешает ему идти, совершающий это дело будто так же страдать от того же состояния [Б. А., т. 3, с. 1750].

В сегодняшнем письменном и разговорном таджикском языке широко используется фразеологическая единица **гурги борондида** (волк, увидевший дождь). Хотя эта фразеологическая единица указывает на человека, имеющего богатый опыт, повидавшего и жару, и холод жизни, тем не менее, она имеет негативный оттенок. Автор толкового словаря «Bahār-e ‘Ajam» по семантическому и этимологическому объяснению этой знаменитой фразеологической единицы говорит: **Гурги борондида ва гурги бепаркарда** (Волк, увидевший дождь, и волк с сорванными крыльями): по-видимому, волчонок боится дождя и во время дождя не выходит из своей норы, даже если он голоден и хочет пить. Но когда волк оказывается вне своего дома и на него обрушивается дождь, и он видит, что от него не будет ему никакого бедствия и вреда, он снова становится храбрым и не боится дождя. И это намек на опытных людей, вкусивших жару и холод мира и на месте необходимости востребованных.

*Гуфтам аз ашкам магар гардун бипарҳезад, вале
Нест бим аз гиряам ин гурги борондидаро.
Я сказал, из моих слез разве мир избегает, но
У меня, этого волка, увидевшего дождь, нет страха от плача*
(Мухаммадкули Салим)

*Кай зи ашку оҳи мазлумон дилаш ояд ба раҳм,
Гурги борондида бошад, золими рӯбоҳбоз.
Когда слезы и вздохи угнетенных тронут его сердце жалостью,
Волком, увидевшим дождь, явится он, хитрый он, как лиса* (Мухлиси Кашани).

Поэтому то, что Рашиди считает **гурги борондида** (волк, увидевший дождь) ошибочным, а правильным является **болондида** (увидевший болон), а *болон* называют табун или стадо, и это неправильно, а правильным является **полондида** с персидской буквой «пе» и является его синонимом, когда игроки провинции надевают на волка вьючное седло, как было услышано от носителей языка и как было исследовано:

*Бо каманди меҳрубонӣ бар намеояд зи чоҳ,
Юсуфи мо, эй азизон, гурги полондида аст.
Арканом доброты не выходит из колодца.
Наш Юсуф, о дорогие, как волк, увидевший вьючное седло* (Салики Язди) [Б. А., т. 3, с. 1778].

Как видно, автор для определения происхождения фразеологической единицы **гурги борондида** (волк, увидевший дождь) приводит различные рассказы и ее формы, которые в целом указывают на «опытность» волка.

На наш взгляд, точку зрения автора можно принять или отвергнуть, ведь на самом деле изменение буквы «л» на «р» в других персидско-таджикских словах также имеет место. Например, синонимы пары **долу дарахт** (деревья) имеет другую форму **дору дарахт** (деревья). С этой точки зрения можно сказать, что фразеологическая единица **гурги болондида** (волк, увидевший вьючное седло) со временем превратилась в **гурги борондида** (волк, увидевший дождь). С другой стороны, у людей

продолжительность жизни некоторых животных зависит от природных явлений, особенно от снега и дождя. В данном случае фразеологическая единица **гурги борондида** (волк, увидевший дождь) не то же самое, что **гурги болондида** (волк, увидевший вьючное седло), а представляет собой самостоятельную фразеологическую единицу, аналогичную второй.

Стоит отметить, что для этой фразеологической единицы в таджикском языке синонимом становится фразеологическая единица **гармию сардй дида** (увидевший жару и холод), которая, в отличие от первой, имеет положительное значение и указывает на опытность человека.

Среди других фразеологических единиц, упомянутых в «Bahār-e ‘Ajām» по способу своего происхождения, – это **дил ба гиребон афкандан** (бросить сердце в воротник), о котором автор говорит: **дил ба гиребон афкандан** (бросить сердце в воротник): женщины провинций из-за плохого характера детей бросают овечьё сердце в воротник детей, и это признак *индиёт* [суфийский термин, указывающий на мысли, поселяющиеся в сердце (Гулова З.)]:

Тифле, ки бадхӯй кунад, аз меҳр сӯзад дояаш,

Дил дар гиребонаш фикан, шояд, ки теморааш кунад.

Ребенок, который непослушен, его няня любовью сгорит,

Сердце в его воротник брось, может он позаботится о нем (Мухлиси коши) [Б. А., т. 2, 990].

В толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» фразеологическая единица **ташти оташ ба сар доштан** (держат таз огня на голове) используется в значении *просить извинения*, а его этимологическое происхождение обозначается следующим образом: в древности любой, совершивший преступление, держал на голове таз с огнем, и это является признаком бессилия и беспомощности [Б. А., т. 3, с. 1483]. Представляется, что сегодня данная фразеологическая единица изменила свое значение, теперь она означает не извинение, а беспокойство и волнение, и

аналогична другой таджикской фразеологической единице: **ташти оташ зери по доштан** (держат таз с огнем под ногами).

Шурб-ал-яхуд (питье иудеев) – одна из других фразеологических единиц, на этимологию которой указал автор «Bahār-e ‘Ajam» и предложил следующее объяснение. **Шурб-ал-яхуд** (питье иудеев) означает: есть тайно и есть понемногу, как иудеи; из-за страха перед мусульманами они тайно пьют вино, и пьют понемногу, чтобы опьянение не проявилось.

Касе то кай кунад шурб-ал-яхуд аз бими расвой,

Аёзам пур кун, эй соқӣ, ки коре бо асас дорам. Солики Яздӣ.

Как долго человек питье иудеев будет соблюдать, из-за страха быть опозоренным,

Наполни мой кубок, о виночерпий, ибо дело у меня с ночной стражей (Салики Язди) [Б. А., т. 2, с. 1385].

В этимологическом пояснении фразеологизма **об аз пай рехтан** (лить воду вслед) автор приводит следующее: В Иране принято класть несколько зеленых листьев на зеркало за человеком, отправляющимся в путешествие, и лить на него воду, и это считается знаком скорого им достижения места назначения и благополучного возвращения.

Кӯйи ту манзилгаҳ аст дар сафари ошно,

Ба рухи оина об аз пайи бегона рез.

Встреча с тобой является местом стоянки в путешествии друга,

На лицо зеркала воду вслед чужого налей (Мулла Тугро) [Б. А., т. 1, с. 3].

Однако в таджикском языке данная фразеологическая единица используется как: **аз пайи касе об рехтан** ва **пайи касеро қорӯб задан** (лить воду за кем-либо и подметать след кого-либо), что не считается хорошей приметой, а принимается как примета невозвращения хозяина следа.

Кафи байзо ва **яди байзо** (овальная ладонь и овальная рука) являются одними из наиболее часто употребляемых фразеологических единиц в стихотворениях персидско-таджикских поэтов-классиков, происхожде-

ние которых восходит к истории Мусы (с). Автор «Bahār-e ‘Ajam» обращается к этимологии этой фразеологической единицы и говорит: **овальная ладонь** – это то же самое, что и **овальная рука**, которая явилась чудом пророка Мусы (с) [Б. А., т. 3, с. 1700].

Таким образом, автор толкового словаря уделит внимание рассмотрению некоторых этимологических значений слов и выделению второстепенно-вспомогательных и исходно-основных значений слов при объяснении и толковании фразеологических словосочетаний. Так, в пояснении фразеологизма **паси сар намудан** (показать тыльную часть головы) он говорит: **паси сар намудан** (показать тыльную часть головы): намек на отворачивание лица из-за смущения, а также в смысле оказания чести. Если *намудан* (показать; делать) означает *кардан* (делать), то оно является синонимом *паси сар кардан* (преодолевать), а если оно приходит в значении показа, тогда это значит опущение головы от смущения, при котором показывается тыльная часть головы:

Ҳаст гар кишвари мо з-они ту маҳзар бинмо,

В-арна берун шав аз ин хона паси сар бинмо.

Если наша страна принадлежит тебе, то покажи свидетельство,

Иначе выйди из этого дома и покажи тыльную часть головы

(Нуриддин Зухури) [Б. А., т. 1, с. 421].

Автор здесь сосредотачивает свое внимание на основном значении глагола *намудан* (показать; делать). Как известно, этот глагол в таджикском языке означает: 1. «сделать видимым, показать, сделать видимым перед глазами». 2. стать видимым перед глазами; показаться на глаза, стать видимым, проявляться, быть увиденным, а также в качестве вспомогательного глагола в составных именных глаголах вместо «кардан» (делать)» [ФТЗТ, т. 1, с. 895].

Комментируя толкование **доманчок будани духтар** (разрез на подоле девушки), автор отмечает, что среди иранских жителей пустыни распространено такое явление: когда они предлагают свою дочь в качестве невесты одному из сыновей рода, они просят жениха разрезать

своими руками подол девушки, и считают это добрым предзнаменованием. Говорят: сын такого-то разрезал подол такой-то девушки, то есть они являются помолвленными:

То бар сари мо сояи барги ток аст,

Кай парвоам зи гардиши афлок аст.

Зоҳид, манъаи чи мекунӣ дар мастӣ,

Бо духтари раз, Қабул, доман чок аст.

Пока над нашей головой тень виноградного листа,

Зачем мне волноваться курговором жизни.

О аскет, зачем ты запрещаешь ему, спяну,

С девушкой винограда, Кабул, он помолвлен (Абдулганибеги Кабул)

[Б. А., т. 2, с. 797].

В другом месте автор в пояснении словосочетания **фоли каланд** (примета мотыги) автор говорит: «Один из иранцев говорил, что человек закрывает голову и лицо и тайно идет к двери чужого дома, у него есть сито или мотыга, и он играет на сите (на мотыге), и хозяин дома узнает, и кладет на сито что-то съедобное или напиток, и на том предсказывают хорошее и плохое:

Рахт зи ҳусни сафар карда, то нишон гирад,

Зи хат каланд фиканду ба фол гӯи нишаст.

Он собрался в далёкий путь, чтобы получить знак.

От черты кинул мотыгу и сел, прислушиваясь к предзнаменованию
(Мухсини Тасир)

По-видимому, **каланд фикандан** (подбрасывать мотыгу) – это примета, типичная для Ирана, и она является особенностью не только слов людей, а гадание делается с помощью звуков других животных, их перемещений и поселений» [Б. А., т. 3, с. 1566].

Данное словосочетание с приведенным объяснением является незнакомым таджикскому народу, поэтому его эквивалент в таджикском языке можно искать для той же игры и гадания, которые распространены

среди людей при **барфи аввал** (первый снег) и цветении **гули сияхгӯш** (черноухий цветок).

«**Ком бардоштан / баргирифтан**» (поднять / забрать нёбо) – одна из других фразеологических единиц, о происхождении которой автор отмечает: «**Ком бардоштан / баргирифтан**» (поднять / забрать нёбо) – это когда ребёнок рождается, акушерка своим пальцем, намазанным медом, поднимает его нёбо и вливает в его горло зика, (это) называют также *ба ногӯш кардан* (поднять нёбо):

Бардошта осмон зи хун коми маро,

Кардаст чунин бузург андоми маро.

Подняло небо из крови моё нёбо,

Сделало таким огромным моё тело (Мухаммад Саид Ашраф) [Б. А., т. 3, с. 1667].

Возможно, появление фразеологической единицы «**ком бардоштан / баргирифтан**» (поднять / забрать нёбо) связано именно с этим значением и действием, но сегодня эта трактовка имеет совершенно иной смысл, и в связи с формированием в ней метафорического значения, от объяснения, данного автором, никаких следов, за исключением толковых словарей других письменных и разговорных языков, нигде не сохранилось. В таджикском языке распространено выражение **ком бардоштан** (поднять нёбо), в частности, вариант **ком гирифтан** (получить нёбо), и он означает *достижение желания, достижение цели* [ФТЗТ, т. 1, с. 618].

Одним словом, автор «*Bahār-e ‘Ajam*» попытался дать этимологические объяснения некоторым фразеологическим единицам, независимо от того, являются ли они именными или глагольными. Авторские этимологические пояснения дают нам возможность наряду с познанием места употребления той или иной фразеологической единицы больше узнать о развитии и формировании ее значений.

ГЛАВА II.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В «ВАНĀR-Е ‘АЇAM»

2.1. Лексический состав фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam»

Хотя лексическое значение слова во фразеологической единице каким-то образом изменилось, в определенной степени утратило свою самостоятельность и стало выражать новое значение в связи с другими словами внутри фразеологической единицы, тем не менее, изучение и рассмотрение использованных слов во фразеологической единице помогает больше узнать о ней. Известно, что фразеологические единицы, по сравнению с лексикой, являются вторым явлением в языке и образуются на основе различных сочетаний слов. Однако значения и понятия таких фразеологических конструкций возникли не из простой связи компонентов, а из связи исторического образования слов, развившихся, закрепившихся и стабилизовавшихся в языке и образовавших определенную систему. Именно по этой причине в языке народной поэзии не все слова одинаково служат для образования указанных словосочетаний и выражения значений [Саидов, 1990, т. 1, с. 81].

Статистический анализ лексического состава словосочетаний, использованных в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajam», свидетельствует о том, что большинство слов, используемых в этом толковом словаре, являются чисто таджикскими словами. Исконно таджикские слова как постоянные элементы фразеологических единиц являются признаком того, что такие фразеологические единицы существуют в нашем языке на протяжении веков и распространены в этой форме и образце [Муслимов, 2009, с. 20].

Лексическая классификация таджикских слов в фразеологических единицах. Из лексической классификации таджикских слов во фразеологических словосочетаниях «Bahār-e ‘Ajam» вытекает, что по

сфере их употребления и применения их можно разделить на следующие группы:

А) слова, обозначающие части тела: **дахан** (рот): *дахан тар кардан ба чизе* (приложить рот к чему-либо) – намек на расспрашивание о чем-либо:

Чу мӯй шуд танам аз шавқи он миёну накардӣ,

Дахан ба пурсиши бемори хеш як сари мӯтар.

Как волосок стало мое тело от страсти к той талии,

Рот на расспрашивание своего больного не увлажнила ни на кончик волоска (Бисоти) [Б. А., т. 2, с. 1035]; **дандон** (**зуб**): *дандон аз чизе кандан* (выдернуть зуб из чего-либо) – потерять надежду [Б. А., т. 2, с. 1005]; *дандон аз бун баркандан* (вырвать зуб с корнем) – намек на опозорение, поражение и покорение [Б. А., т. 2, с. 1005]; **забон** (**язык**): *забони оташин* (огненный язык) – намек на горячий язык [Б. А., т. 2, с. 1146]; *забон олудан ба чизе* (говорить о чем-то) [Б. А., т. 2, с. 1146]; *забон аз об пур шудан=забон аз об тар шудан* (язык наполнен водой = язык мокр от воды) [Б. А., т. 2, с. 1146]; *забон бо касе яке доштан=забон бо касе яке кардан* (иметь с кем-то один язык = сговориться с кем-либо) – соглашаться с ним в слове [Б. А., т. 2, с.1147]; *забон бар хок молидан* (тереться языком о землю) – тоска и мечтание [Б. А., т. 2, с. 1147]; **лаб** (**губы**): *лаби афсӯс* (губы сожаления) [Б. А., т. 2, с. 1855]; *лаб ба ҳарф супурдан ва афкандан* (приложить и бросать губы к словам) [Б. А., т. 3, с. 1855]; *лаб ба дандон хастан=хоидан ва газидан* (приложить губы к зубам = жевать и кусать) – употребляется также в состоянии гнева, удивления и раскаяния [Б. А., т. 3, с. 1855]; *лаб бастан муқобили лаб кушодан* (смыкание губ против раскрытия губ) [Б. А., т. 3, с. 1856]; **дил** (**сердце**): *дил аз кор бурдан* (освободить сердце от труда) [986]; *дил аз кина сабук кардан* (избавить сердце от обиды) [Б. А., т. 2, с.986]; **даст** (**рука**): *наси даст кардан =наси даст нишондан* (ставить позади руки = посадить за рукой) [Б. А., т. 1, с. 420]. **по** (**нога**): *по гирифтан* (взять ногу) – застрять ногой, а также умереть) [Б. А., т. 1, с. 383]; *пойи он надорад* (у него нет для этого

ног) – он не имеет способности и возможности сделать того) [Б. А., т. 1, с. 386]; *пой овардан* (принести ногу и поселиться) [Б. А., т. 1, с. 386]; *пой аз пеи рафтан* = *пой ба дар рафтан* (идти ногой вперед = ставить ногу в сторону двери) – поскользнуться и намек на банкротство и нищенство [Б. А., т. 1, с. 387]; **рӯ (лицо):** *рӯ овардан ба чизе* (повернуть лицо к чему-то) – обратить внимание на что-то [Б. А., т. 2, с. 1125]; *рӯйи танг доштан* (иметь узкое лицо) [Б. А., т. 2, с. 1128]; **сар (голова):** *паси сар хоридан* (чесать затылок) [Б. А., т. 1, с. 420]; **шикам (живот):** *шикам аз гизо баровардан* (**отрывать живот** от пищи) [Б. А., т. 2, с. 1411]; *шикам андохтан* (пускать живот) [Б. А., т. 2, с. 1411]; *шикам боз кардан* (раскрывать живот) [Б. А., т. 2, с. 1411]; *шикам бар пушт часпидан* (втягивание живота к спине) [Б. А., т. 2, с. 1411];

Наряду с литературными словами, выражающими части тела, в фразеологических словосочетаниях «Ваһār-е ‘Ајат» можно увидеть разговорные слова, выражающие эти понятия. Например, **линг (нога):** *линги хокй* (нога земли) [Б. А., т. 3, с. 1871]; **калла (голова):** *калла бар калла задан* (ударить головой о голову) [Б. А., т. 3, с. 1713]; **бинй (нос):** *биниши дар* (дверной нос) [Б. А., т. 1, с. 371]; *бинй задан* (сморкание; втыкать нос) [Б. А., т. 1, с. 371]; *тег кашидани бинй* (сморщивать нос) [Б. А., т. 1, с. 582]; **гардан (шея):** *гардан андохтан // гардан чарбу нарм кардан // гардан хам кардан // гардан ка ҷ кардан // гардан нарм шудан // гардан ниҳодан* (наложить шею // намазать и размягчать шею // согнуть шею // сгибать шею // смягчить шею // подставить шею) [Б. А., т. 3, с. 1769, 1770]; **нохун (ногти):** *нохун андохтан // нохун расонидан бар созу тор* (касание ногтями // касание музыкального инструмента ногтями) [Б. А., т. 3, с. 1989];

Б) слова, выражающие понятия родства: **модар (мать):** *модари бог* (мать сада) – земля [Б. А., т. 3, с. 1879]; *модар бихато* (непогрешимая мать) [Б. А., т. 3, с. 1879]; **духтар (дочь):** *духтари офтоб* (дочь солнца) [Б. А., т. 2, с. 907]; **писар (сын):** *писари ток ва писари раз* (сын винограда и сын лозы) [421]; **арӯс (невеста):** *арӯси ток* (невеста винограда) [Б. А., т. 3,

с.1515]; *арӯсони богу арӯсони чаман* (невесты садов и невесты цветников) [Б. А., т. 3, с. 1515]; **бачча (дитя):** *баччаи ангур* (дитя винограда) [Б. А., т. 1, с. 248]; *бачча баровардан / / бачча кашидан* (вынимание дитя / / вытаскивание дитя) [Б. А., т. 1, с. 246, 247];

Из лексического анализа фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām» выяснилось, что в составе словосочетаний меньше всего используются таджикские слова, обозначающие понятия родства. Причём эти слова употребляются целиком в метафорическом смысле, так как слова **писар (сын)** и **духтар (дочь)** с добавлением слов **раз (лоза), ток (виноград)** и **хум (кувшин)** относятся лишь к **шароб (вино)** и только.

В) слова, обозначающие названия животных и птиц: **асб (лошадь)¹:** *асб ба ҷул* (накладывать попону на лошадь) [Б. А., т. 1, с.147]; *асби ҷӯбин* (деревянная лошадка) [Б. А., т. 1, с.147]; **гов (корова):** *гов дар хирман кардан ва будан* (приводить корову на молотьбу) [Б. А., т. 3, с.1754]; **гурба (кот):** *гурба аз багал афкандан ва андохтан* (выбрасывание и выкидывание кота из-под мышки) [Б. А., т. 3, с. 1762]; **саг (собака):** *саги почагир* (собака, хватаящая за ногу) [Б. А., т. 2, с. 1304]; **хар (осел):** *хар бар бом бурдан* (ношение осла на крышу) [Б. А., т. 2, с. 791]; *хари худро дароз бастан* (привязать своего осла длинной веревкой) [Б. А., т. 2, с. 792]; **гург (волк):** *гурги борондида ва гурги бепар карда* (волк, увидевший дождь, и беспёрый волк) [Б. А., т. 3, с. 1778]; **кабутар (голубь):** *кабутари дубома ва кабутари дубурҷӣ* (двукрышный голубь и двухкупольный голубь) [Б. А., т. 3, с. 1673]; **пил (слон):** *кӯс бар пил бастан* (привязать барабан к слону) [Б. А., т. 3, с. 1739]; **хирс (медведь):** *бо хирс дар ҷувол рафтан* (прогулка с медведем на поводке) [Б. А., т. 1, с. 217];

Г) слова, обозначающие названия растений и сельскохозяйственных культур: **гандум (пшеница):** *гандумнамои ҷавфурӯи* (продавец ячменя, притворяющийся продавцом пшеницы) [Б. А., т. 3, с. 1826]; **ҳиндувона (по-индийски):** *ҳиндувона аз тарс афкандан* (отбросить страх по-

¹ Хотя в таджикском языке, как устном, так и письменном, распространена форма «асп» (лошадь), но здесь слово пишется согласно тому, как написано в толковом словаре «Баҳори Ачам».

индийски) [Б. А., т. 3, с. 2139]; **бодом (миндаль):** *бодоми сияҳ* (черный миндаль) [Б. А., т. 1, с. 218];

Д) слова, обозначающие важные элементы природы: **осмон (небо):** *осмон бо замин дӯхтан* (соединение неба с землей) [Б. А., т. 1, с. 57]; **офтоб** // **хуршед (солнце):** *офтоб афтодан бар чизе* (солнце, падающее на что-либо) [Б. А., т. 1, с. 67]; **замин (земля):** *замин аз дур бӯсидан* (целовать землю издали) [Б. А., т. 2, с. 1173]; **об (вода):** *оби хушк* (сухая вода) [Б. А., т. 1, с. 12]; *об дар бода кардан* (смешать вино с водой) [Б. А., т. 1, с. 14]; *об дар гирбол кардан* (вливать воду в сито) [Б. А., т. 1, с. 16]; **хок (почва):** *хок баровардан аз чизе* (удаление почвы с чего-либо) [Б. А., т. 2, с. 758]; *хок андохтан* (засыпать грязью) [Б. А., т. 2, с. 758]; **оташ (огонь):** *оташ афкандан* // *оташ андохтан дар чизе* (разжечь огонь // бросить огонь во что-либо) [Б. А., т. 1, с. 36]; **бод (ветер):** *бод ба худ андохтан* // *кардан* // *болидан* (дуть // делать // направить на себя ветер) [Б. А., т. 1, с. 218]; *бод ба даст* // *бод дар каф* // *бод дар мушт* // *бод ба мушт*

В данном разделе в составе фразеологических словосочетаний чаще всего употребляется слово «об» (вода), число которых, статистически, достигает более 500. Статистический анализ показывает, что в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» отглагольных фразеологических словосочетаний, состоящих из слова «об» (вода), в несколько раз больше, чем изафетных фразеологических словосочетаний, состоящих из этого же слова. Более того, при анализе таких фразеологических словосочетаний можно сделать вывод, что часть изафетных фразеологических словосочетаний так или иначе ограничена по смыслу. Так, например, и в толковом словаре такие фразеологические словосочетания часто используются как выражение вина и воды жизни, имеющие намек на коранические рассказы, многие поэты также использовали их в своих стихах.

Е) слова, обозначающие одежду: **шалвор (шалвар):** *шалвори каргадан* (шаровары каргадана) [Б. А., т. 2, с. 1417]; **чома (халат, плащ):** *чомаи марг* (плащ смерти) [Б. А., т. 1, с. 599]; *чома қабо кардан* (надевание халата) [Б.

А., т. 1, с. 599]; *чома когазй кардан* (делать бумажным халат) [Б. А., т. 1, с. 599]; *чомаи гул* (цветочный халат) [Б. А., т. 1, с. 599]; **остин (рукав):** *остин аз чаим бардоштан* (снятие рукава с проушины) [Б. А., т. 1, с. 53]; **домон (подол):** *доман афшондан аз чизе ва бар чизе* (снять подол с чего-нибудь и на чем-нибудь) [Б. А., т. 2, с. 895]; **гиребон (воротник):** *гиребон рехтан аз чизе* (посыпать воротник чем-либо) [Б. А., т. 3, с. 1785]; *гиребон доман кардан* (сделать из воротника подол) [Б. А., т. 3, с. 1785]; **пирохан (рубашка):** *пирохан обй кардан* (бросить рубашку в воду) [Б. А., т. 1, с. 452]; *пирохани когазй* (бумажная рубашка) [Б. А., т. 1, с. 452]; **пустин (тулуп):** *дар пустин афтодан = дар пустин афкандан* (падать на тулуп = бросать на тулуп) [Б. А., т. 2, с. 916]; **дастор (чалма):** *дастор бар замин задан* (ударять землю чалмой) [Б. А., т. 1, с. 644];

Ё) слова, обозначающие бытовые принадлежности: **оина (зеркало):** *оина овехтан* (вешать зеркало) [Б. А., т. 1, с. 90]; *оина ба хокистар пардохтан // оина ба хокистар кашидан* (наносить на зеркало пепел // накладывать зеркало на пепел) [Б. А., т. 1, с. 90]; **теша (топор):** *теша олудан ба чизе* (мазать топор чем-нибудь) [Б. А., т. 1, с. 576]; *теша ба по хурдан // задан* (ударить // получить удар топором по ноге) [Б. А., т. 1, с. 576]; **каланд (мотыга):** *каланд афкандан* (бросить мотыгу) [Б. А., т. 3, с. 1712]; **дег (котел):** *аз сар рафтани дег* (пуск котла) [Б. А., т. 1, с. 133]; *дег ба чуи овардан* (привести котел в кипячение) [Б. А., т. 2, с. 1044]; **ресмон (веревка):** *ресмон будани осмон дар чаим* (веревка неба в глазу) [Б. А., т. 2, с. 1136]; **сабу (кувшин):** *сабу шикастан* (разбивать кувшин) [Б. А., т. 2, с. 1222]; **корд (нож):** *корд аз гуит гузаштан* (нож сквозь плоть) (пронзание плоти ножом) [Б. А., т. 3, с. 1652];

Ж) слова, выражающие религиозные понятия: **Худо (Бог):** *Худо бигирад* (пусть заберет Бог) [785]; *Худо-Худо доштан // Худо-Худо кардан* (иметь Бога-Бога // дай Бог-Бог) [Б. А., т. 1, с. 785]; **рӯза (пост):** *рӯза ба рӯза бурдан* (вести пост до поста) [Б. А., т. 2, с. 1116]; *рӯза бастан* (держать пост) [Б. А., т. 2, с. 1116]; *рӯза шикастан* (разговение после поста) [**намоз** (молитва): *намози чомаот // намози хусуф // намози ид //*

намози қазо // намози қаср // намози маъқус бурдан // шикастан // кардан / / гузорида (общинная молитва / / молитва при затмении луны / / праздничная молитва / / пропущенная молитва / / короткая молитва / / вести / / разбить / / сделать / / выполнить обратную молитву [Б. А., т. 3, с. 2068]; **мусулмон (мусульманин):** *бар дӯши навмусулмон тег будан / / доштан* (быть мечом на плече нового мусульманина) [Б. А., т. 1, с. 270];

3) слова, обозначающие этническую принадлежность и национальность: **туркӣ** (тюркский): *туркӣ кардан* (сделаться тюркским) – намек на резкость и грубость) [Б. А., т. 1, с. 510]; *туркӣ тамом шудан* (закончиться турецким) [Б. А., т. 1, с. 511]; **арабу ачам (арабы и неарабы):** *арабу ачамбоз* (арабы и играющий с неарабами) [Б. А., т. 3, с. 1509]; **ҳинду** (индиец): *ҳинду дарёнишин* (индиец, поселившийся на реке) [Б. А., т. 3, с. 2140]; **қазвинӣ (быть из Казвина):** *қазвинӣ шудан* (стать местным из Казвина) [Б. А., т. 3, с. 1620].

Исследуя слова таджикско-персидского происхождения среди фразеологических словосочетаний толкового словаря «*Vahār-e ‘Ajam*», можно прийти к выводу, что оригинальный состав фразеологических словосочетаний этого толкового словаря составляют именно таджикско-персидские слова. Слова, с точки зрения выражения в фразеологических словосочетаниях, больше связаны с человеческими органами, домашней утварью и инструментами.

Тюркские слова в составе фразеологических словосочетаний толкового словаря «*Vahār-e ‘Ajam*». В таджикском языке по количеству и использованию заимствованные арабские слова, по сравнению со словами, заимствованными из других языков, занимают особое место, и в отношении заимствованных составов фразеологических словосочетаний подходит такая же оценка. После арабских заимствований в составе таджикских фразеологических словосочетаний, пожалуй, второе место занимают тюркско-узбекские заимствования. В составе таджикских фразеологических словосочетаний можно встретить и заимствованные русские слова, родившихся в советское время, но с

обретением независимости сфера их использования, как в периодической печати, так и в художественных книгах, сузилась и даже ушла в небытие.

В составе фразеологических словосочетаний, приведенных в толковом словаре «Ваhār-e ‘Ajam» Лоло Тикчандом Бахаром, наряду со словами персидско-таджикского происхождения, заимствованные арабские слова являются многочисленными, а за ними следуют тюркские заимствованные слова. Автор «Ваhār-e ‘Ajam» упоминает тюркские слова, которые используются в персидско-таджикском языке, как по отдельности, так и в контексте фразеологических словосочетаний, и наряду с тем дает пояснение, как читать, объяснять и истолковывать приведения персидско-таджикского эквивалента, а также упоминает, что они принадлежат тюркскому языку, затем приводит их свидетельства из прозаической и поэтической речи. Например, в объяснении фразы **куллар оқос** говорится: **куллар оқосӣ** с заммой первой буквы и касрой второй буквы «лом» в тюркском языке означает глава рабов. *Кул*: раб, *лар*: знак множественного числа, как «алиф» и «нун» в персидском языке, *оқосӣ*: глава:

Аз гуломони шоҳи мардон ўст,

Ки дар ин аҳд қуллар оқосист

Из числа рабов царем мужей – это он,

Который в эту эпоху является главой рабов (Дороббеги Джуё) [Б. А., т. 3, с. 1631].

В другом месте, в пояснении слова **курут** (курут – сыр, высушенный в виде шариков) и производного от него фразеологического словосочетания он говорит: **курут** – это то, что кипятят пахту до тех пор, пока он не загустеет, затем снова затирают его, и он становится более кислым... Это слово тюркского происхождения, а по-персидски он называется *пенуй*. Они называют **карокурут** (черный курут) – это черный пенуй. **Курутӣ шудани муомила** (превращение отношения в курут): с заммой, верхняя точка достигла нижней точки, прерывание работы. Нематхан Оли при осаде Хайдарабада говорил: *Баҳодурон чун диданд, ки*

муомила қурутӣ шуд, *бармолиданд* «Когда богатыри увидели, что сделка нарушена, они ушли») [Б. А., т. 3, с. 1619].

В «Bahār-e ‘Ajam» относительно тюркского слова **қоб** говорится: абсолютное наречие, **қоби айнак** – футляр для очков, **қоби қалам** – пенал, **қоби оина** – шкаф зеркала, **қоби китоб** – портфель для книг, **қоби таом** – тарелка, и в любом случае оно тюркское [Б. А., т. 3, с. 1600].

Среди тюркских фразеологических словосочетаний, состоящих из двух тюркских слов² и употребляющихся в таджикско-персидском языке, особенно в произведениях персоязычных литераторов Индии, которые собрал автор «Bahār-e ‘Ajam», приведены следующие слова / фразеологического словосочетания: **шарбошран / шарбошаън** – авангард войска, и это тюркское слово [Б. А., т. 2, с. 1026]; **эшак оқосӣ** – по-тюркски – чиновник канцелярии [Б. А., т. 1, с. 208]; **делбалмуз** – по-тюркски – не знает языка [Б. А., т. 2, с. 1044] и **қуллар оқосӣ** [Б. А., т. 2, с. 1026], объяснение которого было дано выше.

Кроме того, в этом толковом словаре приведены фразеологические единицы, часть из которых тюркские, а часть – таджикско-персидские, и на наш взгляд, их употребление, как среди представителей пера, так и среди людской массы, является большим, чем полных тюркских фразеологических единиц. Например, фразеологические единицы: **қок шудани тир** (высушивание пули) [Б. А., т. 3, с. 1602]; **урдакпаронӣ кардан** (стрелять в утку) – шутить и дразнить [Б. А., т. 1, с. 114]; **урдак аз кун парондан** (заставить утку вылететь из зада) – лутяне говорят: мы ударили его по голове таким ударом, что утка вылетела из зада [Б. А., т. 3, с. 115]; **қурутӣ шудани муомила** (крах сделки) – прекращение работы [Б. А., т. 3, с. 1619] подтверждают вышеизложенное.

Кроме того, автор приводит фразеологическую единицу в толковом словаре, а затем использует для её толкования её тюркский эквивалент. Например, в пояснении словосочетания **қулахмадӣ** автор подчёркивает,

² Хотя эти выражения в тюркском языке состоят из двух слов и сами по себе могут иметь фразеологическое значение, но при заимствовании они либо выступали как одно слово, либо теряли свое фразеологическое значение и использовались как лексическая единица.

что «**кулахмадй**: удар по чьему-либо телу со всей силой, а у турков это называется **хақназарбегй**» [Б. А., ч. 3, с. 1629].

Исследуя тюркские слова среди персидско-таджикских фразеологических словосочетаний в «Bahār-e ‘Ajām», можно прийти к выводу, что в этом толковом словаре количество таких фразеологических словосочетаний по сравнению с словосочетаниями, составленными из подлинных персидских, таджикских и арабских слов, незначительно, и большинство из них использовалось лишь в поэзии, и только.

Толковый словарь «Bahār-e ‘Ajām», созданный в персоязычном регионе Индии, не может, без сомнения, не подвергнуться влиянию индийского языка. Хотя в составе представленных в нем фразеологических словосочетаний нет ни слова индийского происхождения, но из некоторых акцентов и намеков автора этого толкового словаря прослеживается, что некоторые фразеологические единицы таджикского персидского языка были переведены с индийского языка, и как сам автор признает, что выражение того или иного словосочетания или фразеологического словосочетания характерно для индийского народа. Так, например, автор в пояснении фразеологической единицы **гачи ширин** (сладкая штукатурка) приводит: «**гачи ширин** (сладкая штукатурка) – это разновидность глины, которая используется в постройках и разваливается при намокании, и это обычно для Индии, неизвестно, существует ли она в провинции или нет» [Б. А., т. 3, с. 1756, 1757]; **бар поча рид** (он наложил на ногу) – то есть он очень испугался. Это перевод индийского диалога. Мулла Тугро в высмеивании ростовщика: когда его взгляд упал на добычу, он наложил на ногу (**бар поча рид**). Синонимом является **ба шалвор рид** (он наложил в штаны) [Б. А., т. 1, с. 261].

В толковом словаре лишь в одном месте приводится полное индийское словосочетание **мачали птан**, которое, по мнению автора, является «названием порта в Индии» [Б. А., т. 3, с. 1891]. В толковом

словаре «Bahār-e ‘Ajām» можно встретить индийские слова, приведенные не в составе фразеологических словосочетаний, а отдельно, и автором выделены их эквиваленты в таджикско-персидском языке. Например, слово **мунухар** в значении **соблазнительный** [Б. А., т. 3, с. 1950] подтверждает это утверждение.

2.2. Полисемия фразеологических единиц в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām»

Фразеологические словосочетания, учитывая сходство со словом, отражают в себе большую часть языковых явлений, которые выражаются в языкознании как особенность слова. Именно поэтому фразеологические словосочетания можно рассматривать как слово с точки зрения различных языковых явлений, таких как полисемия (многозначность), синонимия, омонимия, антонимия и т.д. Например, полисемия, которая называется как особенность большой группы слов в языке [Норматов, 1995, с. 39] и обладает свойством воспроизводства, то есть каждое слово может принимать новое значение [Вендина, 2001, с. 136], проявляется также как особенность фразеологических словосочетаний, поскольку «многозначность, омонимия, синонимия и антонимия фразеологических словосочетаний выражают богатый стиль и широкую возможность их выражения» [Гюнель, с. 180].

Интересным моментом в вопросе о полисемии фразеологических словосочетаний является то, что не все лингвисты признают данную особенность, и это, на наш взгляд, прежде всего, проистекает из их отношения к полисемии слов. Иными словами, «некоторые известные учёные, такие как А.А. Потебня, Л.В. Щерба, отвергают многозначность слова и подчеркивают, что слово может иметь только одно значение. А.А. Потебня же подчеркивает, что каждое значение выражается отдельным словом, следовательно, где два значения, там и два слова. В действительности, лексическое значение слова – это историческое явление, которое постоянно развивается и изменяется, поэтому виды того или иного слова включают в себя собственно его древнее значение» [Гируцкий, 2003, с. 125]. Такие ученые, как А.И. Ефимов и М.М. Мирзолива, отвергают всякую многозначность фразеологических словосочетаний [Гюнель, с. 181]. Отрицание многозначности слова происходит и со стороны прежних арабских ученых. Так, Ибн Дуруствех подчеркивал, что слово имеет лишь одно значение [Имель Якуб, 2006, т.

9, с. 469]. Из утверждений ученых прошлого и настоящего в связи с отрицанием многозначности слова можно сделать вывод, что все значения, выраженные одним словом, не являются самостоятельными значениями, а являются оттенками друг друга.

С точки зрения таджикских учёных, как на уровне слова, так и на уровне фразеологических единиц существует явление многозначности, и это является неоспоримым фактом. Этот вывод можно сделать из следующего высказывания таджикского ученого Х. Маджидова, пионера в области распознавания и анализа таджикского фразеологизма, в связи с полисемией фразеологических единиц: «Фразеологические единицы по способу выражения своих фразеологических значений делятся на две группы. Одна из их групп выражает только одно значение и поэтому считается моносемантической. Обычно такие фразеологические единицы представляют собой составные термины той или иной профессии или какой-либо области науки и техники... Вторую и основную фразеологическую группу нашего языка составляют многозначные (или полисемические) словосочетания. Такие фразеологические единицы, которые могут выражать два и более родственных фразеологических значений, называются многозначными или полисемическими фразеологическими единицами» [Маджидов, 1982, с. 48]. По мнению лингвистов, в том числе Ю.А. Рубинчика и А. Шарофиддиновой, особенность многозначности фразеологических единиц отличается как от полисемических особенностей лексических единиц, так и от свободных синтаксических словосочетаний и составов. Обычно смысловое значение фразеологической единицы имеет коммуникативную природу и всё больше и глубже проявляется в тексте и в целом в употреблении [Шарофиддинова, 2016, с. 59]. Следовательно, семантические особенности лексических единиц, как подчеркивает И.И. Чернышева, не следует путать с семантическими особенностями фразеологических единиц, поскольку вопрос о семантических особенностях фразеологических единиц еще до конца не исследован и

является новой инициативой в современной лингвистической науке [Рубинчик, 1981, с. 29].

Следует отметить, что явление полисемии фразеологических единиц во всех языках является не одинаковым. Например, по утверждению Н.М. Шанского, в русском языке полисемические фразеологические словосочетания не занимают какого-либо значимого места наряду с моносемантическими фразеологическими словосочетаниями. Явление полисемии фразеологических единиц в системе фразеологии русского языка встречается очень редко и не имеет такого разнообразия особенностей, как лексический строй: большинство фразеологических единиц имеют одно значение, а полисемические фразеологические единицы почти всегда имеют не более двух смыслов [Шанский, 1996, с. 40]. Из исследования, проведенного З.Г. Ураксиным в связи с полисемией фразеологических единиц в башкирском языке, следует, что большинство фразеологических единиц башкирского языка составляют моносемантические фразеологические единицы. Так, например, из 3000 проанализированных фразеологических единиц З.Г. Ураксин лишь 215 из них считает полисемическими фразеологическими единицами [Ураксин, 1975, с. 38]. В персидском языке же, по исследованиям Г.С. Голевой, в среднем полисемические фразеологические единицы составляют около 6% от общего фонда фразеологических единиц персидского языка [Голева, 2006, с. 46].

Исследуя полисемию фразеологических единиц в разных языках, мы сталкиваемся с таким законом многозначности, что многозначность слова в одном языке в большинстве случаев имеет общность с многозначностью своего эквивалента в других языках, что свидетельствует о закономерности формирования смысла [Гируцкий, 2003, с. 125-126]. Как и слова, многозначные фразеологические единицы в одном языке могут иметь свой многозначный эквивалент в других языках. Например, эквивалент фразеологической единицы **ба гардан гирифтан** (брат на свою шею), имеющий два значения: 1) брат на себя;

считать себя обязанным; обязываться; браться; согласиться на что-либо, принять что-либо и 2) признаться [Фозилов, 1963, 1, с. 209] встречается на узбекском языке: **буйинга олмок** (брать на свою шею) и на азербайджанском: **boynuna almak** (брать на свою шею) и употребляется именно в этих двух значениях [Гюнель, с. 181].

Анализ полисемии во фразеологических единицах в толковом словаре «Ваһār-е ‘Ајат» показывает, что большинство отыменных фразеологических единиц являются моносемантическими фразеологическими единицами, а полисемия в этом типе словосочетаний встречается очень редко. Например, в пояснении фразеологической единицы **оби Марям** (вода Марьяма) автор упоминает два значения: а) намек на целомудрие и праведность; б) виноградный сок [Б. А., т. 1, с. 30]. Однако с учетом условий, представляющих собой важную сторону многозначных фразеологических единиц и связь между их значениями», то есть «каждое значение многозначного фразеологизма располагается после другого определенного значения и через него обретает связь со своим первоисточником [Маджидов, 1982, с. 49], между двумя значениями фразеологической единицы **оби Марям** (вода Марьяма) не прослеживается какой-либо связи. Поэтому включать его в группу полисемических фразеологических единиц является не столь логичным. Однако, вопреки этому, полисемическое явление можно проследить во фразеологической единице **гўсфанди таслим** (овца покорства), которую автор «Ваһār-е ‘Ајат» упомянул в двух значениях: а) овца, приносимая на алтарь для жертвоприношения; и б) метафора на человека, готового сдаться [Б. А., т. 3, с. 1830], и наблюдать явление полисемии. Между двумя значениями фразеологической единицы **гўсфанди таслим** (овца покорства) в некоторой степени существует определенная связь, ведь человек, который нуждается в выполнении малейшего дела в чужих указаниях и выполняет всякое доброе и недоброе веление другого, в некотором роде похож на овцу – на овцу покорства – жертву. Или в трактовке **бору банд** автор упоминает два значения, но не отдельно, а

приводит одно как объяснение другого: **бору банд**: материалы для всего, например, нить для чёток, кожаный ремень и тому подобное для меча [Б.А. т. 1, с. 230]. В таджикском языке значение **бору банд** имеет и другие варианты, например, **бору буна** и **бору буд**, которые означают все вещи, всё имущество [ФТЗТ 2008, т. 1, с. 230], тогда как в «Bahār-e ‘Ajam» нет никаких упоминаний об этом значении.

Стоит отметить, что редкость именных полисемических фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam» не может быть убедительным доказательством его редкости во фразеологической системе таджикского языка, поскольку данный толковый словарь, с одной стороны, не включает в себя все таджикские фразеологические единицы, и, с другой стороны, его автор не затронул все значения фразеологических единиц в толковом словаре, так как в таджикском языке немало полисемических отыменных фразеологических единиц. Например, **обу оташ** (вода и огонь): а) две противоположные вещи, две несовместимые вещи; б) нечто опасное, губительное [Фозилов, 1963, т. 1, с. 750]; **чашми маст** (пьяный глаз): а) томные глаза; глаза с поволокой; б) шаловливый глаз [ФТЗТ 2008, т. 2. с. 543].

В отличие от отыменных фразеологических словосочетаний, отглагольные фразеологические единицы имеют более полисемическую особенность. Как подчеркивает Г.С. Голева: «Полисемия, прежде всего, распространена среди отглагольных фразеологических единиц, и, возможно, это связано с тем, что: 1) большинство фразеологических единиц в персидском языке составляют отглагольные фразеологические единицы; 2) полисемия, прежде всего, выступает как особенность некоммуникативных единиц по сравнению с коммуникативными, хотя в персидском языке среди коммуникативных единиц, в частности среди сказаний, пословиц и поговорок полисемические фразеологические единицы являются нередкими» [Голева, 2006, с. 46].

Основную часть полисемических отглагольных фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam» составляют фразеологические единицы, на два

значения которых либо указывал сам автор, либо указано на одно значение, а второе значение употребляется в других толковых словарях или в разговорном языке. Так, например, в пояснении глагольной фразеологической единицы **хабар гирифтан** (наведаться) приводит: **хабар гирифтан** (наведаться): намек на расспрашивание о состоянии кого-либо:

Хабаре нагираду чун пайи арз лаб кушоам,

Зи суол пеш гӯяд: чу ту бехабар надорам

Он не наведывается, и когда я раскрываю рот жалобы,

Прежде чем спрашивать, говорит: подобного тебе нет несведущего у меня (Дервиш Волаи Хирави)

Ваҳшатзадагӣ бин, ки буриданд сарамро,

Ҷонон натавонист гирифтан хабарамро

Посмотрите, какой ужас, что мне отрезали голову.

Моя любимая не смогла наведать меня (Мирзо Тахири Вахид) [Б.А., т. 2, с. 782-783].

Приведя данные доказательства, он приступает к объяснению второго смысла выражения **хабар гирифтан** (наведаться): получение известия: по словам иранских **лутян** и остроумных, оно означает глагол творить зло, заключающееся в прелюбодеянии и непотребстве, но с помощью предлога **аз** (от, из) это неприличие устраняется:

То гаштаам бепову сар аз ман намегирад хабар,

Он бут, ки пешам баҳри зар нохонда сад бор омада.

Я стал безногим и без головы, а она не наведает меня,

Тот кумир, который прежде сто раз приходил ко мне (Мулла Тугро) [Б. А., т. 2, с. 782-783].

Аналогичное объяснение автора «Ваһа̄г-е ‘Аҷам» можно наблюдать и в объяснении фразеологической единицы **дарз кардан** (трескаться). Как приводится в толковом словаре: **дарз кардан** (сшивать; трескаться): 1) **шикофта шудан** (быть продырявленным):

Раҳ аз табхоли пайшон ларз мекард,

Замин то говмоҳӣ дарз мекард.

*Дорога тряслась от сыпи их следа,
Земля трескалась до края (Хаким Зулоли)*

2) намек на разоблачение и раскрытие:

*Он чи пинҳон кард бо дил гавҳари пинҳони ӯ,
Дарз хоҳад кард охир аз лаби хандони ӯ.*

То, что она скрывала в своем сердце, является его скрытой жемчужиной,

Наконец оно сорвалось с его смеющихся губ (Мухсини Таъсир)

Зи чоки пираҳани субҳ дарз кард охир,

Ки шаб чи дошта дар зери тайласони ҷафо.

На разрезе платья рассвета, наконец, сделал рубец,

Что же имела ночью под широкой одеждой страдания (Хаджи Мухаммаджани Кудси) [Б. А., т. 2, с. 927].

На наш взгляд, в последнем стихе фразеологическая единица **дарз кардан** (сшивать; трескаться) приняла другой смысловой оттенок и приводится не в значении раскрытия и разоблачения, а в значении понимания и осознания.

Фразеологическая единица **Худо бардорад** (пусть заберет Бог) – одна из полисемических фразеологических единиц, на два значения которой указал автор: 1) умерщвлять; забрать:

Биниашта чунон қавӣ, ки бардоштанаи,

Кори дигаре нест, Худо бардорад.

Засел настолько сильно, чтобы подняли его,

Больше нечего делать, пусть Бог заберет (Нематхани Оли) [Б. А., т. 2, с. 785].

2) допускается:

То кай аз ҷаври ту дил бори ҷафо бардорад,

Он қадар ҷавр ба мо кун, ки Худо бардорад.

Как долго мое сердце будет отягощено тобой?

Прояви настолько несправедливости нам, чтобы Бог мог вынести (Фасли Джарбодкани) [Б.А., т. 2, с. 786].

Фразеологическую единицу **дар зери хок кардан** (закапывать в землю) автор также приводит в двух значениях: 1) закопать и засыпать землей; 2) считать исчезнувшим и ничтожным:

Дар хоки Байлақон бирасидам ба обиде,

Гуфтам: маро ба тарбият аз ҷаҳл пок кун!

Гуфто: бирав, чу хок таҳаммул кун, эй фақеҳ,

Ё ҳар чи хондаӣ, ҳама дар зери хок кун.

В земле Байлакан я достиг некоего отшельника,

Я сказал: меня воспитанием от невежества очисти!

Он сказал: «Иди и будь терпелив, как пыль, о богослов,

Или все, что ты изучил, законай под землю (Шейх Шираз) [Б. А., т. 2, с. 927];

Дур(р) рехтан (сыпать жемчуг) – одна из других глагольных фразеологических единиц, для которых автор «Bahār-e ‘Ajam» приводит два значения: 1) намек на проливание слез; 2) говорить чистые слова (Б.А., т. 2, с. 926).

Как уже упоминалось, автор «Bahār-e ‘Ajam» упоминает только одно значение для некоторых полисемических отглагольных фразеологических единиц, например, словосочетание: **об аз як чашма хӯрдан** (пить воду из одного источника): намек на равное суждение какого-либо дела:

Карамӣ насяву бухл об зи як чашма хӯранд,

Як дари баста надидем, ки девор набуд.

Великодушные, долг и жадность питаются водой из одного источника.

Мы не видели ни одной закрытой двери без стены (Мухсини Таъсир) [Б. А., т. 1, с. 4];

дар забон андохтан (положить на язык): намек на опозорение и блуждание в безысходности и порицании

Маро гами ту ба сад ранг нотавон андохт,

Набурда номи туам боз дар забон андохт.

Меня грусть о тебе сотнями способов сделала немощным,

Не произнеся твое имя, вновь она положила его мне на язык (Али Хурасани) [Б. А., т. 2, с. 926].

В то время как в современном таджикском языке из значений, упомянутых в «Bahār-e ‘Ajām», более распространены другие значения. Например, **об аз як чашма хӯрдан** (питьё воды из одного источника) означает единодушие, что подтверждается вариантом **об аз гулӯи хамдигар хӯрдан** (питьё воды из горла друг друга). Фразеологическая единица **дар забон андохтан** (положить на язык) же сегодня используется в значении напоминать кому-то и внушать кому-то (что-то) (внушение слова в язык умирающего). Или же в «Bahār-e ‘Ajām» фразеологическая единица **ҷавоб додан** (отвечать) истолковывается в смысле «быть способным, уметь», а также для подтверждения его смысла в качестве свидетельства приводился стих:

Аз баҳри бўса, ки суол аз ту кардаем,

Додӣ ҷавоби мову надоди ҷавоби мо.

Из-за поцелуя, о котором мы тебя просили,

Ты дала нам от ворот поворот, но не ответила на наш вопрос (Яхья Каши [Б. А., т. 2, с. 785].

В то время как фразеологическая единица **ҷавоб додан** (дать ответ) в «Farhang-e tafsīrī-e zabān-e tājikī» («Толковый словарь таджикского языка» определяется следующим образом: **ҷавоб додан** (дать ответ): а) отвечать на чей-либо вопрос; б) уволить кого-либо с работы, дать разрешение кому-либо уйти; в) сопротивляться; г) отчитываться (о своих действиях, поведении, работе и действиях, д) принятие на себя ответственности [ФТЗ 2008, т. 2, с. 573].

Чашм гирифтан (сглазить) приводится в «Bahār-e ‘Ajām» без объяснения, но из поэтических свидетельств выясняется, что под **чашм гирифтан** (сглазить) подразумевается «закрывать его взгляд и взор»:

Дуди оҳам чаими ў хоҳад гирифт охир агар,

Дида густохна бар рӯи ту равзан боз кард.

Дым моего стона разве закрывает ее глаза, если,

Увидев, она дерзко открывает окно не перед тобой (Насираи Хамадани) [Б. А., т. 1, с. 671].

В то время как в таджикском языке **чаши гирифтан** (сглазить) является необходимым состоянием **сглаза**, как говорится: *фалониро чаши гирифт* (такого-то сглазили), то есть он получил порчу.

В объяснении смыслов некоторых фразеологических единиц Лоло Тикчанд Бахар не ограничивается лишь приведением значения фразеологической единицы, включенной в поэтическое свидетельство, а опираясь на того или иного ученого, упоминает другие ее значения. В частности, в пояснении **сар ба мину кашидан** (поднять голову ко лбу) автор говорит: **Сар ба мину кашидан** (поднять голову ко лбу): 1) претендовать на равенство с кем-либо; 2) Господин Сироджулмухаккикин говорит, что это намек на величие до уровня совершенства [Б.А., т. 2, с. 1257]. В объяснении фразеологической единицы **Худо-Худо кардан** (дай Бог-Бог) можно отчетливо наблюдать такое же отношение автора к объяснению словосочетания. **Худо-Худо кардан** (дай Бог-Бог): искать прибежище у Бога:

Худо-Худо кунам аз касрати бутон шабу рӯз,

Ки дар миён нашавад гум раҳи худодонӣ.

У Бога-Бога я ищю прибежище от обилия кумиров ночью и днем,

Чтобы не сбиться с пути благочестия (Мулла Тугро).

И Мирзо Абдулгани Кабул понимает ее в смысле много вспоминать Бога, и поскольку к его учености имеет совершенное доверие, кажется, что он этому смыслу нашел его место, и теперь:

Чи сон даст гузорам қабули домонаш,

Ки ёфтам бути худро Худо-Худо карда.

Каким образом руку я положу от принятия ее подола,

Ибо я нашел свой кумир, дай Бог-Бог (Мирзо Абдулгани Кабул) [Б. А., т. 2, с. 786-787].

Исследуя семантические оттенки фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām», можно встретить некоторые комментарии и пояснения,

которые, с одной стороны, не используются в современном таджикском литературном языке, как в письменном, так и устном, с другой стороны, обладание фразеологическими единицами таких смысловых оттенков вызывает удивление. Так, например, при трактовке значения фразеологической единицы **ширу шакар** (молоко и сахар) автор использует эквиваленты, которые фактически не связаны между собой. Например, именную фразеологическую единицу **ширу шакар** (молоко и сахар) он интерпретировал как эквивалент **кимоши абрешимии рох-рох** (шелковое полосатое полотно) и в подтверждение своего высказывания приводит следующий стих:

Азиз он кас, ки дорад меҳмонро,

Кунад ширу шакар дастори хонро.

Благородным является тот, кто имеет гостя,

И расставит молоко и сахар на скатерть (Салим) [Б. А., т. 2, с. 1435].

В трактовке отглагольных фразеологических единиц **ширу шакар баромадан** (быть молоком и сахаром) и **ширу шакар будан** (быть молоком и сахаром) автор как-то нашел более гармоничный эквивалент и интерпретировал его как намек на предельное смешивание:

Дилтангиву шигифтагиям ширу шакар аст,

Чун заъфарон хазону баҳорам баробар аст.

Моя душевная боль и изумление – это молоко и сахар.

Как шафран, моя осень и весна равны (Мулла Солики Газвини) [Б.А., т. 2, с. 1435].

Однако, на наш взгляд, интерпретация **ширу шакар будан** (быть молоком и сахаром) в этом стихе, который приводит автор:

Дар шикоят нестам аз бахти шӯр,

Заҳри ӯбо ком ширу шакар аст.

Я не жалею на горькую судьбу,

Ее яд во рту смешан с молоком и сахаром (Зухури) [Б. А., т. 2, с. 1435]

в ее буквальном смысле – это разновидность пищи, приготовленной из молока и сахара.

Таким образом, анализ полисемии во фразеологических единицах в «Bahār-e ‘Ajām» показывает, что автор пытался объяснить и истолковать их значение, а для подтверждения своих слов приводил свидетельства из классических персидско-таджикских поэтов, особенно персоязычных поэтов литературного круга Индии. Однако для каждой полисемической фразеологической единицы он не упоминал более двух значений. Поэтому в «Bahār-e ‘Ajām» полисемической фразеологической единицы, имеющей в своем объяснении и толковании более двух значений, невозможно найти. Однако это не означает, что фразеологические единицы, приведенные в «Bahār-e ‘Ajām», ограничиваются авторским объяснением и толкованием и не указывают на другое значение. Например, фразеологическая единица **Худо-Худо кардан** (дай Бог-Бог) в «Bahār-e ‘Ajām» объясняется и истолковывается всего в двух значениях: а) искать прибежища в Боге и б) много вспоминать о Боге [Б. А., т. 2, с. 786-787], в то время как в письменном и устном таджикском языке, а также в толковых словарях, таких как «Fahang-e Jahāngirī» и «Dehkhudā», более употребительным является ее следующее значение: **впасть в страх и боязнь**.

2.3. Синонимия фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām»

Как и любые слова языка, фразеологические единицы, помимо обогащения словарного фонда языка, могут включать в себя также предметы, символы, ситуации и отношение говорящего к действительности, выражать различные душевные состояния, различные волнения и эмоции. Именно поэтому такие фразеологические единицы, как слова, лексически классифицируются на синонимичные, антонимичные и омонимичные группы. Если на лексическом уровне слова синонимами указывают на слова, близкие или равные по значению, которые отличаются друг от друга по своим стилистическим особенностям и имеют в языке следующее значение и функции: 1) обогащают лексический состав языка; 2) являются одним из лучших средств выражения оттенков понятия, описания состояния и настроения человека или предмета; 3) являются важным инструментом описания и оценки предмета; 4) используются для недопущения повторения слов автором (говорящим) с целью правильно и своевременно использовать лексическое богатство языка и тем самым обеспечить точность, беглость и силу своей речи [М. Мухаммадиев, 1977, с. 29], то две и более фразеологические единицы, близкие друг к другу по фразеологическому значению и имеющие одинаковую структуру, различающиеся по художественной окраске и положению употребления, называются фразеологическими синонимами [Маджидов, 1982, с. 55]. И точно так же, как синонимы, наряду с тем, что являются одним из важнейших средств полного и привлекательного описания различных предметов, событий и явлений, они считаются еще и средством обогащения словарного состава, выражения мысли страстно и сжато, в лучших формах и видах. [Мухаммадиев, 1962, с. 88], синонимические фразеологические единицы также играют важную роль в улучшении красноречия и совершенства речи, придании ей привлекательности и целенаправленности.

В этом смысле А. Абдукадиров добавляет: «Таджикский язык имеет богатый лексический состав, и в ходе творческой работы в сознании

писателя возникает не одно слово, а группа синонимов для использования той или иной мысли. Писатель должен выбрать среди них такое слово, которое сможет хорошо выразить в тексте его творческий замысел. Выбор и употребление слова сильно зависит от мировоззрения, вкуса и мастерства литератора. Поэтому определение синонимических особенностей оказывает большую помощь в изучении языка, стиля и мастерства» [Абдукадиров, 1978, с. 15]. Таким образом, фразеологические синонимы относятся к числу известных явлений таджикского языка. Они употребляются как готовые формы и зачастую как синонимы слов [Мухаммадиев, 1962, с. 47].

По мнению иранологов, таджикско-персидский язык является одним из самых богатых языков мира по синонимической фразеологии [Голева, 2006, с. 52].

В «*Vahār-e ‘Ājam*» присутствует много фразеологических единиц, являющихся синонимами друг друга, и автор в их толковании приводит в основном одно значение. В частности фразеологические единицы **охани сард куфтан** (ударять по холодному железу) [Б. А., т. 1, с. 85], **об ба чавоз кӯфтан** (толочь воду в ступе) [Б. А., т. 1, с. 5], **об ба санг судан** (толочь воду камнем) [Б. А., т. 1, с. 9], **об ба гербол паймудан** (мерить воду с помощью решета) [Б. А., т. 1, с. 9], **об ба лагад судан** (толочь воду пинком) [Б. А., т. 1, с. 9], **тир ба торикдон андохтан ё тир ба торикӣ** (стрелять в темноту или стрельба в темноту) [Б. А., т. 1, с. 568], **нақш бар об задан** (нанести изображение на воду) [Б. А., т. 3, с. 2055], **об аз оташ бурун овардан** (выведение воды из огня) в смысле «совершать бессмысленное движение и бесполезное дело»; **панча ба хуни касе тар кардан** (обмакнуть руку в чью-либо кровь) [Б. А., т. 1, с. 434], **кори касе сохтан** (сделать чью-либо работу) [Б. А., т. 3, с. 1655], **даст дар хун задан** (прикоснуться рукой к крови) [Б. А., т. 2, с. 964] в значении «убить кого-то»; **чон афшондан** (испускать дух) [Б. А., т. 1, с. 601], **чон бохтан** (потерять жизнь) [Б. А., т. 1, с. 601], **чон бар сар бурдан, фармон расидан** (испускать дух, приход веления) [Б. А., т. 3, с. 1582], **қадам аз чон**

баровардан (выйти шагом из жизни) [Б. А., т. 3, с. 1612], **кори касе шудан** (стать чьим-либо делом) [Б. А., т. 3, с. 1655], **кор тамом сохтан** (закончить дело) [Б. А., т. 3, с. 1651], **кафан ба бар кардан**, **кафан дарпӯшидан** (надеть саван, надеть на себя саван) [Б. А., т. 3, с. 1704], **чароғ кӯр шудан** (потухание лампы) [Б. А., т. 1, с. 663] в значении «умереть»; **коса банд кардан** (завязать чашу) [Б. А., т. 3, с. 1657], **кӯлоҳ пеши касе ниҳодан** (поставить шапку перед кем-либо) [Б. А., т. 3, с. 1707], **даст пеш доштан** (держат руку впереди) [Б. А., т. 2, с. 960], **об ба дасти касе рехтан** (наливать воду на руку кого-либо) [Б. А., т. 1, с. 5] в значении «должность слуги; лакейство и поклонение кому-либо»; **чехра дар ҳам кашидан** (щуриться) [Б. А., т. 1, с. 704] и **чин ба абру афкандан** (хмуриться) [Б. А., т. 2, с. 709] стали синонимами значения «нохуш ва бедимоғ шудан» (стать неприятным и недовольным).

Синонимические фразеологические единицы, упомянутые в «Ваҳаг-е ‘Аҷам», полностью совпадают с условиями, упомянутыми лингвистами в связи с синонимией разных языковых единиц, полным соответствием лексического толкования и признаков эквивалентности и их отнесением к одной части речи [Апресян, 1974, с. 223] или по критериям, совпадающим наравне синонимичных фразеологических единиц, таких как соответствующие друг другу по своей структуре и лексическому составу [Маджидов, 1982, с. 56], относящиеся к одной и той же части речи и каким-либо образом имеющие одну и ту же синтаксическую структуру [Жуков, 1978, с. 116],

Например, фразеологические единицы **оҳани сард куфтан** (ударять по холодному железу) [Б. А., т. 1, с. 85], **об ба чавоз кӯфтан** (толочь воду в ступе) [Б. А., т. 1, с. 5], **об ба санг судан** (толочь воду камнем) [Б. А., т. 1, с. 9], **об ба ғербол паймудан** (мерить воду с помощью решета) [Б. А., т. 1, с. 9], **об ба лагад судан** (толочь воду пинком) [Б. А., т. 1, с. 9], **тир ба торикдон андохтан ё тир ба торикӣ** (стрелять в темноту или стрельба в темноту) [Б. А., т. 1, с. 568], **нақш бар об задан** (нанести изображение на воду) [Б. А., т. 3, с. 2055], **об аз оташ бурун овардан** (выведение воды из

огня) приведены в смысле совершать бессмысленное движение и бесполезное дело, и за исключением некоторых различий в употреблении предлогов, они построены в определенных синтаксических рамках, и слово за словом и композиция за композицией они согласуются друг с другом. Другими словами, лексическое понятие, объединившее данные фразеологические единицы в один ряд, – это производить бессмысленную и бесплодную работу. Например, нет никакой пользы от того, чтобы бить холодное железо и наносить изображение на воде, и выполнение этой работы не имеет никакой ценности, и оба словосочетания объединяются друг с другом в выражении одного и того же смысла.

При этом синонимия фразеологической единицы не может быть определена на уровне толкового словаря, а для выражения смысла использования фразеологической единицы, как слова, мы нуждаемся в тексте. Потому что «всякое слово, служащее для выразительного и образного изложения мысли, независимо от того, существительное это или глагол, имеет вне текста абстрактное (общее) значение: *дег*, *газаб* (котел, гнев). Поэтому текст играет особую роль в раскрытии синтаксической, стилистической и в то же время идиоматической и эмоциональной функции слов. Когда два разных слова соединяются грамматико-синтаксической связью и образуют словосочетание (**деги газаб – котел гнева**), в их выражении благодаря грамматической связи закладывается первая основа возникновения нового смыслового оттенка слов. Следовательно, для нахождения взаимосвязи слов друг с другом и приобретения ими смыслового оттенка средства грамматической связи или другие слова имеют особое значение. Начало составления текста также зависит от грамматической связи, и без этих слов никогда не удастся получать смысловые оттенки. Именно по этой причине выразительность, эмоциональная сила и идейное содержание слов имеют неразрывную зависимость от текста [Хусейнов, 1973, с. 54]. То же самое можно сказать и в отношении фразеологической единицы, особенно её

синонимических групп, хотя основное значение фразеологической единицы имеет свойства общеупотребительного и проявления вне текста. Иными словами, носители языка, называя фразеологическую единицу, прежде всего понимают её значение [Маджидов, 1982, с. 49]. Однако подтвержден такой момент, что основную группу фразеологических единиц нашего языка составляют многозначные (или полисемические) фразеологические словосочетания [Маджидов, 1982, с. 49], и для выражения его точного значения главным судьей является манера слова или речи и текста. Например, фразеологическое словосочетание **косаи гармтар аз ош** (чашка горячее еды), по мнению автора «Bahār-e ‘Ajam», относится к бессмысленному и бесполезному делу и на этой основе в некотором роде стало синонимом других фразеологических словосочетаний, таких как **оҳани сард кӯфтану об ба лагад судан ва мушт ба торикӣ задан** (бить по холодному железу, толочь воду пинком, бить кулаком в темноту), но когда оно приводится в предложении и тексте, его основной смысл определяется именно контекстом.

В действительности, относительно обладания своим особым оттенком каждой фразеологической единицей внутри синонимической группы разногласия не существует. Поскольку при синонимии фразеологических единиц, как и при синонимии отдельных слов, ни одна фразеологическая единица не может полностью заменить другую фразеологическую единицу по значению и экспрессивности, по мнению В.Г. Белинского: «Как в природе ни один лист дерева не похож на другой лист, так и в языке каждое слово в точности не является похожим, равным, тождественным другому слову. Каждое слово отличается своей особенностью» [Мухаммадиев, 1975, с. 6]. В связи с этим вопросом еще средневековые арабские лингвисты также указывали и ставили под сомнение абсолютную синонимию, как на уровне слова, так и на уровне словосочетаний и предложений. Так, Ибн Фарис, отрицая явление синонимии в арабском языке, говорит: «Одно понятие можно истолковать разными словами и словосочетаниями, и то по подобию и

сходству, ибо каждое слово имеет свой особый смысл, который не прослеживается в другом слове». Например, слова *сорим* и *муҳаннад* относятся к мечу и кажутся синонимами, но реальность такова, что каждое из них указывает на особое строение меча, которое является особенностью этого атрибута» [Ибн Фарис, 1910, с. 96-97]. Основываясь на этом мнении, некоторые ученые арабского прошлого пытались объяснить тонкие различия между употребительными словами. Например, Саалаби в своей книге «*Fiqh-ul-lugha va sirr-ul-‘arabiyya*» посвятил этой теме главу под названием «Вещи, названия и атрибуты которых меняются из-за проиворечия их состояний». В частности, Саалаби передает от Абу Убайда, который сказал: «*Каъс* (чаша) говорится тогда, когда в нем есть вино, а в противном случае его называют *зучоç* (стекло). *Моуда* (накрытая скатерть) говорят тогда, когда на нем есть еда, иначе к нему приписывают слово *хан* (скатерть). *Куз* (кувшин) говорят тогда, когда у него есть ручка, иначе его называют *куб* (сосуд)». [Имель Якуб, 1982, с. 178-179]. Сторонники этого мнения в арабском языке даже подчеркивают, что смена одной огласовки в арабских словах может привести к изменению смыслов, так же как является логичным, что два и более слова, по строению и корням находящиеся далеко друг от друга, могут выражать один смысл и цель [Имель Якуб, 2006, т. 4, с. 297].

Анализ мнений ученых показывает, что синонимия отрицается не только на уровне фразеологических словосочетаний и выражений, но и на уровне слов.

Известный таджикский фразеолог Х. Маджидов также указывает на различные нюансы синонимических фразеологических единиц и подчеркивает, что: «синонимические фразеологические единицы по художественному выражению и позициям их употребления отличаются друг от друга совершенным образом... Общая характеристика всех фразеологических единиц, входящих в синонимический ряд, является общностью значения и сочетаемостью их конструкции. Естественно, что

каждый фразеологизм синонимического ряда отличается от других фразеологических единиц образом своего фона» [Маджидов, 1982, с. 56]. Например, фразеологические единицы **аз ҷаҳон гузаштан** (уйти из мира) [Б. А., т. 1, с. 124], **аз хар афтодан** (упасть с осла) [Б. А., т. 1, с. 127], **аз дасти дахр ҷастан** (спрыгнуть с руки судьбы) [Б. А., т. 1, с.129], **аз дахр гузаштан** (уйти из мира) [Б. А., т. 1, с.130], **ҷон афшондан** (испускать дух); **ҷон бохтан** (потерять жизнь) [Б. А., т. 1, с. 601], **ҷон бар сар бурдан**, **фармон расидан** (испускать дух, приход веления) [Б. А., т. 3, с. 1582], **кадам аз ҷон баровардан** (выйти шагом из жизни) [Б. А., т. 3, с. 1612], **кори касе шудан** (чьё-то дело свершилось) [Б. А., т. 3, с. 1655], **кор тамом сохтан** (закончить дело) [Б. А., т. 3, с. 1651], **кафан ба бар кардан**, **кафан дарпӯшидан** (надеть саван, надеть на себя саван) [Б. А., т. 3, с. 1704], **чароғ кӯр шудан** (потухание светильника) [Б. А., т. 1, с. 663] хотя в целом означают «умереть», но они совершенно отличаются друг от друга по смыслу и положению употребления. Хотя фразеологическая единица **ҷон бохтан** (потерять жизнь) распространена в письменном и разговорном языках, однако в случае «умирания» она употребляется в ходе сражения и борьбы, тогда как **кафан ба бар кардану кафан дарпӯшидан** (ношение савана и надевать на себя саван) являются книжными выражениями и, с одной стороны, связаны с болезнью или переходом в старость, а, с другой стороны, они относятся к привлечению кого-либо на работу или в место, где угрожает опасность смерти. Фразеологические единицы **аз бунёд бурдан** (вынуть из корня) [Б. А., т. 1, с. 119], **аз хок ситонидан ва ба об додан** (вырвать из земли и предать воде) [Б. А., т. 1, с. 128] и **аз даст баргирифтан** (брать за руки) [Б. А., т. 1, с. 128, 129] в толковом словаре приводятся как намек на убивание и уничтожение, являющиеся синонимами друг друга. Однако если эти фразеологические единицы проанализировать отдельно, то окажется, что они не могут быть синонимами. В частности, фразеологическая единица **аз даст баргирифтан** (брать за руки) [Б. А., т. 1, с. 129] создает в сознании не

значение **нест кардан (уничтожение)**, а значение **ба даст гирифтану кумак намудан** (брать за руки и помочь).

Таким образом, стилистическое употребление синонимичных фразеологических единиц совпадает с употреблением синонимичных слов. С точки зрения лексических закономерностей, приемлемость или неприемлемость слова к употреблению определяется в нормативной лексикологии, проявляющейся в виде толковых словарей. Однако стиль языка учитывает положение употребления и логически правильное употребление, сочетаемость слова с общим замыслом текста [Мухаммадиев, 1962, с. 37].

Учитывая сходство некоторых особенностей фразеологических единиц со словами, можно дискутировать о схожей закономерности их образования и трансформации. Другими словами, подобно тому, как употребление слов в языке меняется с течением времени и ослаблением связи между структурой и значением, некоторые из них приобретают новое значение, а другие забываются и могут быть найдены только в произведениях классиков, фразеологические единицы также сталкиваются с формированием и изменением значения. Отдельные слова, которые используются в определенном историческом периоде и времени в каком-либо языке, могут выйти из употребления в последующий период из-за изменений в культурных, политических, религиозных и социальных условиях определенной нации и быть полностью удалены из словарного запаса языка. Некоторые другие слова переходят из одного периода в другой или из одного времени в другое, и этот перенос происходит двояким образом: они употребляются в языке нового века в том же значении, как в предыдущий период, или в более новом и свежем значении несут бремя смысла [Бакири, 1995, с. 357].

Опираясь на смысловые противоречия и нюансы, которые ученые привносят в выражение синонимов на уровне слова [Ботини, 1313, с. 198-199], можно выделить различия между синонимами фразеологических единиц: 1) область употребления конкретной фразеологической единицы

может быть шире, чем ее синонимы. Например, **бар об навиштан** (писать на воде) [Б. А., т. 1, с. 258] имеет более широкое применение, чем ее другие синонимические ряды, такие как: **охани сард куфтан** (ударять по холодному железу) [Б. А., т. 1, с. 85], **об ба чавоз кўфтан** (толочь воду в ступе) [Б. А., т. 1, с. 5], **об ба санг судан** (толочь воду камнем) [Б. А., т. 1, с. 9], **об ба гербол паймудан** (мерить воду с помощью решета) [Б. А., т. 1, с. 9], **об ба лагад судан** (толочь воду пинком) [Б. А., т. 1, с. 9], **тир ба торикдон андохтан ё тир ба торикӣ** (стрелять в темноту или стрельба в темноту) [Б. А., т. 1, с. 568], **нақш бар об задан** (нанести изображение на воду) [Б. А., т. 3, с. 2055] и т.д. В данном контексте можно указать на фразеологические единицы, одни из которых употребляются в широком кругу носителей языка – как разговорного, так и письменного языка, в то время как другие используются только в языке народа (разговорной речи); 2) противоречие синонимов фразеологических единиц может зависеть от степени мотивированности, интенсивности и слабости. Такие фразеологические единицы, как: **коса банд кардан** (завязать чашу) [Б. А., т. 3, с. 1657], **кўлох пеши касе ниходан** (поставить шапку перед кем-либо) [Б. А., т. 3, с. 1707], **даст пеш доштан** (держат руку впереди) [Б. А., т. 2, с. 960], **об ба дасти касе рехтан** (наливать воду на руку кого-либо) [Б. А., т. 1, с. 5]; **ба зону даромадан ва ба зону нишастан** (встать на колени и садиться на колени) [Б. А., т. 1, с. 296] хотя и выражает должность слуги, но фразеологическая единица **ба зону задан** (стоять на коленях) уже пользуется большей мотивированностью; 3) синонимы фразеологических единиц могут отличаться друг от друга по моральным или иным социальным особенностям, а это значит, что одни фразеологические единицы имеют положительную коннотацию, а другие – отрицательную. Например, хотя фразеологические единицы **чон ба чаббор супурдан** (отдать душу могущественному) и **чахонро падруд гуфтан** (прощаться с миром) выражают один и тот же смысл, тем не менее, первая выражает негативное отношение к умершему, а вторая представляет собой исчерпывающее выражение уважения к нему. Или фразеологическая

единица **гурги борондида** (волк, увидевший дождь) [Б. А., т. 3, с. 1778], хотя и широко употребляется и указывает на опытность, но она содержит в себе своеобразный отрицательный оттенок и произносится не по отношению к другу и, в общем, хорошему человеку. По отношению к хорошему человеку используется фразеологическая единица **гармиву сардии рӯзгор дидан** (увидевший жару и холод жизни).

Короче говоря, синонимия фразеологической единицы, как и синонимия слов, подчиняется тем условиям и положениям, что при отсутствии данной фразеологической единицы она не может быть синонимом другой фразеологической единицы. Кроме того, каждая фразеологическая единица в отдельности имеет специфическое значение и особый оттенок, с этой точки зрения их синонимия несколько относительна, а употребление одного вместо другого в письменной и разговорной речи может привести к тусклости красноречия, неясности и непонятности. Как уже говорилось, в «Bahār-e ‘Ajam» многие фразеологические единицы представлены как синонимы, и автор при их объяснении и толковании указывал на их однозначность и синонимичность.

2.4. Вариация фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām»

Среди смысловых групп фразеологических единиц существует типология, упоминаемая в научной литературе термином «вариативность» или «вариация фразеологических единиц». Варианты фразеологической единицы представляют собой композиционно измененные формы одного и того же фразеологизма. Варианты фразеологических единиц отличаются друг от друга и, прежде всего, от инвариантно-основного шаблона фразеологизма несколькими компонентами, или своими грамматическими элементами. Общим аспектом вариантов с инвариантом является единая структура, общий смысл и образ их основы [Маджидов, 1982, с. 58]. Проблема вариативности фразеологических единиц в лингвистике является не новой, и на разных языках проводились по ним исследования. Например, в таджикском языкознании Х. Маджидов рассмотрел этот вопрос еще в восьмидесятые годы прошлого века в своей работе «Фразеология современного таджикского языка» [Маджидов, 1982, с. 58]. Также Г.С. Голева в работе «Фразеология современного персидского языка» посвятила одну главу изучению вариативности фразеологических единиц в персидском языке [Голева, 2006, с. 56]. Следует отметить такой момент, что в лингвистике не все ученые признают вариативность фразеологических единиц как языковое явление. В таком смысле, что некоторые ученые фактически ставят под сомнение существование вариаций на уровне фразеологии. Так, по мнению Н. Копиленко и З. Попова, единство фразеологических единиц сохраняется только в типах грамматического строя, но с изменением слова уже появляется новая по смыслу фразеологическая единица [URL: <http://schooled.ru/ukrmova/phraseology/index.html> 26.10.2018]. По мнению этой группы ученых, фразеологические единицы **макр бар об рондан** (гнать хитрость над водой) и **макр бар об задан** (забивать хитрость над водой) [Б. А., т. 3, с. 1739], которые в «Bahār-e ‘Ajām» трактуются как «обманывать», являются уникальными с точки зрения грамматического строя,

следовательно, в первой фразеологической единице глагол *рондан* (гнать), а во второй – глагол *задан* (забивать) являются грамматическими вариантами друг друга, в то время как в обозначении смысла они отличаются друг от друга. А. Бабкин не отделяет вариативность фразеологических единиц от синонимии фразеологических единиц, поскольку изменение внутренних компонентов фразеологических единиц приводит к возникновению фразеологических синонимов [URL: <http://schooled.ru/ukrmova/phraseology/index.html> 26.10.2018]. Однако большинство лингвистов подчеркивают, что целью вариативности фразеологических единиц является сохранение их единообразия, как на грамматическом, так и на семантическом уровне, и именно структурно-семантическая общность фразеологических вариантов с инвариантами отличает их от фразеологических синонимов. В том смысле, что хотя фразеологические синонимы в обозначении смысла имеют общность, однако они, обладая разными структурно-семантическими основами, представляют собой отдельные фразеологические единицы [Голева, 2006, с. 56]. Например, если фразеологизм **гирех бар чабин задан** (хмуриться) считать инвариантом [Б. А., т. 3, с. 1783], то фразеологические единицы **гирех ба абру овардан** (приводить узел на брови), **гирех бар абру андохтан** (бросить узел на бровь), **гирех ба абру задан** (завязать узел на брови), **гирех дар абру кардан** (делать узел на брови), **гирех бар рӯ задан** (завязать узел на лице) и **гирех гаштани абру** (превращение брови в узел) [Б. А., т. 3, с. 1782-1783] являются его вариантами. Как видим, среди всех этих фразеологических вариантов отчетливо прослеживаются два общих аспекта: структура и значение. То есть эти варианты отличаются друг от друга одним из своих внутренних компонентов (существительные: *чабин* (лоб), *абру* (бровь), *рӯ* (лицо); или глаголы: *задан* (ударить), *овардан* (привезти), *кардан* (делать), *андохтан* (кинуть); предлоги: *бар* (над), *дар* (в)), а в выражении значения, в зависимости от положения своего употребления, они являются друг с другом равными. В то время как фразеологические единицы **гирех ба бод задан** (ударить узлом по ветру),

гирех бар гӯш задан (завязать узел на ухо), **гирех ба соя задан** (завязать узел на темени), **гирех ба кор задан** (завязать узел на дело) и **гирех ба банди кабо задан** (завязать узел на халате) структурно имеют некоторую общность с указанными выше фразеологическими вариантами, но по обозначению смысла они различаются полностью, и каждая из них в отдельности несёт свое смысловое бремя. Потому что если с изменением внутреннего компонента фразеологической единицы меняется и ее значение, то эту фразеологическую единицу следует изучать в отдельности, а не как фразеологический вариант. В таком порядке, учитывая структурно-семантическую общность вариантов фразеологических единиц, следует провести различие между ним и между фразеологическими синонимами, внутренние компоненты которых имеют схожесть [Шанский, 1996, с. 56]. В отличие от структуры синонимии фразеологических единиц, под термином «структура вариантов фразеологических единиц» понимаются такие фразеологические единицы, которые являются однородными по составу, и различие прослеживается лишь во внутренних единицах составов, которые, по сути, являются синонимами друг друга. Такие структуры могут заменять друг друга в любом тексте [Чернышева, 1970, с. 85].

По сути, вариативность фразеологической единицы возникает в результате замены одного компонента фразеологической единицы тем или иным его синонимом. Так, например, другим вариантом фразеологической единицы **чора шудани дард** (исцеление боли) является **чора шудани захм** (исцеление раны), где вместо слова *дард* (боль) используется слово *захм* (рана), и, как видим, эти две фразеологические единицы структурно идентичны и семантически схожи, ведь разница между ними заключается только в одном компоненте. Автор «Bahār-e ‘Ajām», учитывая то, что они являются вариантами друг друга, свел их вместе и в качестве свидетельства для них обоих приводит одно объяснение и один стих: **чора шудани дард** (исцеление боли) является **чора шудани захм** (исцеление раны), намек на исцеление боли и раны:

Захми дил чора шуда аз накҳати он уқдаи зулф,

Заҳри ин мор кам аз муҳраи ин мор набуд.

Рана сердца исцелилась от аромата того завитка локона,

Яд этой змеи был не меньше, чем позвоночник этой змеи (Мухсини Таъсир) [Б. А., т. 1, с. 649].

Однако если во фразеологической единице один из её компонентов заменяется не на синоним, а на какое-либо другое слово, в этом случае возникает не вариант фразеологической единицы, а полнозначная фразеологическая единица с самостоятельным значением. Например, фразеологические единицы **зин бар гов ниҳодан** (седлать корову) [Б. А., т. 2, 1198] и **зин бар гург ниҳодан** (седлать волка) [Б. А., т. 2, 1198] выглядят вариантами с точки зрения структуры и изменения только одного из его внутренних компонентов, при этом совершенно отличных друг от друга по смыслу, и каждый из них выступает в своем значении. Так, автор «Ваһа̄г-е ‘Аҗам» в пояснении фразеологической единицы **зин бар гов ниҳодан** (седлать корову) говорит: намек на отправление и подготовку к путешествию:

Шаб моҳ хирман мекунад, эй рӯз, зин бар гов неҳ,

Бингар, ки роҳи Каҳкашон аз сунбула пуркоҳ шуд.

Ночью луна делает хирман, о день, седлай корову.

Посмотрите, как Млечный Путь пополнился соломой от колосьев (Мавлавии Маънави) [Б. А., т. 2, с. 1199].

В пояснении фразеологической единицы **зин бар гург ниҳодан** (седлать волка) он упоминает: намек на его дрессирование и подчинение:

Зин ба гургон ниҳодиву зи миёни бешашон,

Андар овардӣ ба лашкаргаҳ чу уштур бар қатор.

Ты оседлал волков, и из среды их леса

Вывел ты их в военный лагерь, как верблюдов, в одном ряду (Устад Фаррухи) [Б. А., т. 2, с. 1199].

Автор «Ваһа̄г-е ‘Аҗам», приводя варианты фразеологических единиц, иногда указывал, что они являются синонимами. Например,

указывая на популярность таких фразеологических единиц, как: **соғар баргирифтан** (взять бокал), **соғар ба сар кашидан** (поднять бокал над головой), **соғар бўйидан** (нюхать бокал), **соғар тарошидан** (соскабливать бокал), он говорит: второй (*соғар ба сар кашидан* – поднять бокал над головой) является синонимом **соғар бар сар кашидан** (поднять бокал над головой):

Хуррам касе, ки соғари ваҳдат ба сар кашид,

Худро аз ин ҷаҳон ба ҷаҳони дигар кашид.

Блажен тот, кто поднял бокал единства над головой,

Он вытащил себя из этого мира в мир иной (Мухаммадисхак Шавкат)

[Б. А., т. 2, 1207].

Или же, в другом месте, он говорит: **зери пар гирифтан** (взять под перья) является синонимом для **дар тахи пар гирифтан** (взять под перья):

Ҳамон тарбияти шиқ ҷонвар кунадаш,

Агарчи байзаи фӯлод зери пар гирад.

То воспитание любви окажет ему животное,

Если железное яйцо оно возьмет под крыло (Абуталиб Калим) [Б. А.,

т. 2, с. 1196].

При этом в приведенных примерах отчетливо наблюдается не синонимия фразеологических единиц, а их типология.

Хотя причины возникновения фразеологических вариантов трактуются по-разному, в первую очередь они создаются в стилистических целях. В процессе изображения события, чтобы придать содержанию фразеологизма новые семантические оттенки и художественный окрас, некоторые грамматические компоненты фразеологической единицы изменяются или удаляются, иногда тот или иной компонент фразеологической единицы опускается, в результате чего хотя общая семантика фразеологии не меняется, фразеологизм приобретает новые экспрессивные оттенки [Маджидов, 1982, с. 59]. Например, фразеологические единицы **зевар бастан** (развязать украшение), **зевар додан** (давать украшение), **зевар задан** (прибивать

украшение), **зевар кашидан** (нанизывать украшение), **зевар бар худ гирифтан** (надевать украшение) стали вариантами друг друга в результате изменения и добавления или сокращения одного из компонентов, и все выражают *украшение* [Б. А., т. 2, с. 1200].

Другой момент заключается в том, что варианты фразеологической единицы могут неодинаково употребляться в просторечии, но их использование в просторечии необходимо, в том смысле, что каждый писатель не может сам по себе для усовершенствования своего стиля для той или иной фразеологической единицы словосочетания создать новый вариант, но его использование и употребление в просторечии является важным. Как подчеркивает Р. Гаффоров: «Одной из главных особенностей фразеологических словосочетаний является их устойчивый состав. Поэтому изменение композиционных элементов без стилистических намерений неизбежно приводит к разрушению их метафорического значения. Иногда в произведениях разных писателей наблюдается употребление некоторых фразеологизмов с небольшими различиями, что является не случайным событием, а отражением другого их варианта, существующего в этом виде в языке народа» [Гаффоров, 1966, с. 80-81].

Фразеологические вариации могут возникать в результате изменения одного или двух компонентов фразеологических единиц. Например, во фразеологических единицах **бод дар димоғ нишастан** (ветер, сидящий в уме) [Б. А., т. 1, с. 220] и **бод дар мағз нишастан** (ветер, сидящий в мозгу) [Б. А., т. 1, с. 221], вследствие смены слова **димоғ** (ум) в **мағз** (мозг), вторая фразеологическая единица представляет собой вариант первой фразеологической единицы. Первая фразеологическая единица – заголовок. Автор «Bahār-e ‘Ajām», приводя фразеологическую единицу **бод дар мағз нишастан** (ветер, сидящий в мозгу), интерпретирует ее как **бод дар димоғ нишастан** (ветер, сидящий в уме) [Б.А. т. 1, с. 221], что трактуется как указание автора на вариативность этой фразеологической единицы. В то же время Лоло Тикчанд Бахар

приводит и другие фразеологические единицы, такие как: **бод дар зери доман доштан // бод дар сар афкандан // будан // доштан // кардан // бод дар кӯлох афкандан // доштан** (иметь ветер под подолом // бросить ветер на голову // быть // иметь // направить // ветер в шапку) [Б. А., т. 1, с. 220], и интерпретирует их все, как: **бод дар бурут афкандан** (пускать ветер на усы) [Б. А., т. 1, с. 220], и в пояснении к данной фразеологической единице он приводит: **бод дар бурут афкандан** (пускать ветер на усы) – это намек на гордыню и высокомерие, и развращенные помыслы. Джалал в рассказе землепашца (говорит):

Бод чӣ афкандаӣ андар бурут,

Қувват аз ман нафизояд на қут.

Зачем ветер ты бросил в облака,

Твоя сила не увеличит моей ни на чуть [Б. А., т. 1, с. 220].

Упоминание этого момента связано с тем, что хотя фразеологические единицы **бод дар сар будан / афкандан** (иметь ветер в голове / бросить ветер в голову) и **бод дар кӯлох доштан / афкандан** (иметь ветер в шапке / бросить ветер в шапку), из-за смены составных частей кажутся вариантами **бод дар димоғ нишастан** (ветер, сидящий в уме), однако с объяснениями и толкованиями и поэтическими свидетельствами, которые автор «Bahār-e ‘Ajam» привел в их толковании, они совершенно отличны друг от друга и не могут стать вариантом друг друга. Также, при указанном выше условии о вариативности фразеологической единицы, фразеологическая единица **бод дар зери доман доштан** (иметь ветер под подолом) может быть синонимом **бод дар сар / кӯлох доштан** (ветер в голове / шапке), а не их вариантом.

Еще одной проблемой, с которой сталкивается исследователь при исследовании фразеологических вариантов, является определение инварианта. Определение инварианта фразеологических вариантов возможно только в результате специальных исследований по определению той или иной фразеологической единицы, тогда как и это

не может поставить точку в происхождении фразеологической единицы и последующих ее изменениях. Также, опираясь на достоверные письменные источники, где отмечается та или иная фразеологическая единица, можно указать на инвариант. Однако определение инварианта зависит от частоты употребления того или иного фразеологического варианта в конкретное время [Войцехович, 2007, с. 263].

Столкнуться с указанной проблемой при распознавании инвариантов фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam» является естественным. Потому что автор при расположении фразеологических единиц обратил внимание, прежде всего, на алфавитный порядок и не ставил инвариант перед фразеологическими вариантами, чтобы его можно было распознать. Например, фразеологические единицы **ҷон бар миён бастан** (завязать душу посередине) и **ҷон бар миён ниҳодан** (положить душу посередине) [Б. А., т. 1, с. 601], являющиеся фразеологическими вариантами, приведены только с учетом алфавитного порядка (из-за предшествования «б» (бастан – привязать) перед «н» (ниҳодан – ставить)). В то время как другой вариант этих фразеологических единиц **ҷон ба миён ниҳодан** (положить душу посередине) [Б. А., т. 1, с. 602] за счет использования предлога «ба» (в) вместо предлога «бар» (на), опираясь на алфавитный порядок (с учетом алфавита персидского языка, так как предлог «ба» пишется арабской графикой персидского языка в основе вместе с «х» хаваза и известно, что в этом алфавите он стоит на несколько букв дальше после буквы «р»), он приводит его объяснение после объяснения и толкования ряда других фразеологических единиц. При этом автор приводит объяснение первых двух фразеологических единиц так: **ҷон бар миён бастан** (завязать душу посередине) и **ҷон бар миён ниҳодан** (поставить душу посередине): намек на подготовку к какому-либо делу [Б. А., т. 1, с. 602] и для подтверждения высказывания он приводит два поэтических свидетельств, не дав пояснения фразеологической единице **ҷон ба миён ниҳодан** (положить душу посередине) [Б. А., т. 1, с. 602], но ограничивается приведением

поэтического свидетельства: **ҷон ба миён ниҳодан** (положить душу посередине):

Ин чи бахт аст, ки бо ҳар ки ниҳам ҷон ба миён,

Хасми ҷонам шавад, ар Исии Марям бошад.

Что это за судьба, когда с кем-либо ставлю душу посередине,

Становится врагом моей души, пусть даже является Исой Марьям
(Камаль Исмоил) [Б. А., т. 1, с. 602].

При исследовании «Bahār-e ‘Ajām» мы сталкиваемся еще с одной фразеологической единицей: **ҷон дар миён** (душа в середине), употребление которой автор толкового словаря подчеркивает с глаголами **доштан** (иметь) и **ниҳодан** (ставить): **ҷон дар миён** (душа в середине) – это намек на предельную доброту и любовь, пока душа не будет притеснять, и употребляется со словами **доштан** (иметь) и **ниҳодан** (ставить) [Б. А., т. 1, с. 603]. Как видно, автор не только указывает на сходство этой фразеологической единицы с приведенными выше фразеологическими единицами, но даже придает ей совершенно новое значение, в результате чего фразеологическая единица **ҷон дар миён ниҳодан** (ставить душу посередине) не используется как вариант **ҷон ба миён ниҳодан**, **ҷон бар миён ниҳодан**, **ҷон бар миён бастан** (ставить душу посередине, ставить душу на середину, завязать душу посередине), а выглядит как полнозначная фразеологическая единица.

Как видно, некоторые фразеологические единицы с одинаковым значением различаются лишь изменением того или иного компонента или их грамматической формы. Если во фразеологических синонимах единицы совершенно отличны друг от друга по форме (составу), то в вариантах изменяются лишь некоторые их компоненты или их грамматические формы [Максудов, 1976, с. 32]. Фразеологические единицы в зависимости от особенностей своего композиционного компонента разделяются на: 1) фонетические варианты; 2) морфологические варианты и 3) лексические варианты.

1. Фонетические варианты. Как уже говорилось выше, типология используется и на уровне слова, возникающего в результате фонетических изменений в нем. Именно вариативность слова приводит к возникновению фонетических вариантов фразеологических единиц. Иными словами, фонетические варианты фразеологических единиц возникают в результате включения вариантных слов в состав фразеологических единиц [Маджидов, 1982, с. 60].

В «Bahār-e ‘Ajām» фразеологическими единицами, которые могут выступать как фонетические варианты фразеологических единиц, являются те фразеологические единицы, которые содержат, прежде всего, одно из прилагательных: белое или черное. Так, например, в толковом словаре приведены фразеологические единицы **сапед шудани бахт** (светление счастья) [Б. А., т. 2, с. 1227], **сапед шудани чашм** (светление глаз) [Б. А., т. 2, с. 1227], **сапед шудани хун** (светление крови) [Б. А., т. 2, с. 1227], **сапед шудани дида** (светление глаз) [Б. А., т. 2, с. 1228], **сапед кардан** (отбеливать) [Б. А., т. 2, с. 1228], **сапед кардани чома** (отбеливание халата) [Б. А., т. 2, с. 1228], **сапед кардани забон** (отбеливание языка) [Б. А., т. 2, с. 1228], **сапед кардани кимош** (отбеливание рубашки) [Б. А., т. 2, с. 1228], **сапед кардани лаб** (отбеливание губ) [Б. А., т. 2, с. 1228] и **сапед кардани мижгон** (отбеливание ресниц) [Б. А., т. 2, с. 1228], т. 2, с. 1228], и в статье о белом автор говорит: **сафед** (белый) является заменителем **сапед** (белый) и по этой аналогии – одной из его разновидностей [Б. А., т. 2, с. 1299]. То есть **сафед** (белый) – это фонетический вариант слова **сапед** (белый), и каждый фразеологизм, содержащий слово **сапед** (белый), путём замены его на слово **сафед** (белый) создаёт его фонетический вариант. Таким образом, **сафед шудани дида** (светление глаз) – это фонетический вариант **сапед шудани дида** (светление глаз), а **сафед кардани лаб** (светление губ) считается фонетическим вариантом **сапед кардани лаб** (светление губ). Этот же момент можно наблюдать и во фразеологических единицах, содержащих слово **сиёх** (черный) или **сиях** (черный). Например, фразеологическая единица **сиях шудани нома**

(очернение письма) может быть фонетическим вариантом фразеологической единицы **сиёх шудани нома** (очернение письма) [Б. А., т. 2, с. 1338]. Автор указывает на взаимную вариацию слов **сиёх**, **сиях** (черный) и говорит: **сиё** (черный) является эквивалентом **сиёх** (черный) и **сиях** (черный) также является его эквивалентом [Б. А., т. 2, с. 1336]. Также изменение слова **чор** (четыре) на **чахор** (четыре) в составе фразеологической единицы **чаشم чор кардан** (сделать четыре глаза) и **чаشم чахор кардан** (сделать четыре глаза), что означает ожидание [Б. А., т. 1, с. 675], может служить еще одним примером фонетической вариации фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām».

2. Морфологические варианты. Варианты фразеологических единиц чаще всего образуются в результате замены, добавления и удаления лексических и грамматических элементов фразеологических единиц [Шарипова, 2010, с. 54] или в результате изменения какого-либо грамматического элемента фразеологической единицы, в результате чего возникает ее морфологический вариант [Маджидов, 1982, с. 60]. В «Bahār-e ‘Ajām» статистически больше морфологических вариантов по сравнению с фонетическими вариантами фразеологических единиц. Например, во фразеологических единицах **гирди сари касе гардидан / шудан / рафтан** (вращаться / становиться / ходить вокруг чьей-то головы) [Б. А., т. 3, с. 1766], которые трактуются в «Bahār-e ‘Ajām» как означающие благотворительность и жертвенность, можно четко наблюдать добавление или опущение составного компонента фразеологической единицы. Если сравнить фразеологическую единицу **гирди сари касе рафтан** (идти вокруг чьей-то головы) с фразеологической единицей **ба гирди сари касе рафтан** (идти вокруг чьей-то головы), то становится ясно, что во вторую добавлен предлог «ба» (ба гирди сари касе рафтан – ходить вокруг чьей-то головы), в результате чего она создала морфологический вариант данной фразеологической единицы. Если сравнить фразеологическую единицу **гирди сари касе рафтан** (идти вокруг чьей-то головы) с другим вариантом **ба гирди сари касе рафтан**

(идти вокруг чьей-то головы), то мы становимся свидетелями выпадения одного из её компонентов, который представляет собой явление выпадения одного лексико-грамматического элемента фразеологической единицы. Выпадение слова **сар** (голова) во второй фразеологической единице привело к появлению морфологического варианта **гирди сари касе рафтан** (идти вокруг чьей-то головы). Во фразеологических единицах **парда аз кор бардоштан** (снятие занавеса с дела) и **парда аз рӯйи кор бардоштан** (снятие занавеса с поверхности дела), что является намеком на раскрытие тайны [Б. А., т. 1, с. 402], во второй добавлено слово **рӯй** (лицо) и создан морфологический вариант. Следующие фразеологические единицы: **даст бар абру гирифтан** (поставить руку на брови) и **даст бар болои абру гирифтан** (поставить руку над бровями) означают не иметь терпения лицемерить:

Хурушед дар мушоҳидаи офтоби ту,

Беихтиёр даст ба абру гирифтааст.

Солнце в наблюдении за твоим солнцем

Непроизвольно поставил руку на брови (Мирнаджот).

Пайи наззора меҳр аз тоби он рӯ,

Гирифта даст бар болои абру.

Наблюдая солнце из-за блеска ее лица,

Поставил руку над бровями (Хаким Зулоли) [Б. А., т. 2, с. 953]

являются морфологическими вариантами друг друга, так как во втором случае добавлено лишь слово **боло** (верх).

Дандон бар харфи худ гузоштан (вставить зубы в свое слово) и **дандон бар сари харфи худ гузоштан** (вставить зубы во главе своего слова) выражают настаивание на своем слове и действие вопреки уговору, и с разницей слова **сар** (голова) во второй считаются морфологическими вариантами друг друга. В пояснении к этим фразеологическим единицам автор «Bahār-e ‘Ajām» приводит следующее: «Лингвисты исследовали, что **дандон бар харфи худ гузошт** (вставил зубы

в свое слово) означает: он хотел что-то сказать, но, полусказав, он промолчал и не договорил:

Гаштай аз рӯсиёҳӣ мункири паймон чаро,

Мегузорӣ чун қалам бар ҳарфи худ дандон чаро.

Почему ты стала от срама отрицать соглашение,

Почему ты вставляешь зубы в свое слово, как карандаш (Мухсини Таъсир).

Чун қалам маҳрами асрори чаҳон мегардӣ,

Мегузорӣ ба сари ҳарф агар дандонро.

Подобно карандашу ты ходишь, как близкий друг тайн мира,

Вставляешь зубы на голову слова (Исмаили Има) [Б. А., т. 2, с. 1006].

Фразеологические единицы **лагом бар асб кардан** (накладывать седло на лошадь) и **лагом бар сари асб кардан** (накладывать узду на лошадь) являются морфологическими вариантами друг друга. Чтобы объяснить их смысл, автор привел следующее свидетельство:

Чун ба Ҷайхун шоҳи машириқ кард пой андар рикоб,

Кард даст азми ту бар асби коми ту лагом.

Когда у Джайхуна царь востока положил ногу в стремя,

Рука твоей решимости наложила узду на лошадь твоего желания (Амир Муъзи) [Б. А., т. 3, с. 1869].

Фразеологические единицы **най дар нохун кардан** (вкалывать тростник в ногти) и **най дар буни нохун кардан** (вкалывать тростник в промежность ногтей), по смыслу представляющие собой своеобразную пытку [Б. А., т. 3, с. 2090], являются морфологическими вариантами фразеологических единиц, так как во вторую фразеологическую единицу добавлено слово **бун** (промежность), которое сделало смысл более точным.

Наряду с добавлением или удалением лексико-грамматических элементов, фразеологизмы иногда удалением или добавлением отдельных словообразовательных аффиксов могут также создать морфологический вариант фразеологизма [Маджидов, 1982, с. 61].

Примером этого в «Ваһа̄р-е ‘Аҷам» могут стать фразеологические единицы **сари хеш гирифтан** (взять свою голову) и **сари хештан гирифтан** (взять свою голову), означающие **ба дар рафтан** (идти к двери) и **рохи хона гирифтан** (взять путь домой) [Б. А., т. 2, с. 1267], ибо во второй фразеологической единице подтвердительная форма «хеш» (**хештан**) (сам).

3. Лексические варианты. Хотя количество морфологических вариантов в «Ваһа̄р-е ‘Аҷам» статистически больше по сравнению с фонетическими вариантами фразеологических единиц, оно считается ничтожным по сравнению с другим типом вариантов фразеологических единиц, который во фразеологии упоминается термином лексические варианты. Лексические варианты фразеологических единиц возникают в результате изменения одного из внутренних компонентов. Лексические варианты относятся к числу наиболее продуктивных видов фразеологических вариантов. Подобные фразеологические варианты очень распространены в таджикском языке [Маджидов, 1982, с. 61]. Следующими примерами фразеологических единиц, вошедших в «Ваһа̄р-е ‘Аҷам», являются лексические варианты фразеологических единиц в толковом словаре: **чодари кабуд**, **чодари кухлӣ**, **чодари лочувардӣ** (синяя чадра, серая чадра, лазурная чадра) [Б. А., т. 1, с. 644], **чор девори хона задан** (разбитие четырех стен дома) и **чор девори хона равзан шудан** (превращение четырех стен дом в окно) – намек на разрушение и обрушение дома:

Чор девори хона равзан шуд,

Бом биншасту остон бархост.

Четыре стены дома стали окнами.

Крыша опустилась, а пол поднялся (Афзалуддин Хакани) [Б. А., т.1, с. 646].

Чорзарби абдол (четыре удара святых) означает делать четыре удара, а **чорзарби ринд** (четыре удара гуляки) – намек на бритьё бороды и

бровей, и это обычай свободных отшельников. Говорят: такой-то ударил четыре раза:

Дар чорзарби абдол абру тарошад аз рӯ,

То ҳеҷ кас нагуяд, болои чаимат абру.

В четырех ударах святых сбивает брови на лице,

Чтоб никто не сказал, над твоими глазами – брови (Ибрахими Адхам)

[Б. А., т. 1, с. 647].

Фразеологические единицы **чатр бар сар кашидан** (натягивание зонта над головой), **чатр бар сар ниходан** (надевание зонта на голову), **чатр дар сар бозкашидан** (убирание зонта над головой), **чатр дар сар кашидан** (натягивание зонта на голову) [Б. А., т. 1, с. 656-657]; **дил ба дарё афкандан** (ввергнуть сердце в реку), **дил ба дарё андохтан** (бросить сердце в реку), **дил ба дарё кардан** (кидать сердце в реку) – вложить сердце в дело и положиться на всё хорошее:

Чун ҳубоб аз ҳар шиқасте дил ба дарё мекунам,

Нохуни мавҷам гиреҳ аз кори худ во мекунам.

Как пузырь, я сердце в реку из-за каждого излома выливаю,

Ногтями своей волны я развязываю узел в своем деле (Солики Казвини) [Б. А., т. 2, с. 987];

давр ба коми касе рафтан (достижение круга желания кого-либо), **давр ба коми касе задан** (забивать круг желанию кого-либо):

Соиб, кунун, ки давр ба коми ту меравад,

Бишкан ба согаре сару дасти хумморро.

Саиб, теперь, когда круг достигает твоего желания,

Разбей бокалом голову и руки виночерпия (Мирзо Саиб) [Б. А., т. 2, с. 1022];

зону бар хок молидан (тереться коленями о землю), **зону бар замин ниходан** (ставить колени на землю), **зону дар гил нишастан** (сидеть коленями в глине) – намек на вежливость и скромность:

Ду зонуи адаб молид бар хок,

Гиребони қалам зад бар рақам чок.

Два колена вежливости потёр о землю,
Острием карандаша сделал в письме разрыв (Хаким Зулали) [Б. А., т. 2, с. 1145];

соғар ба сар кашидан (поднять бокал на голову), **соғар бар сар кашидан** (поднять бокал над головой); **зери хок супурдан** (предать земле), **зери хок кардан** (прикрыть землей) – намек на засыпание землей, умерщвление и уничтожение:

В-он пири лошаро, ки супурдан зери хок,

Хокаш чунон бихӯрд, к-аз ӯ устухон намонд.

И тот старый труп, который предали земле,

Земля поглотила его настолько, что у него не осталось и кости (Шейх Шираз) [Б. А., т. 2, с. 1197];

зери забон гуфтан (говорить под язык), **зери лаб гуфтан** (говорить тихо; бормотать) – намек на говорить медленно и тайно [Б. А., т. 2, с. 1197-1198]; **зери нигин доштан** (держат под драгоценным камнем), **зери нигин кардан** (подложить под драгоценный камень), **зери нигин гирифтан** (забрать под драгоценный камень) – намек на покорение и осуждение:

Бурдӣ фаровон ранҷ дил, дидӣ фаровон ранҷ тан,

Аз ранҷи дил в-аз ранҷӣ тан кардӣ ҷаҳон зери нигин.

Ты перенес много боли, о сердце, ты видел много боли, о тело,

Из-за боли сердца и из-за боли тела ты положил мир под драгоценный камень (Устад Фаррухи) [Б.А., т. 2, с. 1198];

зин бар пушти маркаб гузоштан (ставить седло на спину лошади), **зин бар пушти маркаб ниҳодан** (положить седло на спину лошади) [Б. А., т. 2, с. 1199]; **зин бар маркаб бастан** (привязать седло на лошади), **зин бар маркаб танг кардан** (подтянуть седло на лошади), **зин бар маркаб гирифтан** (взять седло с лошади), **маркаб ниҳодан**³ (надеть седло на

³ На первый взгляд, указанные выражения кажутся свободными синтаксическими выражениями, оданко из примеров, приведенных автором в «Bahār-e ‘Ajām», прослеживается, что эти выражения употребляются в значении готовности к путешествию или приступления к тому или иному делу. На основе такой интерпретации указанные выражения можно рассматривать как выражения из числа фразеологических единиц.

лошадь) [Б. А., т. 2, с. 1200] и т.д. являются примерами лексических вариантов в «Bahār-e ‘Ajām».

Как видно на этих примерах, большинство вспомогательных глаголов привели к созданию в толковом словаре лексических вариантов фразеологических единиц.

Опираясь на примеры, приведенные в фонетических, морфологических и лексических вариантах фразеологических единиц, можно определить относительную инвариантность вариантов фразеологических единиц. В частности, представляется более простым реализовать это положение и в фонетическом, и в морфологическом варианте, так как можно конкретизировать инвариантность фразеологических единиц на основе изучения и рассмотрения развития и совершенствования слова. Например, слово **сафед** (белый) этимологически является модифицированной формой слова **сапед** (белый), поэтому любая фразеологическая единица, содержащая слово **сапед** (белый), считается инвариантной по сравнению с фразеологической единицей, содержащей слово **сафед** (белый).

Возможно также распознавание инварианта в морфологических вариантах фразеологических единиц в том смысле, что этот тип вариантов возникает на основе добавления или удаления одного из лексических элементов фразеологических единиц, а, как известно, в большинстве случаев с течением времени словосочетание или выражение становится короче и отшлифованнее. Поэтому, опираясь на эту закономерность, можно считать фразеологическую единицу **най дар буну нохун кардан** (вкалывать тростник в промежность ногтей) инвариантом фразеологической единицы **най дар нохун кардан** (вкалывать тростник в ногти), в которой со временем слово **бун** (промежность) выпало из ее состава, и она превратилась в короткую фразеологическую единицу.

Однако определение инварианта в лексических вариантах фразеологических единиц является непростой задачей, и только путем

исследования употребления самого старого варианта фразеологической единицы можно определить её инвариант.

Таким образом, в «Bahār-e ‘Ajam» представлены разные варианты фразеологических единиц: фонетические, морфологические и лексические, но автор не указал их тип, лишь в некоторых случаях указал на взаимные варианты фразеологических единиц через определения «однозначная» и «синоним».

2.5. Антонимия фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām»

В таджикском языке, наряду с широким употреблением синонимов и фразеологических вариантов, также широко распространено употребление антонимичных фразеологических единиц. Именно поэтому явление антонимии в таджикском языкознании рассматривается как на уровне лексикологии, так и на уровне фразеологии. Хотя вокруг антонима на лексическом уровне в лингвистике выполнены фундаментальные работы, на уровне фразеологии он еще не изучен должным образом. При этом антонимия, как явление полисемии и синонимии, охватывает все уровни языка, а значит, в языкознании, кроме фразеологической, выделяют также морфологическую, синтаксическую и другие антонимии [Маджидов, 2007, с. 81]. В таджикском фразеологоведении рассмотрение антонимии фразеологических единиц можно наблюдать, прежде всего, в исследованиях Х. Маджидова.

По мнению учёных, именно противоречие отдельных значений самой одной фразеологической единицы, либо двух и более различных фразеологических выражений создаёт явление фразеологической антонимии [Маджидов, 1982, с. 62]. Феномен противоречивости фразеологических единиц в языке является отражением реальной жизни и основан на изображении противоречивых событий и других формах выражения мысли [Шарофиддинова, 2017, с. 76]. Антонимические фразеологические единицы (противоположные значения), как и слова и составы, выражают противоположные понятия, считаются необходимыми средствами речевого и образного выражения и широко используются при комплексном описании событий и явлений жизни [Максудов, 1976, с. 33]. Опираясь на антонимы, писатель может легко описать отношения различных слоев общества и в простом стиле приблизить содержание текста, способ выражения и средства отражения события к читателю [Камалиддинов, 1967, с. 49]. Явление антонимии на уровне фразеологии представляет ту же функцию, которую оно

выполняет на уровне слова. В том смысле, что данное явление служит для лучшего распознавания той или иной фразеологической единицы [Исомуддин, 2006, с. 53].

Учитывая особенности отношения между компонентами антонимических фразеологических единиц, антонимические фразеологические единицы можно разделить на две группы: 1) лексические; 2) семантические. Первому типу соответствуют примеры **дил додан – дил мондан** (отдавать сердце – остывание сердца) со значениями «влюбляться» и «разочарование в любви», **дасти дароз – дасти кӯтоҳ** (длинная рука – короткая рука) со значениями способности, богатства, бессилия и бедности, потому что в той или иной мере они в чем-то сходны и противоречивы по своему составу (форме) в зависимости от их лексического значения. Однако встречаются некоторые фразеологические единицы, которые противопоставляются только в силу общего значения компонентов: **кӯхро занад, талқон мешавад – аз биниаш гирӣ, қонаш мебарояд** (если он ударит по горе, она превращается в муку – если удержишь его за нос, он испустит дух) в смысле сильный, мощный и слабый, худой и бессильный); **ороми қонсухони умр** (спокойствие души – тиски жизни) в смысле нежного и доброго и обидчика и неисправимого) [Максудов, 1976, с. 33].

Путем исследования и рассмотрения антонимии фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam» выяснилось, что большая часть антонимичных фразеологических единиц относится к лексическому типу. В том смысле, что один из компонентов фразеологической единицы повторяется, а другие её компоненты противопоставляются друг другу. Например, подтверждение этого высказывания мы можем увидеть на примерах: **дил баркандан / / баргирифтан – дил бастан** (отнять / / изымать сердце / / привязаться сердцем). В пояснении к этим двум композициям автор приводит: **дил баркандан / / дил дил баргирифтан** (отнять сердце / / изымать сердце) – противоположность «привязаться сердцем».

Ман ҳамон рӯз дил аз ҳасти худ баркандам,

К-ӯрухи хеш дар оина тамошо мекард.

Я в тот же день отнял сердце от своего бытия,

Когда она свое лицо в зеркале смотрела (Хусрави) [Б. А., т. 2, с. 987].

Привязаться сердцем к чему-либо: популярное:

Набойд бастан андар чизу кас дил,

Ки дил бардоштан корест мушкил.

Нельзя привязаться сердцем к чему-либо и к кому-либо,

Ибо сердце отнять является делом трудным (Шейх Шираз) [Б. А., т. 2., с. 988].

В этих композициях слово **дил** (сердце) повторяется, но глаголы **баркандан / / баргирифтан – бастан** (отнимать / / изымать – привязаться) противопоставлены друг другу.

Фразеологические единицы **дил хунук кардан ба чизе – дил гарм кардан ба чизе** (остудить сердце к чему-либо – согреть сердце к чему-либо) также являются подтверждением вышеизложенного. **Дил хунук кардан ба чизе** (остудить сердце к чему-либо) – намек на увядание.

Чамъе, ки зери чарх шабе рӯз кардаанд,

Чун шамъ дил хунук ба насими саҳар кунанд.

Толта людей, проночевавшая под небосводом,

Подобно свече сердце остуживает от утреннего ветерка (Мирзо Сайб) [Б. А., т. 2, с. 989].

Дил гарм кардан бар чизе (согреть сердце к чему-либо) – намек на влюбленность [Б. А., т. 2, с. 993].

Фразеологические единицы **сари ришта аз даст берун рафтан – сари ришта ба даст афтодан** (упускание головки нити из руки – попадание головки нити в руку) созданы таким же способом. Таким образом, словосочетание **сари ришта** (головка нити) и **даст** (рука) повторяются в обеих фразеологических единицах, а остальные компоненты этих двух словосочетаний: **ба... афтодан – аз... рафтан** (в... попасть – с... упускать) расположены друг против друга. Как указывает автор: **сари ришта аз даст берун рафтан – бар сари сухане омадан** (упускание головки нити с

руки –прийти к началу разговора), при начинании которого головка нити была упущена с руки:

Нарафта аст сари ришта то зи даст бурун,

Сар аз даричаи гавҳар чаро бадар накунӣ.

Пока головка нитки не упущена с руки,

Почему бы тебе не вывести голову из дверца жемчуга [Б. А., т. 2, с. 1272].

Сари ришта ба даст афтодан (попдание головки нити в руку): популярное.

Ба дастам наяфтод сари риштае,

Зи оҳи ба хуни дил оғӯштае.

В мою руку не попала головка нити

От стопа запачканного кровью сердца (Нуриддини Зухури) [Б. А., т. 2, с. 1772].

Хотя автор толкового словаря в пояснении фразеологической единицы **сари ришта аз даст берун рафтан** (упускание головки нити с руки) указывает на потерю речи, но в современном таджикском языке эта фразеологическая единица в основном используется в значении **чи кор кардани худро надониста мондан** (незнание, что делать) и синоним **сари риштаи худро гум кардан** (упускание головки нити с руки) [ФТЗТ 2008, т. 2, с. 166] или **сари калобай худро гум кардан** (потерять головку своей нити).

Сапед шудани бахт – сиёҳ шудани бахт (светление счастья – очернение счастья) относятся к числу других антонимичных фразеологических единиц, первая часть которых противоположна другим, а остальные части схожи между собой. **Сапед шудани бахт** (светление счастья):

Бахти сияҳ зи дидани сабзон сафед шуд,

Дар хоки ҳинд умр сиёҳон дароз бод.

Черное счастье стало белым, увидев зеленое.

Пусть продлится жизнь черных на земле Индии (Дервиш Волай Хирави) [Б. А., т. 2, с. 1227].

Сиёх шудани бахт (очернение счастья) **сиёхбахт шудан** (стать несчастным) – одна из наиболее часто употребляемых фразеологических единиц, означающих стать несчастным [Фозилов, 1964, т. 2, с. 99].

В этих отглагольных фразеологических составах их именные части: **сапед** (белый) и **сиёх** (черный) также являются антонимами друг друга на уровне слова.

Фразеологические единицы **гардан нарм кардан / шудан – гардан кашидан / сар кашидан, гарм доштан / кардан / шудани ихтилот – сард доштан / кардан / шудани ихтилот** (смягчение / смягчение шеи – тянуть шею / тянуть голову, держать дружбу в тепле – держать дружбу в холоде) [Б. А., т. 3, с. 1780], **сар ба хат доштан – сар боз задан** (держать голову в линии – ударить головой) и т.д. являются другими примерами антонимических фразеологических единиц, представленных в «Bahār-e ‘Ajām», и их антонимичность является лексической.

Гар ту гармулфатӣ бо кас шарики нон машав,

Сард шуд дар Одаму Ҳаво зи гандум ихтилот.

Если ты с кем-то дружен, не делись хлебом.

Похолодала у Адама и Евы дружба из-за пшеницы (Нематхан Оли) [Б. А., т. 2, с. 1281].

Оқилоне, ки зи занҷири ту сар во задаанд,

Гофилонанд, ки бар давлати худ по задаанд.

Разумные, освободившие свои головы из твоей цепи,

Невежественны, пинавшие свое государство (Мирзо Саиб) [Б. А., т. 2, с. 1252].

Рассмотрение феномена антонимии в «Bahār-e ‘Ajām» показывает, что многие фразеологические единицы представлены без упоминания антонимии, тогда как в таджикском языке они выделяются среди известных фразеологических единиц с антонимами. Например, можно упомянуть фразеологическую единицу **сапед кардан** (беление), для

выражения смысла которой автор использовал поэтическое свидетельство, не имеющее к её смыслу никакого отношения:

Кадам қофила з-ин даиш кӯси рихлат зад,

Сапед аз каф чаммоза кард роҳи маро.

Что за караван в этой степи ударил по барабану пути,

Отбелил ладонью мой предстоящий путь (Мулла Касим Машхади)

[Б. А., т. 2, с. 1228].

Антонимом указанной фразеологической единицы в таджикском языке является фразеологическая единица **сиёҳ кардан** (чернение), которая хоть и не упоминается в толковом словаре «*Vahār-e ‘Ajām*», но истина в том, что эта фразеологическая единица широко используется как в письменном, так и в разговорном языке. Так, например, в «*Farhang-e tafsīrī-e zabān-e tājīkī*» («Толковый словарь таджикского языка») при объяснении значения *сиёҳ кардан* (чернение) приводится: **сиёҳ кардан** (чернение): а) красить черным цветом; пачкать черным цветом; б) обвинять, клеветать [ФТЗТ 2008, т. 2, с. 240]. Как следует из смысла выражений **сафед кардан** (беление) и **сиёҳ кардан** (чернение), они как в прямом, так и в метафорически-фразеологическом смысле стали антонимами друг друга. Если в прямом смысле это означает красить белым и черным цветом, то в метафорически-фразеологическом смысле это означает описывать хорошее и плохое человека перед другим человеком.

В «*Vahār-e ‘Ajām*» упоминаются такие фразеологические составы, как: **пой сахт кардан** (укрепить ногу) и **пой суст кардан** (ослабить ногу) [Б. А., т. 1, с. 392], которые, учитывая антонимичность слов **сахт** (крепкий) и **суст** (слабый), выступают как антонимы, однако толкования и пояснения автора толкового словаря не указывают на то, что они являются антонимами. Так, в пояснении к составу **пой сахт кардан** (укрепить ногу) он говорит: **пой сахт кардан** (укрепить ногу) – останавливаться и выбрать местожителство:

Эй Бесутун, зи санг чи по сахт кардай,

Бархез аз миёни камар Кӯҳкан гусехт.

О Бесутун, зачем ты уперся ногами в камень,

Поднимись с седловины горы, Кухкан исчез (Мирзо Саиб) [Б. А., т.1, с. 392],

а в пояснении к составу **пой суст кардан** (ослабить ногу) он говорит: **пой суст кардан** (ослабить ногу) – намек на неправильное положение ноги:

Танҳо на кори ман ба нигоҳи нахуст кард,

Ҳар кас, ки дид қилваи ӯ, пой суст кард.

Только не моём деле первым взглядом она справилась,

Каждый, кто видел её блеск, ослабил ногу (Мирзо Саиб) [Б. А., т. 1, с. 392].

С нашей точки зрения, в первом стихе состав **пой сахт кардан** (укрепить ногу) означает быть устойчивым и стабильным, а в следующем стихе **пой суст кардан** (ослабить ногу) означает неустойчивость и нестабильность и оказаться неподвижным, и в данном случае их можно считать полными антонимами друг друга.

Как уже говорилось ранее, автор толкового словаря «Bahār-e ‘Ajam» при объяснении фразеологических единиц, прежде всего, обращал внимание на тот же смысл, который исходит из приведенного им поэтического свидетельства. Например, в пояснении фразеологической единицы **ҷон додан** (отдать жизнь) автор говорит: **ҷон додан** (отдать жизнь) – значит умереть [Б. А., т. 1, с. 602], в то время как в таджикском языке эта фразеологическая единица представляет собой другое значение, которое является антонимом приведенного автором «Bahār-e ‘Ajam» значения. Именно поэтому в «Словаре Деххудо» это выражение упоминается в числе антонимов и синонимом фразеологической единицы **ҷон бахшидан** (дарить жизнь). Как говорит Деххудо: **ҷон додан** / / **ҷон бахшидан, зинда кардан, эҳё** (отдать жизнь» / / дарить жизнь, оживить, возродить) являются антонимами. [Деххудо, т. 5, с. 7433]. Здесь можно привести утверждение Х. Маджидова: «Хотя словосочетания **ҷон**

бахшидан (дарить жизнь) и **аз худ рафтан** (выйти из себя) и не выражают совершенно антонимичные значения, однако можно наблюдать противоречие между их разными значениями. Например, **ҷон бахшидан** (дарить жизнь) используется в следующих значениях: 1) дать жизнь кому-то (чему-то), сделать кого-то (что-то) сильнее и 2) умереть, скончаться. Что касается словосочетания **аз худ рафтан** (выйти из себя), то оно, наряду с семантикой, означает: 1) падать в обморок, чувства вялости, бессилия, и означает также 2) надменность, считать себя роскошным» [Маджидов, 1982, с. 62].

Однако в ряде случаев автор «*Vahār-e ‘Ajām*» в пояснении одной фразеологической единицы упоминает два значения, являющиеся антонимами друг друга. Например, в пояснении фразеологической единицы **дасту гиребон шудан бо касе** (братся с кем-либо за руки и воротник) он приводит **дасту гиребон шудан бо касе** (а) сцепиться в драке; б) схватиться в рукопашном бою; в) придирааться друг к другу) – сильно сблизиться и намек на ведение сражения и битвы:

Толеи хасмфикан дар ҳама майдон дорам,

В-ин ҳунар бин, ки ба кас дасту гиребон нашудам

У меня судьба, раскидывающая врагов во всех полях сражения,

И взгляни на это искусство, что я ни с кем не сцепился в драку

(Абуталиб Калим) [Б. А., т. 2, с. 974].

По указанию автора, здесь противопоставлены друг другу **нихоят қариб шудан** (сильно сблизиться) с выражением **овезиш ва пайкор қардан** (вести сражение и битву), поскольку привязанность является продуктом и выражением любви, а сражение – результатом ненависти и вражды. Во всяком случае, в таджикском языке более распространено второе значение этой фразеологической единицы, означающее **ба хамдигар афтодану ҷангу ҷидол қардан** (драться и сражаться друг с другом).

В отличие от обращения к синонимам фразеологических единиц, автор «*Vahār-e ‘Ajām*» часто ссылался на антонимы фразеологических

единиц. Например, в выражении **гирех кушодан / боз кардан / во кардан аз чизе** (развязывание / развязывание / развязывание узла чего-либо) означает противоположность **гирех ниходан / задан бар чизе** (наложение / завязывание узла на чем-либо):

Во накард оина гардидан гирех аз кори ман,

Банди ҳайрат сахттар аз байзаи фулод буд.

Не раскрыло зеркало узел моего дела,

Узы удивления оказались тверже стального овала (Мирзо Бедил) [Б. А., т.3, с.994].

Здесь под словом «муқобил» (противоположный) автор имеет в виду собственно сегодняшней термин «антоним», поскольку приведенные им фразеологические единицы являются полными смысловыми противоположностями друг другу.

В другом месте он говорит: **доғ рафтан** (выведение пятна) является противоположностью **доғ мондан** (оставление пятна):

Соқӣ зи май кудурати дил кам намешавад,

Биниш, ки доғи лола зи борон намеравад.

О виночертий, от вина огорчение сердца не уменьшится.

Сядь, ибо пятно тюльпана не выводится дождем (Абуталиб Калим) [Б. А., т. 2, с. 790].

Шабҳои дурият зи кӣ пурсам суроғи субҳ,

Рафтию монд дар дили шаб бе ту доғи субҳ.

В ночи, когда ты вдалеке, у кого мне спросить утреннюю зарю,

Ты ушла и осталось в сердце ночи без тебя пятно утра (Мирзо Рази Дониш) [Б. А., т. 2, с. 792].

В «Bahār-e ‘Ajām» приведены отыменные или же дополнительные фразеологические единицы, такие как: **бахти фархунда – бахти тира / сиёх** (счастливая судьба – темная / черная судьба); **бахти хучастафол – бахти баргашта** (благополучное счастье / отвернувшееся счастье) [Б. А., Т. 1, с. 250]; **харфи мағздор – харфи вохӣ** (содержательное слово – пустое слово) [Б. А., т. 2, с. 724] / **харфи обдор** (веское слово) [Б. А., т. 2, с. 720] / **харфи**

устухондор (твердое слово) [Б. А., т. 2, с. 721] / **харфи тахдор** (слово с подтекстом) [Б. А., т. 2, с. 722] – **харфи по бар хаво** / **харфи по дар хаво** (слово, повисшее в воздухе / слово, повисшее в воздухе) [Б. А., т. 2, с. 721] / **харфи берабт** (неуместное слово) [Б. А., т. 2, с. 721] / **харфи парешон** (путаное слово) [Б. А., т. 2, с. 722] / **харфи хунук** (холодное слово) – намек на безвкусное и неэффективное слово [Б. А., т. 2, с. 723] / **харфи цовида=харфи пуч** (бессмысленное слово = пустое слово) [Б. А., т. 2, с. 722] / **харфи чакишй** (капающее слово) [Б. А., т. 2, с. 722] / **харфи сабук** / **харфи сахл** (легкое слово / невесомое слово) – доведено почти до значения **харфи пуч** (пустое слово) [Б. А., т. 2, с. 723], которые стали антонимами друг друга. Однако анализ и рассмотрение отыменных фразеологических единиц с точки зрения антонимии показывают, что такие единицы малочисленны, их значительно меньше по сравнению с отглагольными антонимичными единицами. Также в целом отыменные антонимические единицы образуются прилагательными словосочетаниями. Таким образом, прилагательное, определяемое у таких фразеологических единиц, одинаковое, а их качества, которые фактически являются лексическими антонимами, являются противопоставленными. Подтверждение этого высказывания можно наглядно наблюдать из приведенных выше примеров. В первых двух примерах появляется слово **бахт** (судьба), а прилагательные **фархунда** (счастливая), **сиёх** (черная), **баргашта** (отвернувшаяся) противопоставлены друг другу. Или же на примере сложения слова **харф** (слово) с прилагательным и прилагательными выражениями наглядно видно, что именно прилагательные **обдор-вохй**, **устухондор-по дар хаво** (веское – пустое, твердое – повисшее в воздухе) противопоставлены друг другу.

Анализ отыменных фразеологических единиц с точки зрения антонимии показывает, что большинство из них употребляются в поэзии и не получили существенного развития в разговорной речи. Например, автор «Ваһār-е ‘Аjam» в статье о сердце [Б. А., т. 2, с. 985] приводит в качестве аллегии более семидесяти прилагательных, большинство из

которых являются антонимами друг друга, например, **дил баркандан** (отнимать сердце) и **дил баргирифтан** (забрать сердце), которое автор объясняет в значении *привязаться к кому-либо, чему-либо* и цитирует следующие стихи для подтверждения его смыслов:

Ман ҳамон рӯз дил аз ҳастии худ баркандам,

Ки рухи хеш дар оина тамошо мекард.

В тот день я отнял сердце от своего бытия,

Когда она смотрела на свое лицо в зеркало (Хисрави)

и

Ба дарё қатра чун гардид восил тарки сар гирад,

Касе чун бо ту бининад, чи сон дил аз ту баргирад.

Когда с рекой соединяется капля, она оставляет свою голову,

Когда кто-то сядет с тобой, как он отнимет сердце от тебя

(Мулла Касим Машхади) [Б. А., т. 2, с. 987].

В этой статье также приведены фразеологические единицы **дил хунук кардан ба чизе** (охлаждение сердца к чему-либо) [Б. А., т. 2, с. 989] и **дил гарм кардан бар чизе** (согревание сердца к чему-либо) [Б. А., т. 2, с. 993], и антонимичность этих двух фразеологических единиц является бесспорной. Однако трудным моментом в этих двух фразеологических единицах является объяснение автора толкового словаря. Например, фразеологическую единицу **дил хунук кардан ба чизе** (охлаждение сердца к чему-либо) он объясняет намеком на **аз афсурда шудан** (быть подавленным), и в подтверждение этого он приводит этот стих:

Чамъе, ки зери чарх шабе рӯз кардаанд,

Чун шамъ дил хунук ба насими саҳар кунанд.

Люди, прошедшие под небосводом одну ночь,

Как свечи сердце охлаждаются утренним ветерком (Мирзо Саиб) [Б.

А., т. 2, с. 987].

В объяснении фразеологической единицы **дил гарм кардан бар чизе** (согревание сердца к чему-либо) он приводит, что это выражение

является намеком на **ошик шудан** (влюбляться) и не приводит другого примера ни из поэзии, ни из прозы [Б. А., т. 2, с. 993].

Стоит отметить, что в «Farhang-e ibārahā-e rekhta» («Толковый фразеологический словарь») присутствуют и другие виды этих фразеологических единиц, такие как: **дилхунук шудан** (охлаждение сердца) как синоним **дили касе аз касе / чизе хунук шудан** (охлаждение чьего-либо сердца от кого-либо / охлаждение чего-либо) [Фозилов 1963, т. 1, с. 409] и **дил ба касе гарм шудан** (согревание сердца к кому-либо) в значениях: 1) любить кого-либо, привязаться к кому-то; 2) обретение доверия к кому-либо [Фозилов 1963, т. 1, с. 355].

Здесь сравнение объяснения автора «Bahār-e ‘Ajām» с объяснением «Толкового фразеологического словаря» показывает, что в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» эти фразеологические единицы хоть и представлены в виде переходного глагола, но автор объяснил и истолковал их как непереходный глагол. Кроме того, приведенный в «Bahār-e ‘Ajām» поэтический пример толкования фразеологического словосочетания **дил хунук кардан ба чизе** (охлаждение сердца к чему-либо) [Б. А., т. 2, с. 987] не соответствует смыслу указанного словосочетания, но, если в этом стихе будет пониматься лексическое значение этого выражения, смысл становится яснее.

Во фразеологоведении употребление отрицательной частицы **не** (не) в составе фразеологических единиц является одним из наиболее распространенных способов образования фразеологических антонимов. Например, фразеологическая единица **тан додан ба чизе** (согласие на что-то), представляющая собой намек на *соглашение* и *принятие* [Б. А., т. 1, с. 545], с употреблением в нем отрицательной частицы **на** (не): **тан надодан ба чизе** (не соглашаться на что-то), уже выражает *не соглашаться* и *непринятие*, что совершенно противоречит первому смыслу. Или в выражении **сар бар хат доштан** (иметь голову на линии), представляющем собой намек на *повиновение* и *послушание* [Б. А., т. 2, с. 1253], с добавлением отрицательной частицы **на** (не) возникает

антонимная фразеологическая единица **сар бар хат надоштан** (не иметь голову на линии), которая не выражает послушание, а является выражением неповиновения.

Хотя употребление отрицательной частицы **на** (не) во фразеологических единицах не является общепризнанным способом фразеологической антонимизации [URL: <http://schooled.ru/ukrmova/phraseology/index.html> 26.10.2018], тем не менее, некоторые таджикские исследователи считают его одним из способов фразеологической антонимизации. Так, Х. Талбакова в статье «Vāḥidhā-t frazeālāgī-e antānimī» (Фразеологические антонимические единицы) указывая на этом момент, говорит: «Несмотря на то, что спрягаемые глаголы путем принятия отрицательных префиксов не образуют антонимы, во фразеологических единицах, если глаголы принимают отрицательную форму, то по смыслу они противоречат друг другу и в этом случае образуются антонимичные фразеологические единицы: **чаши хат доштан** / босавод – **чаши хат надоштан** / бесавод / (иметь глаз грамотности / грамотный – **не иметь глаз гармотности** / неграмотный / [Талбакова, 1990, с. 49]. Однако в «Bahār-e ‘Ajam» фразеологических единиц, противоречащих употреблению отрицательных частиц и отрицательных префиксов, особенно частицы «на» (не), не наблюдалось.

Таким образом, в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajam» используются антонимичные фразеологические единицы, и хотя автор называет это явление термином «муқобил» (противоположный), однако со статистической точки зрения антонимичные фразеологические единицы в толковом словаре по сравнению с синонимичными и полисемическими фразеологическими единицами насчитываются в незначительном количестве.

ГЛАВА III.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В «ВАНĀR-Е ‘AJAM»

3.1. Отыменные фразеологические единицы в «Вahār-e ‘Ajām»

Фразеологические единицы в языке, благодаря своему особому значению, входят в группу самостоятельных единиц языка и отличаются от других его единиц. Фразеологические единицы структурно устойчивы, и их составные слова нельзя заменить их синонимами. Поскольку внутри них состав слов является устойчивым [Мухаммадиев, 1997, с. 164]. Хотя фразеологические единицы выражают целостный смысл и кажутся эквивалентными одному слову, но по своей внешней структуре они напоминают разные синтаксические формы. Именно поэтому фразеологические единицы с точки зрения строя делятся на составы, словосочетания и фразеологические предложения [Маджидов, 1982, с. 29].

Понятие фразеологических словосочетаний исходит из содержания и сущности слов его состава: «словосочетание» и «фразеологический». В герменевтике, как и в других разделах языкознания, вид этих единиц подчиняется правилам и закономерностям словосочетания. Другими словами, фразеологические словосочетания, независимо от отшлифованности структуры и значения, организуются на основе норм словосочетания. Что касается слова «фразеологическое», то следует сказать, что оно, как и в других случаях (фразеологические составы, фразеологические предложения), во фразеологических словосочетаниях сохраняет свои характеристики.

В науке герменевтике среди трёх типов единиц – составов, словосочетаний и фразеологических предложений более заметную роль играют фразеологические словосочетания. В том смысле, что, с одной стороны, их в языке много, с другой стороны, они служат составным компонентом в другой категории выражений, особенно некоторые

предложения, целиком состоящие из текста устойчивых фразеологических словосочетаний [Саидходжаева, 2015, с. 182].

Как указывалось, фразеологические словосочетания совершенно различаются от свободных синтаксических фразеологических словосочетаний, в них исчезла устойчивость лексического состава, выражение целостного смысла и употребление в качестве важной стилистической единицы или же наблюдается сильное ослабление грамматической (синтаксической) связи [Мухаммадиев, 1997, с. 165].

По мнению учёных Ш. Бобомуродова и З. Мухторова: «Фразеологические словосочетания по своей структуре похожи на свободные синтаксические словосочетания. Они также образуются из двух и более полнозначных слов, так как в свободных словосочетаниях в таких устойчивых словосочетаниях один из составных компонентов подчинил себе другое слово. Но все эти признаки составляют внешнюю сторону фразеологического словосочетания, возникшего на фоне и в форме свободных синтаксических фразеологических словосочетаний. Подчинительная связь между компонентами в большинстве случаев не играет для фразеологического словосочетания какой-либо роли. Важная сторона фразеологических словосочетаний проявляется в устойчивости их лексического состава и их целостного выражения. Фразеологические словосочетания в форме фразеологических единиц языка выражают целое понятие» [Бобомуродов, 2016, с. 132].

Хотя фразеологические единицы состоят из связи двух и более слов, однако отшлифованность связей между составами отличает их от свободных синтаксических составов. Фразеологические единицы (фразеологизмы) сильно отличаются от свободных синтаксических словосочетаний. Хотя они состоят из двух и более слов, смысловое соотношение связи между их компонентами в большинстве случаев разрушается, и они предстают как готовые речевые единицы целостным (целым) образом. В полном смысле слова, фразеологизм, – писал А.И. Молотков, – не указывает на соединение слов. Оно только генетически,

то есть с точки зрения своего происхождения, является словосочетанием или предложением. Слова в составе фразеологизма теряют свои признаки: лексическое значение, формы изменения, грамматическую категорию и синтаксическую функцию [Максудов, 1974, с. 7].

При этом, в отличие от свободных синтаксических словосочетаний, образуемых в результате соединения двух и более слов и, вопреки словам, они выражают большее количество понятий, то есть сложное понятие, и фразеологические словосочетания указывают лишь на одно понятие. Также слова, входящие в состав словосочетания, приобретают между собой разные семантико-синтаксические отношения, тогда как между словами, входящими в состав фразеологического словосочетания, эта особенность теряется. Таким образом, фразеологические словосочетания отличаются от свободных словосочетаний характером отшлифованности, чеканности и нераздельности. Компоненты фразеологических единиц, как свободные словосочетания, не сочетаются с разными словами, они остаются ограниченными одной или двумя определенными формами. Фразеологические словосочетания по выражению смысла близки к отдельному слову и не делятся на части. Хотя по структуре они похожи на свободные словосочетания, однако компоненты свободных словосочетаний могут выполнять разные функции. Сфера использования фразеологических словосочетаний является ограниченной. Синтаксические и фразеологические словосочетания связаны друг с другом, причем фразеологические словосочетания постепенно совершенствуются за счет синтаксических словосочетаний [ГЗАХТ 1986. Т. 2, с. 4].

По поводу отличия фразеологического словосочетания от синтаксического словосочетания таджикский фразеолог А. Мирзоев имеет следующее мнение, цитирование которого здесь представляется уместным. По мнению этого ученого, 1) синтаксическое словосочетание отличается от фразеологического словосочетания, прежде всего, по смыслу. Фразеологическое словосочетание, как и сложное слово,

семантически является целостным и выражает единое понятие. Однако синтаксическое выражение указывает не на понятие, а на грамматическую связь. Смысл, выражаемый фразеологическим словосочетанием, не зависит от лексического значения его компонентов. Однако синтаксическая связь, показываемая свободным словосочетанием, зависит от лексического значения средства грамматической связи между компонентами. Другое – то, что фразеологическое словосочетание имеет метафорическое значение, а свободное словосочетание выражает синтаксическую связь; 2) синтаксическое словосочетание отличается от фразеологического словосочетания по структуре; 3) синтаксическое словосочетание, как единица речи, в зависимости от запроса мысли и темы речи формируется по определенной форме в речевом процессе. А вот фразеологическое словосочетание как лексическая единица используется как готовый материал словарного запаса языка в устной и письменной речи. С этой точки зрения, фразеологическое словосочетание ближе, чем синтаксическое словосочетание, к слову (особенно сложному и составному слову); 4) свободное словосочетание отличается от устойчивого словосочетания по синтаксической функции. Каждая часть синтаксического словосочетания в предложении может быть его отдельной частью. Однако фразеологическое словосочетание, не имеющее свободной грамматической связи между своими компонентами, является устойчивым по структуре, по смыслу выражает единое понятие, в качестве лексической единицы всем своим составом служит как часть предложения; 5) поскольку свободное словосочетание не имеет аллегорического значения, оно не служит средством художественного изображения в письме и речи для образного выражения мысли, для придания речи художественной выразительности. Но фразеологическое словосочетание проявляет в речи противоположную специфику. Поскольку оно имеет метафорическое значение, оно является одним из главных и видных инструментов художественного изображения и

придает речи художественную окраску; б) синтаксическое словосочетание и фразеологическое словосочетание отличаются друг от друга по месту изучения [Мирзоев, 2002, с. 159-161].

В рамках заявленных признаков, отличающих фразеологическую единицу от свободного синтаксического словосочетания, можно проанализировать словосочетание **дарди сар** (головная боль) как добавочное, а также как свободное синтаксическое словосочетание, с одной стороны, а с другой стороны, как фразеологическую единицу. Автор «Bahār-e ‘Ajam» в толкования фразеологического словосочетания **дарди сар** (головная боль) говорит: **дарди сар** (головная боль): является переводом «*ṣudā’*», а также намеком на страдания и труд и употребляется со словами **овардан, бурдан, бурун бурдан, додан, кардан, гирифтан, кашидан** (приносить, относить, выносить, давать, делать, взять, потянуть) [Б. А., т. 2, с. 924]. Как видно, словосочетание «**дарди сар** (головная боль)» автор сначала интерпретировал как свободное синтаксическое словосочетание и считал его эквивалентом арабского «*ṣudā’*». Фактически указанный смысл словосочетания **дарди сар** (головная боль) сегодня также широко используется в устной и письменной таджикской речи. В «*Farhang-e tafsīrī-e zabān-e tājikī*» также имеется упоминание о таком значении словосочетания: «**дарди сар** – чувство боли в голове вследствие какого-либо заболевания или воздействия, «*ṣudā’*» [ФТЗТ, т. 1, с. 412]. Словосочетание **дарди сар** (головная боль) как свободное синтаксическое словосочетание не выражает какого-либо метафорического значения, не связано с художественной выразительностью, а его компоненты: **дард** (боль) – определяемое и **сар** (голова) – определяющее, каждый из которых имеет самостоятельное значение и подчинён посредством изафетной связки – **и**, то есть связь между ними является грамматической связью. Кроме того, по шаблону этого словосочетания и с использованием его первого и второго компонентов можно сконструировать несколько других свободных синтаксических словосочетаний, таких как **дарди хамл** (боль

при беременности) [Б. А., т. 2, с. 922], **дарди дил** (душевная боль) [Б. А., т. 2, с. 923], **дарди чаши**, **дарди гӯш**, **дарди шикам**, **мӯйи сар** (боль в глазах, боль в ушах, боль в желудке, волосы головы) [Б. А., т. 3, с. 1960], **гирди сар** (кружение головы, головокружение) [Б. А., т. 3, с. 1844] и т.д. Синонимом свободного синтаксического словосочетания **дарди сар** (головная боль) в таджикском языке может быть и сложное слово **сардари** (головная боль) [ФТЗТ, т. 2, с. 211].

Как указывает автор, словосочетание «**головная боль**» вновь выступает как фразеологическое словосочетание, а его синонимами могут быть *боль*, *труд* и *затруднение*. Как приводится в «Farhang-e tafsīrī-e zabān-e tājikī»: **дарди сар (головная боль)** – намек на беспокойство, неприятность; вещь или событие, вызывающее тревогу и суету [ФТЗТ, т. 1, с. 412]. В данном случае, компоненты словосочетания – **дард** (боль) и **сар** (голова), хотя и подчинены друг другу в силу закономерности образования синтаксического словосочетания изафетным образом, но они полностью утратили свое лексическое значение, а в связи с приобретением метафорического значения, с опорой на лексическое значение каждого из его компонентов определить смысл словосочетания является невозможным. При этом невозможно заменить часть этого фразеологического словосочетания его лексическим синонимом или создать по его шаблону новые словосочетания, как в свободном синтаксическом словосочетании.

Примечательно, что поэтические свидетельства, приведенные автором «Bahār-e ‘Ajām», являются одновременно отражением свободного синтаксического словосочетания **дарди сар** (головная боль) и подтверждением того, что оно является фразеологическим словосочетанием. Как, например, в этом поэтическом свидетельстве:

Сандал ба хома мол зи хуноби дил, Калим,

К-аз ҳарфи иштиёқи манаи дарди сар гирифт.

Сандал вотри в перо кровью сердца, Калим,

Ибо от слова моего желания у нее разболелась голова (Абуталиб Калим) [Б. А., т. 2, с. 924].

Возможно, в этом стихе словосочетание **дарди сар** (головная боль) можно назвать фразеологическим словосочетанием, но, с нашей точки зрения, это словосочетание в большинстве случаев, когда оно идет с глаголами *шудан* (становиться) и *гирифтан* (брать), выступает как свободное синтаксическое словосочетание, а его эквивалентом в этом случае может стать **сардард шудан / гирифтан** (заболеть головной болью). Но в нижеследующем стихе:

Ба чурми ин ки шабҳо дарди сар медод ҷононро,

Ба зиндон кардаам дар тангнои сина афгонро.

Из-за того, что по ночам вызывал головную боль любимой,

Я заточил в темницу тесноты груди крик (Хаджа Шуайб) [Б. А., т. 2, с.924].

То есть я спрятал крик в груди, чтобы он не причинял вред любимой по ночам. Как видим, в этом стихе словосочетание **дарди сар** (головная боль) вытупает в своем полном фразеологическом смысле, а его лексическим синонимом могут быть слова *ранҷ* (страдание) и *озор* (мучение).

В следующем стихе, принадлежащем Мирзе Саибу, словосочетание **дарди сар** (головная боль) использовано как в своем фразеологическом смысле, так и в виде синтаксического словосочетания:

Гар наёвардам ба ҳазрат дарди сар, маъзур дор,

Ман, ки дарди пой дорам, дарди сар чун оварам.

Если я не причинил его светлости головную боль, извините.

Я, у которого болит нога, как могу привести головную боль [Б. А., т. 2, с. 924].

С нашей точки зрения, в первой строфе этого стиха словосочетание **дарди сар** (головная боль) выступает как фразеологическое словосочетание, тогда как, по распространенному мнению, во второй строфе оно употреблено как свободное синтаксическое словосочетание,

поскольку оно появляется вместе с синтаксическим словосочетанием **дарди пой** (боль в ноге) и должно быть структурно совместимо с ним, т. е. является свободным синтаксическим словосочетанием.

Здесь можно напомнить такой момент, что словосочетание **дарди сар** (головная боль) само по себе, т.е. непосредственно, когда оно находится в форме изафетного словосочетания, указывает на фразеологическое значение, тогда как выражение **дарди дил** (душевная боль) может приобрести фразеологическое значение только тогда, когда оно является частью отглагольного словосочетания. Вот почему автор «Bahār-e ‘Ajām», цитируя выражение **дарди дил** (душевная боль), приводит следующее объяснение: **дарди дил** (душевная боль): со словами *задан* (бить) и *кардан* (делать) – намек на упрямство и высказывание душевной боли; согласно исследованиям лингвистов, **дарди дил** *кардан* (высказываться о душевной боли) означает *дил холй кардан* (опустошить сердце), и результат от этого тот же:

Нестй бемор худ, эй нола, боло по гузор,

Дарди дил бе чо чаро пеши Масеҳо мекунй.

Ты не болен, о стон, выше ставь ногу,

Душевную боль, не к месту, почему ты выставляешь перед Исой
(мухлиси Каши)

Бад-ин сон дарди дил бисёр мекард,

Ба Юсуф шиқи худ изҳор мекард.

Таким образом, душевную боль он изливал много,

Юсуфу он выражал свою любовь [Б. А., т. 2, с. 923].

А). Изафетные фразеологические единицы

Хотя в таджикском языке существует множество типов отыменных фразеологических единиц по структуре, однако наиболее часто употребляемыми из них являются изафетные фразеологические единицы. Иными словами, изафетные фразеологические словосочетания в таджикском языке, по сравнению с другими отыменными

фразеологическими единицами, имеют более широкое применение [Хушенова, 1971]. Широкое употребление таких фразеологических словосочетаний происходит от того, что большинство из них выражают термин или название какого-либо предмета [Исаев, 1964, с. 86].

Отыменные словосочетания: оби рух (вода щеки) [Б. А., т. 1, с. 19], **абрӯи шом** (вечернее чело) [Б. А., т. 1, с. 101], **абрӯи фалак** (чело небосвода) [Б. А., т. 1, с. 101], **эхсони бихишт** (райская благодать) [Б. А., т. 1, с. 107].

Отыменные словосочетания с прилагательными: Оби оташранг (огнецветная вода) [Б. А., т. 1, с. 1], **пили зӯр** (сильный слон) [Б. А., т. 1, с. 466], **тухми ҳаром** (запретное яйцо) [Б. А., т. 1, с. 498].

Отыменные словосочетания с числительными: бодоми думағз (миндаль с двумя ядрышками) [Б. А., т. 1, с. 218], **солиси салоса** (трижды три) [Б.А.,т. 1, с. 585], **саллосаи ғассола** (трехкратное омовение покойника) [Б.А.,т. 1, с. 585], **чуббахи ҳазормех** (рваная джубба (*род верхней одежды с широкими рукавами*)) [Б.А., т. 1, с. 607].

Отыменные словосочетания с местоимениями: пули он тарафи об (мост той стороны воды) [Б. А., т. 1, с. 429], **Исои ҳар дард** (Иса всякой боли) [Б. А., т. 3, с. 1543], **фикри ину он** (мысли об этом и о том) [Б. А., т. 3, с. 1590].

Отыменные словосочетания с причастием: ахтари сӯхта (сгоревшая звезда) [Б. А., т. 1, с.109], **хоки мурда** (мертвая почва) [Б. А., т. 2, с. 764].

Отыменные словосочетания с инфинитивом: дасти навозиш (ласкающая рука) [Б. А., т. 2, с. 974].

В отыменных изафетных таджикских фразеологических единицах, как подчеркивает Ю.А. Рубинчик, «центральную роль играет первый компонент словосочетания. Но иногда в таких фразеологических словосочетаниях ключевую роль играет второй компонент» [Рубинчик 1981, с. 62]. Так, в словосочетаниях **бод ба даст**, **бод дар каф**, **бод дар мушт**, **бод ба мушт** (ветер в руке, ветер в ладони, ветер в кулаке, ветер в кулаке) [Б. А., т. 1, с. 218], **байза дар об** (яйцо в воде) [Б. А., т.1, с.365], **по**

дар гил (нога в глине) [Б. А., т. 1, с. 377], **подархаво** (неустойчивый) [Б. А., т. 1, с. 377] и т.д.

Б). Изафетные арабские фразеологические единицы

Без всякого сомнения, арабские слова составляют основную часть словарного запаса таджикского языка. Так, Х. Маджидов в связи со статистикой арабских заимствований в разные периоды становления таджикского языка отмечает: «В «Шахнаме» Фирдавси можно увидеть лишь 0,2% арабских слов, в последующие столетия – это число будет увеличиваться. По сведениям Маликушшуаро Бахара, в конце XI века оно достигало 10-15%, а в XII веке – 22%. Заимствованные арабские слова в XIII-XVI веках увеличились на 70-80%. Это количество в таджикском языке в начале XX века составляло 60-70%. После непрерывных реформ и контроля над такими словами, введенного в годы Советской власти, их количество несколько уменьшилось. Однако и сегодня в разных стилях нашей речи около 40-50% употребляемых слов составляют арабские слова» [Маджидов, 2007, с. 101]. Такое влияние арабского языка можно наблюдать не только в персидско-таджикском языке, но и в большинстве языков, носители которых обратились в ислам после исламских завоеваний. Так, академик В.В. Виноградов, указывая на столь значительное влияние арабского языка, подчеркивал: «Арабский язык издревле имел миссию нести культуру между иранским, тюркским и афганским народами. Именно поэтому существует большое количество подлинных арабских слов арабского языка, общее для тюркского, персидского, афганского, уйгурского, таджикского, узбекского, казахского языков и в меньшей степени для языка урду, хинди и языков африканских племен» [Виноградов, 1961, с. 8].

Однако, наряду со всеми этими обширными заимствованиями слов из арабского языка, при рассмотрении изафетных фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ājam» мы столкнулись с большим количеством отыменных фразеологических единиц, основанных не на учебных

закономерностях таджикского языка, а на учебных нормах арабского языка. Другими словами, отыменные арабские словосочетания, приведенные в толковом словаре «Ваһār-е ‘Аҷам», наряду с заимствованными словами этого языка, обогащали словарный состав таджикского языка и широко использовались в прозе и поэзии писателей-классиков. В частности, составы **умм-ул-ҷайш**⁴ (мать войска) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-ул-хабоис** (мать мерзостей) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-уд-димоғ** (мать носа) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-уз-зарохил** (мать золочения) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-ут-тибён** (мать проявления) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-ут-тариқ** (мать дороги) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-ут-таём** (мать пищи) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-ул-фазоил** (мать ученых) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-ул-китоб** (мать книг) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-ун-нуҷум** (мать звезд) [Б. А., т. 1, с. 182], **умм-ус-сабха** (мать молитвы) [Б. А., т. 1, с. 182], **ибн-ус-сабил** (дитя пути) [Б. А., т. 1, с. 102], **ибн-ул-вақт** (дитя времени) [Б. А., т. 1, с. 102], **аб-ул-вақт** (отец времени) [Б. А., т. 1, с. 102], **аб-ул-аббос** (отец угрюмости) [Б. А., т. 1, с. 103], **аб-ул-ҳая** (отец стыда) [Б. А., т. 1, с. 103], **аб-ул-митроқ** (отец молотка) [Б. А., т. 1, с. 103], **айём-ул-ачуз** (зимние холода) [Б. А., т. 1, с. 207], **ботил-ус-сехр** (ложная магия) [Б. А., т. 1, с. 239], **бинт-ул-инаб** (дочь виноградной лозы) [Б. А., т. 1, с. 329], **байт-ул-амвол / байт-ул-мол** (казна / казначейство) [Б. А., т. 1, с. 355], **байт-ул-харом / байт-уд-дуо** (мусульманский храм в Мекке / молельня) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-ул-хузн** (дом печали) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-ул-хало** (дом пустоты) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-уд-даво** (дом исцеления) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-уш-шараф** (дом чести) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-ус-санам** (капище, храм идолопоклонников) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-ут-атик** (дом

⁴ С арабского языка в таджикский язык заимствованы не только слова, но и много отыменных словосочетаний, большинство из которых составлены из существительного+существительного (отыменного определяемого и определения) по арабской структуре и широко использовались в классической литературе. Следует отметить, что большинство этих словосочетаний в арабском языке употребляются не в подлинном, а в метафорическом / иносказательном смысле как фразеологические единицы, и именно в таких во их смыслах они перешли в таджикский язык. Хотя в таджикском языке эти выражения выступают как сложные слова, их идентифицируемая и определяющая разбивка уже не прослеживается. Однако, учитывая, что такие слова при лексическом толковании и переводе на таджикский язык объясняются эквивалентом, состоящим из двух слов, мы считаем логичным приводить их здесь. Например, *умм-ул-хабоис* (мать всех мерзостей) сначала приравнивался к матери зол, затем подчеркивается его использование в значении вина.

античности) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-ул-арӯс** (дом невесты) [Б. А., т.1, с.356], **байт-ул-ғазал** (дом газели) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-ул-Лох** (дом Бога, Кааба) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-ул-маъмур** (дом администратора, администрация) [Б. А., т. 1, с. 356], **байт-ун-нитоф** (плохой дом, где собираются цыгане и занимаются плохими делами) [Б. А., т. 1, с. 357], **хабл-ул-матин** (1. крепкая верёвка; 2. крепкие узы) [Б. А., т. 2, с. 814], **хабл-ул-варид** (*анат.* сонная артерия; ярёмная вена) [Б. А., т. 2, с. 814], **дор-ул-амон** (1. безопасное убежище, надёжное место; 2. пер. кладбище) [Б. А., т. 2, с. 884], **дор-ул-баввор** (*ад*) [Б. А., т. 2, с. 884], **дор-ул-хадас** (дом события) [Б. А., т. 2, с. 884], **дор-ус-салом** / / **дор-ус-салома** (рай) [Б. А., т. 2, с. 884], **дор-уш-шифо** (*лечебница, больница*) [Б. А., т. 2, с. 884], **дор-ул-зарб** (дом битвы) [Б. А., т. 2, с. 884], **дор-уз-зайф** (дом гостя) [Б. А., т. 2, с. 884], **дор-ул-ъиёр** / / **дор-ул-қарор** / / **дор-ул-қимор** / / **дор-ул-камол** (дом пробирных весов / / дом пребывания / / дом азартных игр / / дом зрелости) [Б. А., т. 2, с. 884], **дор-ул-мараз** (дом болезни) [Б. А., т. 2, с. 884], **зулфикор** (обладатель двойного меча) [Б. А., т. 2, с. 1051], **зулқарнайн** (1. с двумя рогами, двурогий; 2. прозвище Александра Македонского) [Б. А., т. 2, с. 1051], **зулминан** (обладатель признательности) [Б. А., т. 2, с. 1051], **раъсулмол** (капитал) [Б. А., т. 2, с. 1054], **сироч-ул-масокин** (светильник жилищ) [Б. А., т. 2, с. 1245], **сахмуссаодат** / / **сахмулғайб** (доля счастья / / доля неизвестности) [Б. А., т. 2, с. 1335], **хаккулкадам** (плата за лечение) [Б. А., т. 2, с. 735], **хакқунназар** (право на рассмотрение) [Б. А., т. 2, с. 735], **хуфайя-л-хунайн** (сапоги Хунайна) [Б. А., т. 2, с. 824], **хайтушшуъоъ** (нить луча) [Б. А., т. 2, с. 879], **тибб-ун-нисо** (женская медицина) [Б. А., т. 3, с. 1473], **азоб-ул-фанҷ** (израненное сердце) [Б. А., т. 3, с. 1507], **асос-ул-байт** (основа бейта; фундамент дома) [Б. А., т. 3, с. 1868], **айн-ул-хир** (кошачьи глаза) [Б. А., т. 3, с. 1544], **қасб-ус-сабк** (иметь приоритет) [Б. А., т. 3, с. 1621] приведены в «Ваһār-е ‘Ајат», большинство из них употребляются как в классическом таджикско-персидском языке, так и в современном таджикском литературном языке. В частности в современной письменной и устной таджикской речи используются

составы **дор-ус-салом** (рай), **дор-ул-қарор** (дом пребывания), **зулфикор** (обладатель двойного меча), **зулқарнайн** (обладающий двумя рогами, двурогий), **зулминан** (обладатель признательности), **раъсулмол** (капитал).

Хотя непереуведенное заимствование фразеологических единиц с одного языка в другой не является новым явлением, но не всегда непереуведенная фразеологическая единица может выйти за рамки текста книги и стать предметом всеобщего употребления. Как подчеркивает Х. Маджидов: «Количество фразеологических единиц, перешедших из других языков без перевода, не очень велико. Фразеологизмы других языков в непереуведенном виде изначально используются отдельными писателями для реалистичного изображения явления и персонализации событий и характеров.

Редко случается, чтобы фразеологические единицы без перевода заимствовывались и входили в нормы литературного языка. Большая часть фразеологии, перешедшей из арабского языка, обладает этой привилегией» [Маджидов, 1982, с. 75-76]. Рассмотрение изафетных фразеологических словосочетаний в таджикском языке показывает, что они различаются как по употреблению, так и по толкованию. Таким образом, в арабском языке большинство этих составов представляют собой термины той или иной области и употребляются преимущественно в буквальном значении их деталей, тогда как в таджикском языке их употребление обретает в основном метафорический оттенок.

При этом некоторые из вышеперечисленных выражений в арабском языке также в отдельности называются фразеологической единицей, в то время как некоторые другие могут называться как фразеологическая единица только с их употреблением с глаголом. В качестве примера можно упомянуть интерпретацию *умм-ул-хабоис* (мать мерзостей), эквивалентом которого в таджикском языке является *модари бадихо* (мать зол), которое фигурирует в хадисе Пророка (с), и как на арабском, так и на таджикском языке оно выражает *вино*. Как говорит Ходжа Шираз:

Он талхваш, ки суфй умм-ул-хабоисаш хонд,

Аиҳо лано ва ахло мин қублат-ил-узоро.

То горькое пошло, которое суфий назвал матерью мерзостей,

Аиҳо лано ва ахло мин қублат-ил-узоро.

Однако выражение **хуфайя-л-хунайн** (сапоги Хунайна) [Б. А., т. 2, с. 824], дословным эквивалентом которого в таджикском языке может стать сапог (махси) Хунайна, в арабском языке всегда сопровождается глаголом **рачаъа / ъода**, что означает возвращаться, и именно выражение **рачаъа бихуфайя-л-хунайн** (возвращаться в сапогах Хунайна) может стать фразеологической единицей. Хотя автор «Bahār-e ‘Ajam» упомянул словосочетание **хуфайя-л-хунайн** (сапоги Хунайна), но в его объяснении и толковании довольствовался приведением способов состояний его внутреннего склонения, таких как: «с заммой первой буквы и фатхой с нижними точками». [Б. А., т. 2, с. 824] и смысловой трактовкой того, что значение «хуфай» является *тасния* (двойственным число) *хуфа* – сапог и *Хунайн*-имя сапожника» [Б. А., т. 2, с. 824]. А его поэтическое свидетельство:

Нафақаву кисват ба сар афтод, нагирифта ҷиҳоз,

Қад рачаъа мин ҷониб-ил-балдати бихуфайя-л-Хунайн.

Средства на содержание и нищета обрушились на голову, не взяв утварь,

Вернулся он со стороны страны в сапогах Хунайна (Нематхан Оли) [Б. А., т. 2, с. 824], с одной стороны, показывает способ использования этой фразеологической единицы в арабском языке, а с другой стороны, указывает на его символическое значение. Следует сказать, что фразеологическая единица **рачаъа бихуфайя-л-хунайн** (возвращаться в сапогах Хунайна) выражает возвращение человека с пустыми руками и не преуспевшего в чем-либо. Эта фразеологическая единица взята из рассказа, согласно которому был в Хире сапожник по имени Хунайн, и однажды пришел бедуин и при покупке обуви становится его головной болью, и не купив ее, он выходит из лавки. Чтобы отомстить ему,

Хунайн на обратном пути оставляет один сапог в одном месте, а другой – в отдалении от него. Когда бедуин проходит мимо, он видит первый сапог, и он ему очень понравится. Но, поскольку сапог один, он оставляет его и продолжает свой путь. Когда он находит второй сапог, он оставляет всю свою одежду и вещи, берет этот второй сапог и идет к оставленному сапогу. В этот момент Хунайн грабит всю его провизию и имущество. Бедуин возвращается домой с пустыми руками. Когда его спрашивают, с чем он вернулся из путешествия, он говорит: «с двумя сапогами Хунайна» и, по мнению Абулфазла Майдани, такое выражение используется тогда, когда наступают неудачи и отчаяние [Майдани, т. 1, с. 296].

Другим арабским выражением, упомянутым в «Bahār-e ‘Ajam», является **айём-ул-ачуз** (зимние холода) что, по толкованию автора толкового словаря, означает «последние три дня месяца февраля и первые четыре дня месяца марта» [Б. А., т. 1, с. 207]. В «Фархангномаи шомили арабӣ – тоҷикӣ» («Арабско-таджикском интегрированном толковом словаре») приведен синоним данного словосочетания **бард-ул-ачуз** (зимние холода) и его таджикский эквивалент «хунукии пирзан» (холодность старухи) (возвращение холодов весной) [Сулаймани, 2010, с. 141] и в «Farhang-e tafsīrī-e zabān-e tājikī» («Толковом словаре таджикского языка») упоминается, что *айёми ачуз* является названием последних девяти дней из самых холодных дней зимы [ФТЗТ 2008, т. 1, с. 103]. Уместно сказать, что разговорным или диалектическим эквивалентом **айём-ул-ачуз / айёми ачуз** (зимние холода) является выражение **шаши кампир дар ғор** (шесть старух в пещере), указывающее на холод, наступающий после сильных зимних заморозков и накануне весеннего тепла.

Как отмечают таджикские арабисты, «наряду с широким проникновением арабских заимствований в таджикский язык и их морфологическим влиянием на таджикский язык, можно обнаружить некоторые влияния арабского языка на таджикский язык, обладающие

грамматическими или же синтаксическими оттенками. Именно поэтому в структуре некоторых таджикских словосочетаний-составов отчетливо видна роль арабской фразеологии. В качестве примера можно привести определения **аксулҳаракат** (1. реакция, реагирование; 2. противодействие) **тахтуллафзӣ** (дословный, буквальный), «**байналмилалӣ**» (международный), созданные по персидско-таджикской инициативе, но с использованием арабских слов и с учетом законов арабской фразеологии» [Исманов, 2015, с. 108]. В «Bahār-e ‘Ajām» представлены отыменные фразеологические единицы, такие как **ҳасбулфармуда / / ҳасбулфармоиш** (согласно велению / / согласно заказу) [Б. А., т. 2, с. 729], в толкования которых автор толкового словаря довольствовался лишь приведением свидетельства: **ҳасбулфармуда / / ҳасбулфармоиш** (согласно велению / / согласно заказу): Мухаммад Тахир Насирабади в «Тазкире» («Летописи»), во введении, писал о состоянии умирающего шаха Аббаса, что: «в дату, когда покойный мулла Джалал Мунаджим писал **ҳасбулфармуда / /** (согласно велению)» [Б. А., т. 2, с. 729], и не делал какие-либо указания на их структуру и символическое значение. Стоит отметить, что определения **ҳасбулфармуда / / ҳасбулфармоиш** (согласно велению / / согласно заказу) состоят из двух существительных, первое – *ҳасб* в арабском языке означает «соответствие», в второе – «заказ» или «веление» – принадлежит таджикскому языку. В этих двух композициях не только соблюдены особенности образования изафетного арабского словосочетания: отсутствие танвина и артикля, артикльность второй части (в зависимости от позиции), но и даже алиф и лам определения, называемое определенным арабским артиклем, ставится в начале подлинных таджикских слов: *фармоиш* и *фармуда*.

Из анализа отыменных арабских фразеологических единиц можно прийти к такому выводу, что в «Bahār-e ‘Ajām» все отыменные арабские фразеологические единицы, встречающиеся в изафетной / отыменной форме, представлены также таким способом – в рамках словосочетания.

Однако арабские фразеологические единицы, используемые в арабском языке в виде прилагательного словосочетания / определения и определяемого, в «Bahār-e ‘Ajām» модифицированы и представлены как изафетные таджикские словосочетания. В качестве примера можно вспомнить фразеологическую единицу **урваи вусқо** (крепчайшая связь), в пояснении которой автор «Bahār-e ‘Ajām» говорит: «**урваи вусқо** (крепчайшая связь): в сущности, этими словами называется ручка кувшина и тому подобное, что является крепким, и не вырывается быстро со своего места, но по мере потребления им называется каждый, кто может доверять и стремится держаться за ним» [Б. А., т. 2, с. 729]. На самом деле, выражение **урваи вусқо** (крепчайшая связь) с лексической точки зрения или доказательства его компонентов означает твердую опору, но с точки зрения его широкого употребления, которое в своей основе является метафоричным, оно означает устойчивую связь, покровительство, опору и основу [Сулеймани, 2010, с. 800], место доверия, защиту, поддержку [ФТЗТ 2008, т. 1, с. 371]. Данное выражение, берущее начало из Священного Корана, на самом деле используется в арабском языке в форме «**ал-урват-ул-вусқо**» (крепчайшая связь), – с артикульностью обеих частей фразеологического словосочетания. Поскольку данное выражение структурно представляет собой прилагательное словосочетание / определение и определяемое, в котором **урва** (связь) приводятся как определяемое прилагательным, а **вусқо** (крепчайшая) – определение прилагательным, и согласно закономерностям образования прилагательных арабских словосочетаний прилагательное – **вусқо** (крепчайшая) согласуется в определенности, роде, числе и падеже с определяемым **урва** (связь). Однако в «Bahār-e ‘Ajām» данное выражение каким-то образом адаптировано к закономерностям таджикского языка и подчинено посредством изафетной связки – **и** («**урваи вусқо**»)

3.2. Отглагольные фразеологические единицы

Глагол является одной из самых основных, употребительных и сложных частей речи, вносящих ценный вклад в развитие и прогресс родного языка. Он представляет собой обобщающую единицу человеческой мысли, выражающую его действия, считается многозначным элементом языка и имеет множество лексико-грамматических значений [Шокиров, 2001, с. 130; Камолиддинов, 1992, с. 26]. В более широкой формулировке глагол – это наиболее многозначимый и объемный столп предложения, влияющий на другие компоненты речи и принимающий на себя влияние каждого из этих компонентов. Ядром и наиболее существенным элементом предложения является глагол и в результате соединения с другими частями слова он обретает значительные структурные и семантические изменения [Рабиџи, 1388 г.х., с. 48].

Исследование фразеологических единиц в различных научных источниках подтверждает тот факт, что отглагольные фразеологические единицы не только в таджикском языке, но и в большинстве языков составляют большую часть по сравнению с другими фразеологическими единицами, в частности, с отыменными фразеологическими единицами. Собственно, поэтому А.А. Потенбня рассматривает глагол как дух сообщения, а В.В. Виноградов – как краеугольный камень предложения [Голева, 2006, с. 63]. Например, осетинский фразеолог М.И. Исаев подчеркивает, что большая часть зафиксированного во фразеологии материала имеет глагольный характер, что, прежде всего, указывает на то, что в осетинском языке очень развита структура глагольного набора [Исаев, 1964, с. 91-92].

В таджикском языке также большинство фразеологических единиц составляют отглагольные фразеологические единицы. Как подчеркнул Х. Маджидов: «Отглагольные фразеологические единицы считаются одной из наиболее продуктивных групп структурных типов фразеологического резерва таджикского языка. Как показывают предварительные

наблюдения, более половины всех фразеологических единиц таджикского языка состоят из отглагольных фразеологических словосочетаний» [Маджидов, 1968, с. 20].

Фразеологи Г.С. Голева и А.А. Веретенников также подчеркивали, отглагольные фразеологические единицы занимают в фонде фразеологии персидского языка центральное место [Голева, 2006, с. 63; Веретенников, 1993, с. 3].

Вероятно, самая большая часть фонда фразеологии языка, образование отглагольных фразеологических единиц, прежде всего, восходит к природе глагола, в том смысле, что глагол, как было сказано во введении к этой главе, выражает состояние и действие, а человеческая деятельность выражается главным образом посредством упоминания о действии, и это охватывает широкий спектр семантики.

Рассмотрение фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam» показало, что большинство фразеологических единиц в этом толковом словаре составляют отглагольные фразеологические единицы. Поскольку приведенные в толковом словаре фразеологические единицы со структурной точки зрения являются различными, исходя из классификации фразеологов, мы разделили их на компоненты: двухкомпонентные и многокомпонентные, тогда как раздел многокомпонентных классифицирован на трехкомпонентные, четырехкомпонентные и т.д.

А). Двухкомпонентные отглагольные фразеологические единицы

По сути, двухкомпонентные отглагольные фразеологические единицы структурно представляют собой глаголы того же типа, о которых в грамматике упоминается как об отыменных составных глаголах. Как известно, в таджикском языке недостаточно простых и сконструированных глаголов для выражения различных действий и ситуаций, поэтому широко используются отыменные составные глаголы. По словам Т. Зехни: «В начале становления и развития языка дари (X-

XIII вв.) глаголообразование с помощью префиксов имело тонкие и точные смысловые оттенки, развитие и прогресс. В период после XIII века оно постепенно уступило свое место построению составных глаголов, то есть один из искомых глаголов соединялся с существительным или прилагательным, и стали образовываться сложные глаголы» [Зехни, 1987, с. 197]. В.С. Расторгуева и А.А. Керимова также подчеркивают необходимость составных глаголов в таджикском языке и объясняют ее причину, прежде всего, малым количеством простых глаголов в этом языке: «В таджикском языке простые глаголы, в том числе и первоначальные глагольные формы, очень малы и если подсчитать, то оно может не превышать трехсот. Как можно видеть, только посредством глаголов, образованных префиксами и суффиксами, выражать различные действия и движения является невозможным. Именно такое положение привело к созданию глаголов, которые в грамматике называются сложными или составными глаголами» [Расторгуева, 1964, с. 20]. Таким образом, именные составные глаголы состоят из двух компонентов: именной компонент и глагольный компонент, именной компонент – это главный и содержательный компонент именного составного глагола, он устанавливает и определяет значение глагола. В глаголообразовании наиболее продуктивными являются существительные и прилагательные [ГЗАХТ 1986, т. 1, с. 232].

В действительности, именные составные глаголы отличаются от других видов словообразования своими структурными особенностями и особым способом отношений между своими частями в таджикском языке, и имеют весьма интересные явления. В конструировании именных составных глаголов мы видим явления, которые не происходят при конструировании сложных слов [Ниязи, 1954, с. 20].

Другим вопросом, который обсуждается учеными в таджикском языкознании, это наличие морфологической и синтаксической связи у именных и глагольных компонентов именных составных глаголов. В связи с этим, в «Грамматикаи адабии забони ҳозираи тоҷик»

(«Литературная грамматика современного таджикского языка») указано: «Каждый именной составной глагол считается лексической единицей, частью речи и членом предложения. С этой точки зрения, между компонентами именного составного глагола существует не синтаксическая связь, а смысловое соотношение и морфологическое соответствие» [ГЗАХТ 1986, т. 1, с. 232]. Согласно утверждению этой фундаментальной книги по таджикской грамматике, связь между компонентами именного составного глагола должна быть морфологической связью, в противном случае, при наличии синтаксической связи, два компонента таких составных слов рассматриваются по отдельности. Сравнивая структуру двухкомпонентных отглагольных фразеологических единиц с именными составными глаголами, выяснилось, что по строению между ними нет никакой разницы, за исключением того момента, что в функции именного компонента именных составных глаголов приходят слова, выступающие в таджикском языке под понятием инфинитива или являющиеся заимствованными арабскими словами, которые в основном представляют собой инфинитивы, активные и пассивные причастия, например, составные глаголы **пажухиш кардан**, **идома додан**, **тасдик намудан** (исследовать, продолжить, подтвердить) и т.д., в то время как отыменные компоненты отглагольных двухкомпонентных фразеологических единиц в большинстве случаев составляют конкретные существительные, обозначающие человеческие органы. Например, составы **чашм дӯхтан**, **сар задан**, **бурут тофтан**, **абру чахидан**, **гулӯ шикастан**, **шикам хоридан** (устремлять взор, разбить голову, покручивать ус, шевельнуть бровью, перебить горло, почесывать живот) и т.д. со структурной точки зрения являются отыменными составными глаголами, поскольку первый их компонент – именная часть, а их второй компонент составляет вспомогательный глагол, а связь между ними также является морфологической связью, они указывают на одно и то же лексическое значение, но с точки зрения выражения и изложения они

называются отглагольными фразеологическими единицами. Указывая на такую особенность строения именного составного глагола, языковед Д. Саймиддинов говорит: «Именные составные глаголы по структуре образуются по следующему аналитическому шаблону: именной компонент + глагольный компонент (N+V). В этой форме для именного компонента составов первоначально использовалась группа существительных, особенно значимые существительные, которые использовались для образования простых именных глаголов, а затем получили развитие и другие существительные. Следует подчеркнуть, что конкретные существительные, по сравнению со значимыми существительными, не являются активными при конструировании таких составов» [Саймиддинов, 2001, с. 162]. Фактически, отсутствие широкого употребления конкретных существительных, по сравнению со значащими существительными в этих составных именных глаголах само указывает на то, что спектр употребления конкретных существительных находится в этом глагольном типе, прежде всего, в пределах фразеологического смысла, поэтому в сравнении со спектром лексического смысла он проявляется меньше. Однако эти утверждения не означают, что именной компонент составных именных глаголов, имея значимые существительные или инфинитив, не принимает на себя фразеологический смысл, поскольку фразеологический смысл именных составных глаголов зависит, прежде всего, от буквального и метафорического выражения его компонентов. Другими словами, именно метафорическое значение глагольного словосочетания становится основным отличием между составным именным глаголом и отглагольной фразеологической единицей. В связи с этим, Н.М. Шанский говорит, что, регулярное и повторное употребление соединения слов не в их подлинном, а в метафорическом и образном смысле создает устойчивые фразеологические словосочетания [Шанский, 1996, с. 86]. По мнению этого ученого: «Устойчивые выражения являются стилистически более мощными и ясными, чем

отдельные слова или свободные синтаксические словосочетания, имеющие то же значение, поэтому они делают речь эффективной» [Шанский, 1996, с. 134]. Например, составные глаголы **чаши дӯхтан**, **нигоҳ кардан**, **назар кардан** (устремить взор,, взглянуть, посмотреть) на первый взгляд выражают одно и то же значение: *нигаристан* (смотреть), но обратив внимание на место употребления каждого из них и их стилистическое значение, можно увидеть, что **нигоҳ кардан** (взглянуть) и **назар кардан** (посмотреть) – полные синонимы друг друга, единственная разница между этими двумя фразеологическими словосочетаниями состоит в том, что первый именной компонент (**нигоҳ кардан** – взглянуть) – чисто таджикское слово, а второй именной компонент (**назар кардан** – посмотреть) – заимствованное арабское слово. Однако именной составной глагол **чаши дӯхтан** (устремить взор) уже имеет особый стиль употребления и метафорическое значение, которое совершенно отличается от обычного *нигоҳ кардан* (взглянуть). Именно в этой связи в толковых словарях при пояснении этой фразеологической единицы приводят: 1) смотреть на кого-либо, что-либо с вниманием, засмотреться, заждаться; 2) взглянуть на кого-либо или что-либо с недобрым намерением, злым глазом, посмотреть на кого-либо, что-либо корыстно, домогаться [Фозилов, 1964, т. 2, с. 375; ФТЗТ 2008, т. 2, с. 544].

При рассмотрении фразеологических единиц двухкомпонентных глаголов выяснилось, что такие составы, по сравнению с трехкомпонентными фразеологическими единицами, составляют меньшее количество. В качестве примера можно привести следующие фразеологические единицы, приведенные в «Ваҳа̄р-е ‘Аҷам»: **оташи хӯрдан** (сгореть) [Б. А., т. 1, с. 37], **орзу кашидан** (мечтать) [Б. А., т. 1, с. 48], **остин надоштан** (не иметь рукавов) [Б. А., т. 1, с. 48; т. 1, с. 56], **оши пӯхтан** (готовить еду) [Б. А., т. 1, с. 60], **офтобӣ шудан** (загорать) [Б. А., т. 1, с. 71], **оина овехтан** (вешать зеркало) [Б. А. т. 1, с. 90], **ибдолӣ кардан** (заменять, менять, сменять, переменять) [Б. А., т. 1, с. 94], **абру ҷунбондан** (двинуть бровью) [Б. А., т. 1, с. 99], **абру ҷаҳидан** (дрогнуть бровью) [Б.

А., т. 1, с. 99], **аҳсант задан / гуфтан** (хвалить / одобрять) [Б. А., т. 1, с. 108], **бол афкандан** (раскинуть крылья) [Б. А., т. 1, с. 241], **бенамакӣ кардан** (быть несоленым) [Б. А., т. 1, с. 371], **бинӣ задан** (сморгаться) [Б. А., т. 1, с. 371], **барфоб додан** (поливать снеговой водой) [Б. А., т. 1, с. 281], **бозор кардан** (устраивать базар) [Б. А., т. 1, с. 234], **болин шикастан** (сломать крылья) [Б. А., т. 1, с. 245], **бахя кардан** (заработать деньги) [Б.А. т. 1, с. 252], **бурут бартофтан** (покручивать усы) [Б. А., т.1, с..291].

Здесь можно рассмотреть некоторые комментарии и пояснения автора «Bahār-e ‘Ajām» по поводу некоторых отглагольных фразеологических единиц.

Автор «Bahār-e ‘Ajām» объяснил отглагольную фразеологическую единицу **пой барчидан** (подбирать ноги) в значении *гурехтан* (убегать), а также для подтверждения приводит стих:

Ба афшондани даст печанд гӯи,

Бар барчидани пой дузданд ҳуи.

Потрясанием рук они заглушают уши,

Подбиранием ног они крадут сознание (Нуриддин Зухури) [Б. А., т. 1, с. 688].

Конечно, мы искали эту интерпретацию в различных таджикских и персидских толковых словарях, таких как «Farhang-e tafsīrī-e zabān-e tājīkī» («Толковый словарь таджикского языка») и «Farhang-e Mu‘īn» («Толковый словарь Муина»), но в них не было никакого упоминания о ее использовании, и ни слова не говорилось о ее значении. Однако, поскольку глагол **барчидан** (подобрать) относится к **гирд намудан**, **ҷамъ кардан** (собирать вместе), то значение **пой барчидан** (подбирать ноги) должно быть не *гурехтан* (убегать), а **ҳаракатнамоии по** (передвигать ноги), что, как указано в стихе, может привлечь внимание. Однако значение *убегания* заключается в другом фразеологическом толковании, которое выражается в форме **по бар бод супоридан** (выставление ног по ветру).

Автор «Ваҳар-е ‘Аҷам» в определении отглагольной фразеологической единицы **даст задан** (касаться рукой) говорит: поднимать обе руки в сторону, а также намек на счастье и радость:

Ғамро чи захра бошад, то номи мо барад,

Дасте бизан, ки аз гаму гамхор фориғем.

Какая храбрость у печали, чтобы уносить наше имя,

Коснись рукой, ибо мы свободны от печали и заботливого друга [Б. А., т. 2, с. 966].

На самом деле, в этом стихе *даст задан* (касаться рукой) означает счастье и радость, так как другой вариант – **даст кӯфтани по кӯфтан / задан** (хлопать в ладоши / / топтать ногами) означает, что это происходит от счастья. Но в то же время отглагольная фразеологическая единица *даст задан* (касаться рукой) также означает: 1) вмешаться в какое-либо дело, 2) приступать к чему-либо, 3) заняться чем-либо [Фозилов, 1963, т. 1, с. 309]. Кроме того, в разговорном таджикском языке она употребляется в значении *заниматься каким-либо делом несерьезным образом*. Например, если человек занимается каким-либо делом или вопросом, но не доводит его до конца, говорят: *даст заду рафт* (коснулся рукой и ушел).

Выражение **сина додан** (выставлять грудь) в «Ваҳар-е ‘Аҷам» приводится как *зӯру қувват намудан* (проявлять силу и мощь):

Гӯшагирон тан ба захмат бемуҳобо кай диҳанд,

Чун шиновар синаро бар мав чи дарё кай диҳанд.

Доколе затворники отдают тело тягости без преувеличения,

Как пловец кладет свою грудь на волну реки (Мирзо Рази Дониш) [Б. А., т. 2, с. 1353].

В таджикском языке **сина додан** (выставлять грудь) буквально означает «шир макондан аз пистон ба тифл» (кормить ребенка грудью) [ФТЗТ 2008, т. 2, с. 245], что несет в себе лишь лексическую, а не фразеологическую нагрузку. Однако смысл, данный автором в объяснении **сина додан** (выставлять грудь), в таджикском языке

соответствует выражению **тан додан** (выставлять тело), так как данный глагольный состав означает 1) соглашаться, принять, 2) сдаться, подчиняться; кланяться и 3) убеждаться [Фозилов, 1964, т. 2, с. 159]. В «Ваһār-е ‘Ајам» словосочетание **тан додан** (выставлять тело) приводится не в форме двухкомпонентного глагольного состава, а в многокомпонентной форме **тан додан ба чизе / чизеро ва дар чизе** (давать тело чему-либо / чего-либо и во что-либо), которую автор трактует как «намек на согласие и принятие», что полностью соответствует его сегодняшнему употреблению:

*Тан ба куштан додаму аз рашк метарсам, ки боз,
Изтироби дил кунад шармандаи қотил маро. Боқури Кошӣ.*

Я выставил тело убиению и боюсь ревности, что опять

Встревожит мое сердце бесстыдный убийца (Бакир Каши) [Б. А., т. 1, с. 545-546].

Кроме этого глагольного состава, в «Ваһār-е ‘Ајам» приведены также глагольные составы **сина задан** (касаться грудью) [Б. А., т. 2, с. 1353] и **сина кардан** (выставлять грудь) [Б. А., т. 2, с. 1353]. также приводится свидетельство:

*Метавонам бетааммул **сина зад** бар теги кӯҳ,*

Лек натвонам ба осонӣ зи ҳамворӣ гузаит.

*Я могу **выставить грудь на** краю горы,*

Но не смогу легко перейти равнину (Мирзо Саиб) [Б. А., т. 2, с. 1353].

Второй глагольный состав автор интерпретирует как «намек на горделивость и высокомерие» и подтверждает это:

*Чун зи паҳлуи замат кас нахӯрад чуз **чигаре**,*

*Ту **макун сина**, ки чун ман набувад дилдоре.*

Никто рядом с горем о тебе не ест ничего, кроме печени.

*Ты не **выставляй грудь**, ибо, как я, нет более возлюбленного (Рафиуддин Линбани) [Б. А., т. 2, с. 1353].*

Однако анализ и исследование этих глагольных фразеологических единиц в письменном и разговорном таджикском языке показали, что

широко используется другой вариант фразеологической единицы **сина задан** (касаться грудью) – **даст ба сина задан** аст (бить рукой в грудь), выражающий надменность и горделивость в каком-либо деле. Однако сегодня в таджикском языке глагольный состав **сина кардан** (делать грудь) используется только в разговорном таджикском языке, в основном он употребляется в отношении коров и овец (крупного рогатого скота в целом), выражая беременность скота.

Отглагольные фразеологические единицы **шикам хоридан**, **сар бохтан** ва **сар задан** (почесывать живот, потерять голову, биться головой) в толковом словаре «*Vahār-e ‘Ajām*» объясняются и истолковываются таким образом, что они не отличаются от их нынешнего значения. Например, выражение **шикам хоридан** (почесывать живот) – это «намек на оправдание и раздумыванье о прощении, извинении», и в его подтверждение он приводит следующий стих:

К-он яке зоҳиди фусурдадилест,

К-аз ҳама корҳо шикам хорад.

Ибо он такой отшельник с разбитым сердцем,

Что во всех делах почесывает живот (Анварӣ) [Б. А., т. 2, с. 1412].

Поиск значений этого выражения как в «*Farhang-e ibārahā-e rekhta*» («Толковый фразеологический словарь») (чизеро бахона кардан – оправдываться, узр овардан – приносить извинения) [Фазилов 1964, т. 2, с. 440], так и в «*Farhang-e tafsīrī-e zabān-e tājikī*»: (а) **бахона кардан** – оправдываться, **узр овардан** – приносить извинения; б) **кор накарда гаштан** – ходить, инчего не делая, **бехуда вақт гузаронидан** – бесполезная трата времени [ФТЗТ 2008, т. 2, с. 638] показал, что они почти не отличаются от значений, данных автором «*Vahār-e ‘Ajām*».

Или составной глагол **сар бохтан** (терять голову), который автор интерпретировал как «намек на принесение головы в жертву»:

Сар чи бошад, кас набозад дар раҳи доғи ҷунун,

Ин кадуи пучро дар кори ин занбур кун.

Чем является голова, никто не играет ей на пути пятна сумашествия,

Эту пустую тыкву предоставь делу этой пчелы (Мирзо Саиб) [Б. А., т. 2., с. 1251],

которое в сегодняшнем таджикском языке также имеет то же значение *чон додан барои мақсаде* (отдать жизнь ради какой-либо цели) [ФТЗТ 2008, т. 2, с. 2008].

Сар задан (биться головой) – одна из тех отглагольных фразеологических единиц, на различные значения которых указал автор «*Vahār-e ‘Ajām*». В частности автор описывает ее как намек на сильное старание силой головы, например, ходьба, состоящая из преодоления пути с помощью шага:

Бар ин раҳ, ки сар бар даре мезанам,

Ба умеди то ҷе саре мезанам.

На этом пути, на котором я бьюсь головой о каждую дверь

В надежде на корону, я бьюсь головой (Ходжа Низами) [Б. А., т. 2, с. 1272];

а также как намек на совершение какого-либо дела, как: **сар бурун овардан, баланд кардан, рустан ва рӯйидани чизе ва зухур кардан** (выведение головы, поднятие головы, всходить и восхождение чего-либо и проявление чего-либо):

Чи бахтҳо, ки сар аз хоб боз бардорад,

Ба вақти задани офтоб шамшераи.

Какие судьбы, которые голову поднимают ото сна,

Когда солнце ударяет ее своим мечом (Саид Ашраф) [Б. А., т. 2, с. 1273].

Собственно, в таджикском языке она используется также в значениях: а) отрубить голову от тела, убить; б) случиться, происходить, появиться; в) всходить, расти (*зелень из почвы*); г) появляться, восходить [ФТЗТ 2008, т. 2, с. 2008] и восхождения ростка, появление, выход [Фозилов 1964, т. 2, с. 42]. Однако, помимо этого, в разговорном таджикском языке выражение **сар задан** (биться головой) указывает на временное появление кого-либо или чего-либо, например, говорится:

фалонӣ дар ин ҷо як сар заду гум шуд (такой-то здесь бился головой и исчез).

В функции именных компонентов отглагольных фразеологических единиц, проанализированных здесь, в основном представлены существительные, тогда как прилагательные также могут употребляться в функции именного компонента в отыменных глагольных составах. Анализ отглагольных двухкомпонентных фразеологических единиц в «*Bahār-e ‘Ajām*» показал, что прилагательное очень редко употреблялось в качестве отыменного компонента части таких составов, да и то только с прилагательными **сурх**, **сапед**, **сиёҳ** (красный, белый, черный): **сурх шудан** (краснеть) [Б. А., т. 2, с. 1265], **сапед омадан** (стать белым) [Б. А., т. 2, с. 1226], **сапед шудан** (становиться белым) [Б. А., т. 2, с. 1227], **сапед кардан** (отбеливать) [Б. А., т. 2, с. 1228], **сиёҳӣ рехтан = сиёҳӣ афкандан** (лить черноту = кидать черноту) [Б. А., т. 2, с. 1340], **сиёҳӣ кардан** (чернить) [Б. А., т. 2, с. 1341], **сиёҳӣ намудан=сиёҳӣ задан** (чернеть = набивать черный цвет) [Б. А., т. 2, с. 1342].

Некоторые объяснения и толкования, которые автор сделал в связи с этими глагольными фразеологическими единицами, обозначают смыслы, которые сегодня в таджикском языке понимаются, а другие отличаются от их современного употребления совершенным образом. В качестве примера можно вспомнить глаголы **сиёҳӣ кардан** (чернить), **сиёҳӣ намудан** (чернеть), **сиёҳӣ задан** (набивать черный цвет), которые в таджикском языке используются. Отыменный глагол **сиёҳӣ задан** (набивать черный цвет), как в разговорном, так и в письменном языке, приходит в виде *банохост торикӣ пахи кардан пеши чашмро* (неожиданное потемнение глаз) [ФТЗТ, т. 2, с. 241], которое чаще всего употребляется в трёхкомпонентной форме: **сиёҳӣ задани чашм** (потемнение глаз). Глаголы **сиёҳӣ кардан** (чернить), **сиёҳӣ намудан** (чернеть), трактуемые автором как «*киноя аз намоён шудан*» (намек на появление) [Б.А., т. 2, с.1341-1342], сегодня в таджикском языке употребляются в том же смысле.

Значение **сурх шудан** (покраснеть) в «Bahār-e ‘Ajām» поясняется так же, как оно употребляется сегодня в таджикском языке: **сурх шудан** (покраснеть): краснеть от гнева и намек на смущение [Б. А., т. 2, с. 1265]. Однако комментарии и толкования, сделанные автором «Bahār-e ‘Ajām» относительно глаголов **сапед омадан** (стать белым) (Б. А., т. 2, с. 1226), **сапед шудан** (становится белым) (Б. А., т. 2, с. 1227) и **сапед кардан** (отбеливать), отличаются от употребления, которое они имеют сегодня в таджикском языке, совершенным образом. Например, составной глагол **сапед омадан** (стать белым) автор трактует как намек на появление, обретение красного лица и уважения (Б. А., т. 2, с. 1226), тогда как в таджикском языке такое толкование не распространено. Также автор объяснил глагольное словосочетание **сапед шудан** (становится белым) как «намек на проявление и появление» (Б. А., т. 2, с. 1227), тогда как в таджикском языке **сафед шудан** (становиться белым) означает «а) приобрести белый цвет; стать ясным; б) *аллегор.* считаться невиновным» и чаще встречается в форме именного трехкомпонентного глагольного состава **сафед шудани рӯз** (наступление утренней зари), **сафед шудани чашм** (ослепление после долгого ожидания возвращения кого-либо) [ФТЗТ, т. 2, с. 222]. Автор не дал пояснения глагольному составу **сапед кардан** (отбеливать) и приведено лишь поэтическое свидетельство для выражения его смысла:

Кадам қофила з-ин дашт кӯси рихлат зад,

Saped az kaf chammosa kard rohi maro.

Что за караван в этой степи ударил по барабану пути,

Отбелил ладонью мой предстоящий путь (Мулла Касим Машхади)

[Б. А., т. 2, с. 1228].

В то время как в таджикском языке глагольный состав **сафед кардан** (отбеливать) приходит в следующих значениях: а) нанести на стену известь или штукатурку; б) нанести свинцовую жидкость по медным сосудам; в) *аллегор.* считать невиновным, объявлять кого-либо невиновным» и именно его аллегорическое значение «считать

невиновным и объявлять невиновным» несет в себе фразеологическую нагрузку.

Анализ отглагольных фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajam» показал, что именных двухкомпонентных составных глаголов, несущих фразеологическое значение, статистически меньше по сравнению с именными трехкомпонентными составными глаголами.

Б). Многокомпонентные отглагольные фразеологические единицы

а) отглагольные трехкомпонентные фразеологические единицы. Со структурной точки зрения, отглагольные трехкомпонентные фразеологические единицы также относятся к группе составных именных глаголов, и единственное их отличие от отглагольных двухкомпонентных фразеологических единиц состоит в том, что к отыменному компоненту такого состава добавляется **еще одно другое слово**. Известно, что с добавлением к составу глагольной фразеологической единицы еще одной части речи ее смысловое значение также усиливается и расширяется. Потому что в лингвистике хорошо известно такое положение, что «увеличение структуры означает увеличение значения». Например, семантический анализ двухкомпонентных фразеологических единиц **роҳ андохтан** (направить на путь) и **роҳ бурдан** (вести в путь) показывает, что первая указывает на реализацию какого-либо дела, а вторая – на достижение цели, но путем добавления предлога «аз» (от) в начале этих составов смысл уже полностью меняется. Например, отглагольные трехкомпонентные фразеологические единицы **аз роҳ андохтан** (сбивать с пути) и **аз роҳ бурдан** (вывести с пути) указывают на новое значение: сбивать с пути, вывести с правильного пути.

Или же отглагольная фразеологическая единица **назар андохтан** (направить взор) означает посмотреть, осмотреть (что-то, место), видеть (кого-либо, что-то) [ФТЗТ 2008, т.1, с.929], а отглагольная фразеологическая единица **аз назар андохтан** (вывести из поля зрения),

ставшая с добавлением предлога **аз** (от) трехкомпонентной, указывает на незначительность и бесполезность.

Оташ нишондан (тушение огня) является выражением, буквально указывающим на тушение огня, и метафорически означает подавление заговора, но выражение **бар оташ нишондан** (посадить на огонь) означает поставить кого-либо в неудобное положение или сделать кого-либо беспомощным [Б. А., т. 1, с. 258].

В зависимости от типа именных компонентов трехкомпонентных отглагольных фразеологических единиц их можно классифицировать следующим образом: а) сочетания существительного с предлогом становятся главным компонентом именного составного глагола, например, **аз бунёд бурдан** (срывание с основы) [Б. А., т. 1, с. 119], **аз бахо афтодан** (падение в цене) [Б. А., т. 1, с. 119], **аз по афтодан / аз по даромадан** (упасть / сбиться с ног) [Б. А., т. 1, с. 120], **аз панча кашидан** (делать знак рукой) [Б. А., т. 1, с. 121];

б) сочетания существительных и существительных выполняют функцию основного компонента таких фразеологических единиц: **паси гӯш афкандан** (бросать за уши) [Б. А., т. 1, с. 421], **паси кор рафтан** (идти за делами) [Б. А., т. 1, с. 421], **пушти по хоридан** (чесать тыльную сторону ноги) [Б. А., т. 1, с. 423], **пушти даст баркандан / хоидан** (срывать / кусать тыльную часть руки) [Б. А., т. 1, с. 425], **сари харф бардоштан** (заговорить) [Б. А., т. 2, с. 1262];

в) именной компонент трехкомпонентных фразеологических единиц составляют сочетания существительного и прилагательного: **барги сабз фиристодан** (посылать зеленый листок) [Б. А., т. 1, с. 287], **остини тар доштан** (иметь мокрый рукав) [Б. А., т. 1, с. 56], **охани афсурда кӯфтан** (ковка застывшего железа) [Б. А., т. 1, с. 84], **охани сард кӯфтан** (ковка холодного железа) [Б. А., т. 1, с. 85];

г) существительное и наречие образуют именной компонент таких сочетания: **остин боло задан / остин боло кардан** (сворачивать рукав вверх

/ поднять рукав) [Б. А., т. 1, с. 54], **по цуфт кардан** (сдвинуть ноги) [Б. А., т. 1, с. 375], **по пас овардан** (подвести ноги назад) [Б. А., т. 1, с. 375];

д) отглагольные трехкомпонентные фразеологические единицы, именным компонентом сочетания которых являются имя существительное и местоимения: **ахволи касе гирифтан** (принять чье-либо состояние) [Б. А., т. 1, с. 108], **афюнии чизе шудан** (пристраститься к чему-либо) [Б. А., т. 1, с. 171], **бурути касе баркандан** (срывать чьи-либо усы) [Б. А., т. 1, с. 291];

е) различные составы и сочетания, составляющие именной компонент таких глаголов: **имрӯз фардо кардан** (сегодня сделать завтра) [Б. А., т. 1, с. 183], **бару бозу кушодан** (раскрывать объятия) [Б. А., т. 1, с. 291].

Анализ трехкомпонентных фразеологических единиц показывает, что некоторые из них сконструированы либо путем добавления предлога, либо путем добавления дополнительного или прилагательного определения или определяемого из тех же двухкомпонентных фразеологических единиц: **сар омадан – ба сар омадан** (прийти на голову – прийти в голову) [Б. А., т. 1, с. 304], **сар бурдан – ба сар бурдан** (нести голову – проживать) [Б. А., т. 1, с. 304].

Четырехкомпонентные отглагольные фразеологические единицы. Большую часть отглагольных многокомпонентных отглагольных фразеологических единиц составляют четырехкомпонентные отглагольные фразеологические единицы. Хотя эти типы единиц бывают разных форм, однако статистический анализ показал, что большинство их структур имеют следующие формы:

а) существительное+предлог+существительное+вспомогательный глагол: **орзу ба хок бурдан** (нести мечту в землю) [Б. А., т. 1, с. 475], **орзу дар цигар шикастан** (разбить мечту в печени) [Б. А., т. 1, с. 47];

б) предлог + существительное (наречие) + существительное (прилагательное, наречие, местоимение) + глагол: **аз парда берун афтодан** (выпадать из занавеса) [Б. А., т. 1, с. 120].

Анализ четырехкомпонентных отглагольных фразеологических единиц показывает, что большинство из них образованы из трехкомпонентных отглагольных фразеологических единиц глагола с добавлением именного или прилагательного определения. Например, в толковом словаре две отглагольные фразеологические единицы **бар хок задан** (ударять о землю) и **бар пойи хок задан** (ударять о ноги земли) [Б. А., т. 1, с. 261] приведены вместе и обеим придается одинаковое значение, тогда как первая является трехкомпонентной, а вторая – четырехкомпонентной, так как во второй после предлога **бар** (над) следует слово **пой** (нога) как именное определение. Или же анализ четырехкомпонентных отглагольных фразеологических единиц **бар сари бозор гузоштан** (ставить во главе рынка) [Б. А., т. 1, с. 275], **бар сари по истодан** (стоять на кончиках ног) [Б. А., т. 1, с. 275], **ба сари по омадан** (встать на ноги) [Б. А., т. 1, с. 304], **ба сари даст омадан** (прийти на руки) [Б. А., т. 1, с. 305] показывает, что наряду с ними трехкомпонентные отглагольные фразеологические единицы **бар бозор гузоштан** (выставить на рынок), **бар по истодан** (стоять на ногах), **ба по омадан** (встать на ноги) и **ба даст омадан** (прийти на руки) в таджикском языке имеют широкое употребление, и только в четырехкомпонентной единице слово **сар** (голова) после предлога следует в качестве именного определения, а в целом они являются равнозначными.

Или же, как и фразеологическая единица **ба зери хок бурдан / кардан / супурдан** (нести / делать / предать земле) [Б. А., т. 1, с. 299], являющаяся структурно четырехкомпонентной, в языке используется также отглагольная фразеологическая единица **ба хок бурдан / кардан / супурдан** (нести, / делать / предать земле), которая считается трехкомпонентной и не уступает первой в выражении значения.

Пятикомпонентные отглагольные фразеологические единицы в толковом словаре «Bahār-e ‘Ājam» содержит группу отглагольных фразеологических единиц, которые со структурной точки зрения можно назвать пятикомпонентными глагольными фразеологическими

единицами. Структурный анализ таких фразеологических единиц показывает, что они состоят из четырехкомпонентных фразеологических единиц с добавлением предлога или существительного и прилагательного. Например, в толковом словаре объединены фразеологические единицы **болои чашм абру гуфтан** (говорить над глазами и бровями) и **бар зери чашм абру гуфтан** (говорить под глазами и бровями) [Б.А., т.1, с.245], первая из которых является четырехкомпонентной, а вторая – пятикомпонентной, и видно, что во второй, наряду с наречием **болои** (над) не приводится только наречие **зери** (под), а перед наречием **зери** (под) приведен предлог **бар** (над), и именно этот предлог изменил ее с четырехкомпонентной на пятикомпонентную. Или же в таджикском языке употребляются четырехкомпонентные фразеологические единицы **офтоби сари девор шудан** (быть солнцем на голове стены), **офтоби лаби бом будан** (быть солнцем на краю крыши) и т.д., но с добавлением слов **сар** (голова) и **лаб** (край) в такие четырехкомпонентные фразеологические единицы они становятся пятикомпонентными фразеологическими единицами, такими как: **офтоб бар сари девор шудан / офтоб бар лаби бом будан / офтоб бар лаби бом расидан** (быть солнцем на голове стены / быть солнцем на краю крыши / достижение солнцем края крыши) [Б. А., т. 1, с. 68].

В толковом словаре «Bahār-e ‘Ajam» употребляются следующие пятикомпонентные отглагольные фразеологические единицы: **оташ ба зери пахлу густурдан** (разведение огня под боками) [Б. А., т. 1, с. 35], **остин бар шамъу чароғ задан** (надевание рукава на свечу и светильник) [Б. А., т. 1, с. 55], **офтоб бар сари девор шудан / офтоб бар лаби бом будан / офтоб бар лаби бом расидан** (быть солнцем на голове стены / быть солнцем на краю крыши / достижение солнцем края крыши) [Б. А., т. 1, с. 68], **аз паси сар сафир кашидан** (свестеть за головой) [Б. А., т. 1, с. 120], **аз пахлуи касе чизе дидан** (видеть сбоку кого-то что-то) [Б. А., т. 1, с. 122], **аз пахлуи касе коре кардан** (делать сбоку кого-то какое-то дело) [Б. А., т. 1,

с. 122], **аз дахони мор берун омадан** (выходить изо рта змеи) [Б. А., т. 1, с. 130].

Наряду с пятикомпонентными отглагольными фразеологическими единицами в «Bahār-e ‘Ajām» прослеживаются также и шестикомпонентные и семикомпонентные фразеологические единицы, которых статистически очень мало.

Шестикомпонентные отглагольные фразеологические единицы: по **бар сари харфи касе гузоштан** (поставить ногу на голову чьего-либо слова) [Б. А., т. 1, с. 374], **пой аз шодӣ ба замин нарасидан** (не касаться ногами земли от радости) [Б. А., т. 1, с. 387], **пой аз хатти ҳукм берун кардан** (ставить ногу за линию суждения) [Б. А., т. 1, с. 387], **панҷа ба хуни касе тар кардан** (макать руку в чью-то кровь) [Б. А., т. 1, с. 434].

Семикомпонентные отглагольные фразеологические единицы: **ба ҳар ду даст часпидан ба чизе** (ухватиться за что-либо обеими руками) [Б. А., т. 1, с. 349], **ба ҳар ду даст сари худ гирифтан** (взяться обеими руками за свою голову) [Б. А., т. 1, с. 349].

Арабские слова в отглагольных фразеологических единицах. Подобно участию арабских слов в составе отыменных фразеологических единиц, отчетливо просматривается и их участие в конструировании отглагольных фразеологических единиц. Однако так же, как и заимствованные арабские слова, в таджикском языке они претерпели семантические изменения, и их изменения можно наблюдать и в глагольных составах, особенно в отглагольных фразеологических словосочетаниях. Многие арабские слова и словосочетания, вошедшие в состав отглагольных фразеологических единиц таджикского языка, изменились по структуре и значению. Теперь первоначальное значение тех арабских слов и составов не рассматривается. Они как условные знаки употребляются для образования целостного смысла словосочетания [Маджидов, 1968, с. 119]. Например, в толковом словаре приведены фразеологические единицы **алиф бар хок кашидан** (рисование алифа на пыли) – **алиф бар замин кашидан** (рисование алифа на земле)

[Б.А., т. 1, с. 177], в которых слово «алиф» является арабским словом. Хотя слово **алиф** арабского происхождения и представляет собой первую букву упомянутого языка и используется в своем первоначальном значении (буква) в персидско-таджикском языке, однако в глагольном составе оно уже теряет свое первоначальное значение. Именно поэтому автор толкового словаря в объяснении этих двух отглагольных фразеологических единиц приводит: **алиф бар хок кашидан** (нарисовать алиф на пыли) и **алиф бар замин кашидан** (нарисовать алиф на земле): смутиться; а в мазхабе Имамитов принято закапывать труп в землю, семь раз прочитывая суру «Инна Анзална», и каждый раз проводить на могиле черту:

Бар хоки мо ба ҷойи алиф тег мекашад,

Хасми сияҳдиде, ки пайи мо гирифтааст.

На моей могиле вместо алифа рисует клинок

Темносердечный враг, преследовавший нас (Мирза Саиб) [Б.А., т. 1, с. 177-178].

Кроме того, в толковом словаре приведено слово **алиф** в составе отыменных фразеологических единиц **алиф бар тан кашидан** (нарисовать алиф на теле) [Б. А., т. 1, с. 177], **алиф бар сина буридан** (вырезать алиф на груди) и **алиф бар сина кашидан** (нарисовать алиф на груди) [Б. А., т. 1, с. 178]], в пояснении которых автор приводит: в провинции принято, чтобы влюбленные, отшельники и скорбящие чертили алиф на груди, а иногда подкову и клеймо.

Ту, ки бар сина алиф мекашӣ аз ҷилваи сарв,

Оҳ, аз он рӯз, ки он қомати дилҷӯбинӣ.

Ты, который на груди чертишь алиф от блеска кипариса,

О, с того дня, как ты увидел этот желанный стан (Мирза Саиб) [Б. А., т. 1, с. 178].

Как следует из анализа этих фразеологических единиц, **алиф** в них приводится в значении письма.

Анализ отглагольных фразеологических единиц в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» показал, что в данном произведении арабские инфинитивы, особенно арабские инфинитивы второго типа, заимствуясь в таджикском языке и употребляясь в составе отыменных фразеологических единиц, утратили свое первоначальное значение. Например, слово **тасбех** (чётки) в арабском языке, прежде всего, означает: 1) **تَسْبِيحٌ** инфинитив от **سَبَّحَ**; 2) произнесение «Субханаллах»; 3) приветствие, молитва 4) отрицание того, что недостойно Бога; 5) возвеличивание, хвала, высокая похвала; 6) чётки [Сулаймани, 2010, с.?], тогда как в таджикском языке оно утратило свое инфинитивное значение и означает лишь: **تَسْبِيح** – нанизывание бусин на нить, которые верующие переворачивают по одной во время зикра (упоминания имени Бога) и аврода (постоянного повторения молитвы) (ФТЗТ, т. 2, с. 319).

В отглагольных фразеологических единицах толкового словаря словосочетания **тасбех печидан // гардонидан // овехтан // гусастан // гусехтан** (скрутить // переворачивать // подвесить // отделить // разделить четки) [Б. А., т. 1, с. 514] являются выражением преобразования его инфинитивности в существительное.

В толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» приведена отглагольная фразеологическая единица **таклиф намудан** (а) вносить предложение, предлагать; б) приглашать) [Б. А., т. 1, с. 532], в пояснении которой автор говорит: **таклиф** (предложение): *не велеть работать по мере терпения, у персов она употребляется в абсолютном смысле заставить работать* или употребляется со словом **кардан** (делать):

Хушдор, ки муқтазои пирӣ,

Таклиф кунад ба гӯшагирӣ.

Берегись, потребность старости

Предложит тебе уединение (Дарвеш Волаи Хирави) [Б. А., т. 1, с. 532].

Сегодня в таджикском языке слово **таклиф** (предложение), особенно когда оно входит в состав отглагольной фразеологической единицы, уже

не является выражением тяжелого труда и веления работать по мере терпения, а употребляется в значении предложения и приглашения, особенно в гости или на мероприятие.

Или слово **талқин** (внушение), которое является инфинитивом второго типа и употребляется в составе отглагольных фразеологических единиц **талқин ёфтаг** // **гирифтаг** // **кардан** // **додан** (найти // получить // сделать // дать внушение) [Б. А., т. 1, с. 537], претерпело семантическое изменение и теперь в таджикском языке используется только в форме **талқин намудан** (внушать) и **талқин кардан** (внушать), и в основном представляет состояние, которое происходит во время предсмертной агонии, путем произнесения слова **шахада** (свидетельство).

Тамйиз (отличие), являющийся вторым типом арабского инфинитива, чаще всего употребляется в форме **тамйиз доштан** // **кардан** (отличаться // различаться) [Б. А., т. 1, с. 543]. Хотя подобные выражения в арабском языке и стихах классических персидско-таджикских поэтов означают **чудо кардан** (разделение) и **баргарй додани чизе бар чизи дигаре** (предпочтение одной вещи перед другой), но в современном таджикском языке, особенно при употреблении с глаголом **доштан** (**тамйиз доштан**) (иметь (отличаться)) выражает вежливость.

3.3. Фразеологические составы и соединения

В толковом словаре «Bahār-e ‘Ajam» приведены фразеологические единицы, конструкции которых таджикские фразеологи называли терминами сложных наречий и предложных фразеологических словосочетаний. В частности, Р. Саидов, приведя составы **сар ба сар**, **китф ба китф**, **сар то по** (голова к голове, плечом к плечу, с головы до ног) и т.д., отмечает, что в языкознании они исследованы на границе слова и фразеологической единицы. Ряд научных работ назван терминами: наречные идиомы, лексикализованные словосочетания, устойчивые выражения, лексические единицы, устойчивые соединения, словосочетания с наречным значением, делимые наречия, фразеологизмы с парными словами, фразеологические единицы, тавтологические фразеологизмы и т.д. Из столь разнообразных теорий выясняется, что указанная конструкция не получила своего научного решения [Саидов, 1990, с. 25]. Основоположник таджикской фразеологии Х. Маджидов называл эту группу слов фразеологическими единицами и утверждал, что, синтаксические составы таких составов являются застывшими и превратившимися во фразеологические и устойчивые выражения языка, которые, как и другие группы фразеологических единиц, выражают общее и целостное значение [Маджидов Х., 1982, с. 31-32].

Анализируя и рассматривая фразеологические составы в «Bahār-e ‘Ajam», выясняется, что проблемы и разногласия ученых в наименовании таких фразеологизмов, прежде всего, проистекают из разнообразия их структуры. Например, в составах **даст ба даст** (рука об руку) [Б. А., т. 2., с. 952], **даст ба дил** (рука к сердцу) [Б. А. т. 2., с. 953], **сар ба сар // сар то сар** (голова к голове // от головы к голове) [Б. А., т. 2., с. 1259], **рӯ ба рӯ** (лицом к лицу) [Б. А., т. 2., с. 1108] и т.д. видно, что они возникают от соединения двух самостоятельных слов, а предлоги служат в качестве соединителей. Хотя в большинстве примеров повторяется одно и то же слово, однако в составах **даст ба дил** (рука к сердцу) [Б. А, т. 2, с. 953], **сар ба роҳ** (голова к дороге) [Б. А., т. 2, с. 1256] приведены два

самостоятельных слов. Отсюда следует, что в такой структуре не обязательно, чтобы оба слова были одним и тем же словом. Также в таких составах может повторяться любая именная часть речи:

1) **существительное – предлог – существительное: даст ба даст** (рука об руку), **сар ба сар** (голова к голове):

Бо хазон даст ба даст аст баҳоре, ки турсот,

Ҳайфу сад ҳайф, ки чун ранги хаёле дар хоб.

С осенью рука об руку твоя весна.

Жаль и во сто раз жаль, что подобно воображению во сне
(Муртазакули Кахвачибаши) [Б. А., т. 2, с. 952];

Ба роҳ худ сари Таъсирро бияфкандӣ,

Нагашта хан чари нози ту сар ба роҳ ҳанӯз.

На своем пути ты бросил голову Таъсира,

Не вернувшись, кинжал твоего кокетства головой к дороге (Мухсини Тъасир) [Б. А., т. 2., с. 1256].

2) **числительное – предлог – числительное: ду ба ду** (вдвоем). В пояснении состава **ду ба ду** (вдвоем) автор привел: взаимодействие двух людей таким образом, чтобы в нем не присутствовал третий:

Гаҳи қимор ба он маҳ чу рӯ ба рӯ бошам,

Ҷуз ин мурод надорам, ки ду ба ду бошам.

Иногда в азарте, когда я сталкиваюсь с той луной лицом к лицу,

Кроме такого желания не имею, чтобы быть с ней вдвоем (Сайфи) [Б. А., т. 2, с. 1016];

3) **местоимение – предлог – местоимение: худ ба худ** (само по себе):

Дорад осеби назокат дили гампешаи мо,

Худ ба худ бишканад аз мавҷи ҳаво шишаи мо.

Имеет нежную рану наше грустное сердце,

Само по себе разобьется от ветреной волны наше стекло [Б. А., т. 2, с. 850];

4) **наречие – предлог – наречие: гоҳ ба гоҳ** (иногда) и **гоҳ бе гоҳ** (иногда):

*Хор-хори дили нозук шуда аз гӯшаи чаим,
Мижа бар ҳам задан гоҳ ба гоҳе, ки турсот.
Шипами нежного сердца стало краем глаза,
Мерцание ресницами, что иногда ты делаешь* (Муллошони Таклу) [Б. А., т. 3, с. 1756].

В «Bahār-e ‘Ajām» прослеживаются и другие фразеологические составы, состоящие в основном из предлога – наречия, предлога – существительного, предлога – существительного – наречия: **аз ногоҳ / аз ногаҳон** (внезапно / неожиданно, вдруг; случайно; нечаянно) [Б.А., т.1., с. 139], **ба ночор / ба ноком** (неудачно) [Б. А., т. 1, с. 326], **аз болои фалон** (над таким-то) [Б. А, т. 1, с. 117], **аз сари нав** (сначала) [Б. А, т. 1, с. 133], **аз қибали фалон** (со стороны такого-либо) [Б. А., т. 1, с. 135].

Автор в объяснении **аз ногоҳ / аз ногаҳон** (внезапно) и их вариантов **ногоҳ** и **ногаҳон** (внезапно и внезапно) приводит:

*Чи лутф буд, ки таширф додӣ аз ногоҳ,
Ки ёдат аз мани ранҷури нотавон овард.
Ки офтоби шарият ба толеи масъуд,
Ба авҷи бурҷи саодат зи ногаҳон омад.
Как мило с вашей стороны посетить так внезапно,
Что вспомнила обо мне, страдающем и беспомощном.
Что солнце шарията, волей счастливой судьбы,*

С вершин башни счастья пришло внезапно (Камаль Исмаил) [Б.А., т. 1., с. 139-140].

Наряду с указанными фразеологическими композициями в «Bahār-e ‘Ajām», приведены еще составы, которые Н.Маъсуми упоминал как однородные словосочетания и однородные составы. Как подчеркивает автор: «Эти составы являются результатом соединения двух полнозначных слов посредством союза у (и). Их характерная особенность, собственно, заключается в том, что по строению они соединяются друг с другом посредством союза у (и). Как только у (и) заменяется союзом ва (и), они теряют свой фразеологический характер и

теряют в некоторой степени свой устойчивый характер, превращаясь в обычные однородные части. С этой точки зрения, их правильнее назвать как составы однородных пар [Маъсуми, 2013, с. 186-187]. Языковед Х. Маджидов, опираясь на этот акцент Н. Маъсуми, упоминает этот тип составов термином «составы однородных пар» [Маджидов, 1982, с. 33], тогда как Р. Саидов называет такие фразеологические единицы термином фразеологические соединения [Саидов, 1990, с. 35].

Подобные фразеологические составы в «Bahār-e ‘Ājam» встречаются в разных формах:

– *существительное – существительное*: **баргу наво / асбобу сомон** (лист и медодия / инструмент и имущество) [Б. А., т. 1, с. 288], **обу арак** (вода и пот) [Б. А., т. 2, с. 908], **дару дарра** (дверь и плеть) [Б. А., т. 2, с. 938], **дасту по // саъю талош** (руки и ноги // усилие и старание) [Б. А., т. 2, с. 972], **дилу димоғ** (сердце и разум) [Б. А., т. 2, с. 994], **дилу дин** (сердце и религия) [Б.А., т. 2, с. 994], **даму бод** (духота и ветер) [Б. А., т. 2, с. 1002], **думу пуст // даму дуд** (хвост и кожа // духота и дым) [Б. А., т. 2, с. 1002], **дангу дувол** (бесчувственно и удивленно) [Б. А., т. 2, с. 1013], **дину дунёбоз** (религия и играющий этим миром) [Б. А., т. 2, с. 1045], **рогу ранг** (цвет и окраска) [Б. А., т. 2, с. 1058], **рангу об // обу тоб** (цвет и вода // вода и жар) [Б. А., т. 2, с. 1105], **рангу бў // карру фар** (цвет и запах // блеск и величие) [Б. А., т. 2, с. 1105], **рангу нам (цвет и влага)** [Б. А., т. 2, с. 1105], **рӯзу шаб** (день и ночь) [Б. А., т. 2, с. 1115], **зарку барк** (великолепие и пышность) [Б. А., т. 2, с. 1162], **зулфу хол** (локон и родинка) [Б. А., т. 2, с. 1171], **зангу занчир** (колокол и цепь) [Б. А., т. 2, с. 1184];

– *прилагательное – прилагательное*: **гафсу самин** (толстый и полный) [Б. А., т. 3, с. 1548], **андаку бисёр** (немного и много) [Б. А., т. 3, с. 1548], **неку бад** (добро и зло) [Б. А., т. 3, с. 1548], **қавию заиф** (сильный и слабый) [Б. А., т. 3, с. 1548], **тавонгару дарвеш** (богатый и нищий) [Б. А., т. 3, с. 1548], **лоғару фарбех** (худой и толстый) [Б. А., т. 3, с. 1548];

– *глагол-и-глагол*: **омаду рафт / омаду рав** (приход и уход / приходиться и уходить) [Б. А, т. 1, с. 74], **уфту андоз** (падение и кидание) [Б. А, т. 1, с.

165], **уфту хез** (падение и подъем) [Б.А, т. 1, с. 165], **рафту омад // омаду рафт** (уход и приход // приход и уход [Б. А., т. 2, с. 1089], **хуфту хез** (засыпание и вставание) [Б. А., т. 2, с. 823], **доду ситад // додану ситадан // доду диhiш // доду бистад // доду ситон** (давать и брать) [Б. А., т. 2, с. 883].

Исследуя формы этих составов, мы приходим к выводу, что их компоненты с лексико-семантической точки зрения отличаются совершенным образом. Например, в составах однородных пар, состоящих из существительного и существительного, можно наблюдать парноупотребляющиеся синонимы: **баргу наво** (лист и медодия), **асбобу сомон** (инструмент и имущество) / инструмент и имущество), **созу барг** (мелодия и листок), **саъю талош** (руки и ноги // усилие и старание); синонимичную пару, состоящую из двух слов, являющихся антонимами друг друга: **дину дунёбоз** (религия и этот мир), **рангу бӯ** (цвет и запах), **рӯзу шаб** (день и ночь), **дасту по** (рука и нога). Также в составах существительное и существительное наблюдается, что компоненты могут состоять из слов таджикского происхождения: **баргу наво** (листок и мелодия), **дасту по** (рука и нога), **рангу нам**, (цвет и влага), **думу пуст** (хвост и кожа), **дилу димоғ** (сердце и разум), **рӯзу шаб** (день и ночь), **даму бод** (духота и ветер); один компонент – оригинальное слово, а другой компонент – заимствованное арабское слово: **асбобу сомон** (инструмент и имущество), **дилу дин** (сердце и религия), **обу арақ** (вода и пот); оба компонента составлены из арабских заимствованных слов: **дину дунё** (религия и этот мир), **карру фар** (величие и пышность), **зарку барқ** (блеск и величие)

Однако в составе однородных пар формы прилагательное и прилагательное наблюдается использование только слов, являющихся антонимичными парами друг друга, например, **неку бад** (хороший и плохой), **қавию заиф** (сильный и слабый) и т.д. Также в результате исследования выяснилось, что в таких прилагательных составах либо оба компонента происходят от таджикских оригинальных слов, либо от заимствованных арабских слов, т.е. в данном толковом словаре

прилагательные составы, в которых один компонент происходит от оригинального таджикского слова, а другой компонент является заимствованным словом, не наблюдалось. Например, если **лоғару фарбех** (худой и толстый) – это совершенно оригинальные таджикские слова, то **қавию заиф** (сильный и слабый) являются заимствованными арабскими словами.

В составах однородных пар глагол-и-глагол используются только оригинальные таджикские слова, но в таких составах проблема заключается во временном разнообразии компонентов. Например, в составах **рафту омад / омаду рафт, доду ситад, басту кушод** (пошел и пришел / пришел и ушел, дал и взял, связал и открыл) оба компонента стоят в прошедшем времени, но в составах **доду ситон, хуфту хез, омаду рав** (дал и возьми, лег и вставай, пришел и иди) первый компонент стоит в прошедшем времени, а второй компонент является основой глагола в настоящем времени или в форме повелительного наклонения глагола, и в составах **уфту андоз, уфту хез** (падай и кидай, падай и вставай) оба компонента употребляются в основной форме настоящего времени или повелительной форме глагола, а в составе **додану ситадан** (давание и забирание) используется неопределенная или инфинитивная форма глагола. Также в составах глагол-и-глагол оказывается, что первый компонент стоит в прошедшем времени, а второй – в неопределенной форме глагола – инфинитиве: **доду дихиш, дихову дихиш** (дал и давание, дай и давание) и т.д.

В указанных составах однородных пар присутствуют составы, неизвестные в современном разговорном и письменном таджикском языке. Например, **сунайну бунайн** [Б. А., т. 2, с. 1325] в таджикском языке не употребляется, и автор в пояснении к нему приводит: **сунайну бунайн**: сочетание *синон* и *бинон*, где первое – острая сторона наконечника копья, а вторая – нижняя сторона наконечника копья, чтобы ставить на землю:

Ман онам, ки чун найза бозӣ кунам,

Бирӯяд сунайну бунайн аз аҷам.

Я тот, который как копье сыграю,

Вырастет сунайн и бунайн из неарабов (Бакир Каши) [Б. А., т. 2, с. 1325]

В «Bahār-e ‘Ajām» представлен состав **лаку пак**: (а) старые изношенные вещи; б) бессмыслица, пустословие), и автор в его пояснении приводит: фундамент дома и домашнюю утварь из чаш, горшков и т.д., причем метафорически, в смысле предметов домашнего обихода:

Чаҳон чу хоки дари тусту арсаи мулкат,

Чаро нагуҷад ақлаш ба ҳиммати лаку пак.

Мир как пыль у твоих дверей и владение твоего королевства,

Почему разум его не говорит щедростью имущества (Шамси Фахри) [Б. А., т. 3, с. 1868].

На самом деле, такое толкование состава **лаку пак** совершенно отличается от того смысла, который понимают из него таджикоязычные. Потому что в таджикском языке **лаку пак** означает не предметы домашнего обихода, а имя двух чудковатых сказочных героев; б) *аллегор.* два дурака, дружащие друг с другом [ФТЗТ, т. 1, с. 710]. Кажется, что состав **лаку пак** в поэтическом свидетельстве более показателен для двух чудоковатых человек, чем для убранства дома.

Зифу зик (фальшь и грусть) – еще один неизвестный состава в таджикском языке, приведенный в «Bahār-e ‘Ajām», и автор, объяснив, как правильно читать слова в этом составе, трактует **зифу зик** в значении женщин и детей [Б. А., т. 2, с. 1199] и приводит в качестве свидетельства этот стих:

Дар биҳишт аст, ҳар ки дар ватан аст,

Неъмате ҳаст, зифу зиқе ҳаст.

Находится в раю каждый, кто на родине,

Есть какое-то благо, есть жена и дети (Ибн Ямин) [Б.А., т. 2, с. 1199].

Среди других нераспространенных составов состава **таку тоб** (покой и спокойствие) [Б. А., т. 1, с. 532], который автор противопоставил **табу тоб** и в его пояснении приводит:

Хасак рехта бар гузар хобро,

Фаромӯи карда таку тобро.

Плоды дикого дерева посыпались на тропинку,

Для сна забыл покой и спокойствие (Ходжа Низами) [Б.А., т. 1, с. 532].

Объяснения и толкования автора по составам однородной пары также отличаются от того, что сегодня достигает до сознания людей. Например, в объяснении **зеру боло** (низ и верх) он говорит, что, намек на то, что два человека разговаривают друг с другом [Б. А., т. 2, с. 1198], тогда как в таджикском языке существуют другие составы, например, **тагу рӯ**, **зеру рӯ**, **поёну боло**, **чаппаву роста** (низ и верх, внизу и наверху, перевернуто и прямо) и т.д., которые в зависимости от контекста выражают полное и всестороннее исследование, изыскание и рассмотрение вопроса.

В толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» приведены выражения, имеющие огромное значение как одно из хороших лексических средств в языке и служащие для ясного и эффективного изложения цели [Тахирова, 1967, с. 23], и в таджикском языкознании они упоминаются под термином «повторные слова». Поскольку повторные слова встречаются в форме повторения одного и того же корневого слова, в некоторых научных работах их называют тавтологическими словосочетаниями. От повторения компонентов повторных слов не только проясняется смысл, но таким образом создаются также новые формы и значения, которые играют определенную роль в дальнейшем развитии лексического состава и грамматического строя нашего языка [Саидов, 1990, с. 31-32].

Другими словами, компоненты повторных слов дополняют друг друга и создают качественно новые понятия. Обычно эти слова не существуют в виде повторения за пределами словосочетания. Они приводятся повторно только в составе отглагольной фразеологической

единицы с тем, чтобы подчеркнуть и уточнить целостное содержание всего словосочетания [Маджидов, 1968, с. 130].

В «Bahār-e ‘Ajām» приведены повторные слова **боғ-боғ** (нечто очень цветущее и радостное) [Б.А., т. 1, с. 240], **файн-файн / фин-фин** (бормотать, говорить невнятно; гнусавить, говорить гнусаво) [Б. А., т. 3, с. 1599], **узв-узв** (член к члену) [Б. А., т. 3, с. 1599; т. 3, с. 1521], **фирт-фирт / фарт-фарт / фурт-фурт** (проворность, поспешность, ловкость) [Б. А., т. 3, с. 1576], **рафта-рафта** (постепенно, понемногу, мало-помалу) [Б. А., т. 2, с. 1089] и т.д., и некоторые из них используются в современном таджикском литературном языке, некоторые – в разговорном, в то время как некоторые другие кажутся незнакомыми и неотшлифованными. Например, толкование выражение **боғ-боғ** (сад-сад) широко используется как в разговорном, так и в письменном таджикском языках. В пояснении этого выражения толкования автор «Bahār-e ‘Ajām» сказал: «**боғ-боғ** (сад-сад): намек на нечто очень цветущее и радостное:

Чаманро то насимат дар димоғ аст,

Зи шодӣ гунчаро дил боғ-боғ аст.

Если у цветника пока твой утренний ветерок в носу,

От радости у бутона сердце полно цветов и веселья (Хаёли Худжанди)

Ҳавас аз раёҳин муаттар димоғ,

Зи бўйи чаман орзу боғ-боғ.

Желание ароматнее базилика в носу,

Из-за запаха цветника мечта полна цветов и радости (Акбарнаме) [Б. А., т. 1, с. 240].

Что касается выражения **узв-узв** (член-член), то автор приводит его как объяснение к выражению **узв ба узв** (член к члену), и в качестве его свидетельства приводит следующий стих:

Ёр чу теги кин кашад, фурсатаи аз Худо талаб,

Узв ба узви хешро захми ҷудо-ҷудо талаб.

Возлюбленная, как клинок вражды вытащить, проси удобный случай у Бога.

Для каждого члена своего тела проси отдельные раны (Махшари Нишапури) [Б. А., т. 3, с. 1521].

Рафта-рафта (идя-идя) является повторными словами, приведенными в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajam», и оно соответствует сегодняшнему смыслу его употребления. Автор в пояснении **рафта-рафта** (идя-идя) говорит: **рафта-рафта** (идя-идя): намек на последовательность и постепенность:

*Зи ҳусни рӯзафзунаш ба сарфа мегӯям,
Ки рафта-рафта мабодо бут Худо гардад.*

От красоты ее, увеличивающейся день за днем, я говорю со сбережением,

Чтобы постепенно как бы идол не стал Богом [Б. А., т. 2, с. 1089].

В современных таджикских толковых словарях **рафта-рафта** (идя-идя) истолковано в этом же значении: с течением времени, постепенно, понемногу, постепенно, наконец [ФТЗТ, т. 2, с. 154].

В этом толковом словаре приводятся выражения **фирт-фирт / фарт-фарт / фурт-фурт** (проворность, поспешность, ловкость) [Б. А., т. 3, с. 1576] и **файн-файн** (бормотать, говорить невнятно; гнусавить, говорить гнусаво) [Б. А., т. 3, с. 1599], первое из которых в некоторой степени употребляется в разговорной речи, выражая проворность и поспешность [Б. А., т. 3, с. 1576] и ловкость [ФТЗТ, т. 2, с. 393], но второе (файн-файн) сегодня в таджикском языке остается неизвестным. В пояснении к **файн-файн** автор приводит: «**файн-файн**: с фатхой обеих букв «фа», дышать трудно, говорят: прочисти нос, почему делаешь **файн-файн**:

*Сар ба боло накунӣ, гар ҳама саргин бошад,
Файн-файне ба худ андозиву бе бок хӯрӣ.*

Голову вверх не поднимешь, если всё в навозе,

Прочисти нос себе и ешь без сожалений (Хаким Шарафуддин Шифаи) [Б. А., т. 3, с. 1599].

С опорой на объяснение, которое автор дал этому выражению, на ум приходит, что целью звукоподражаний **файн-файн** является то же, что и **фин-фин** и **финг-финг**, которые распространены в разговорном таджикском языке, и употребляется в отношении человека, говорящего что-то сквозь зубы в знак протеста или же выводящего свой голос через нос.

Стоит отметить, что повторные слова в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» приведены без упоминания глаголов, и в этом же заключается сложность их объяснения и толкования, и их принадлежности к группе фразеологических единиц. Однако в некоторых приведенных свидетельствах автора толкового словаря видно, что такие повторные слова использованы с глаголами. Например, в следующем стихе:

Сар ба боло накунӣ, гар ҳама саргин бошад,

Файн-файне ба худ андозиву бе бок хӯрӣ.

Голову вверх не поднимешь, если всё в навозе,

Прочисти нос себе, и ешь без сожалений (Хаким Шарафуддин Шифаи) [Б. А., т. 3, с. 1599], который автор привел для повторного слова **файн-файн**, по сути, фразеологической единицей является не **файн-файн**, а **файн-файн андохтан** (делать **файн-файн**), и именно такое употребление подтверждает мнение профессора Х. Маджидова, что эти слова в форме повторения не существуют за пределами словосочетания [Маджидов Х, 1968].

В заключение следует сказать, что в «Bahār-e ‘Ajām» наряду с отыменными и отглагольными фразеологическими единицами приведены также фразеологические составы и соединения, которые автор объяснял и истолковывал с опорой на свидетельства, но не делал каких-либо указаний в отношении грамматической структуры выражений и того, насколько они распространены и неизвестны. Лишь в пояснении выражения **каму кост** (недостача, мелочь) автор приводит: «употребляется в противоположность *много* в значении *мало*, поэтому слово **кост** в таких позициях является лишь излишним» [Б. А., т. 1, т. 3, с.

1726]. Если опираться на это высказывание автора, то повторяющиеся слова, с его точки зрения, являются излишними словами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе изучения и рассмотрения лексических и структурно-синтаксических особенностей фразеологических единиц, содержащихся в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām», мы пришли к следующим **выводам**:

1). Персидско-таджикские предки уделяли большое внимание лексикографии и лексикологии, и таким образом внесли большой вклад в сохранение и увековечивание слов и выражений. В частности, классическая постисламская персидско-таджикская лексикография, начиная от «Lughat-e Furs» («Словарь персов») и заканчивая дореволюционными толковыми словарями, содержит множество лингвистических, литературных и лексикографических материалов, опираясь на которые можно определить развитие и совершенствование словарного запаса и выражений, и вообще процесс исторического формирования языка, как с лексической, так и с грамматической точек зрения;

2). Классическая персидско-таджикская лексикография, по сути, развивалась и совершенствовалась на земле Индии. Если толковые словари, написанные на этой земле, с одной стороны, имеют высокую ценность своими грамматическими пояснениями и толкованиями, с другой стороны, их ценность заключается в том, что, наряду с объяснением и толкованием слов в них также рассматриваются различные словосочетания и выражения, о которых сегодня упоминается как о фразеологических единицах, а для подтверждения приведены поэтические свидетельства. Кроме того, слова и выражения, включенные в толковые словари этой земли, происходят из диалектов Мавераннахра, что является выражением определенного исторического этапа развития таджикского языка.

3). Толковый словарь «Bahār-e ‘Ajām», принадлежащий перу Роя Лолы Тикчанда Бахара и отредактированный в 1739 году нашей эры, насыщен фразеологическими единицами таким образом, что почти треть его объясняемого и интерпретируемого материала составляют

фразеологические единицы. Иными словами, по пропорции 30-35 процентов лексических единиц толкового словаря составляют словосочетания и выражения, и до «Bahār-e ‘Ajām» никто из авторов толковых словарей в своем словаре не собирал такое количество фразеологических словосочетаний и составов.

Именно поэтому некоторые исследователи называют «Bahār-e ‘Ajām» толковым словарем фразеологических единиц. В «Bahār-e ‘Ajām» от двухсот персоязычных индийских поэтов приведены поэтические свидетельства, что также удваивает ценность толкового словаря.

4). Отношение автора «Bahār-e ‘Ajām» к объяснению и толкованию фразеологических единиц не является однообразным. В том смысле, что автор пояснял и интерпретировал некоторые фразеологические единицы цитированием поэтических свидетельств, а в отношении смыслов некоторых других фразеологических единиц он ограничивался лишь приведением популярных или известных слов.

5). Другая особенность толкового словаря «Bahār-e ‘Ajām» заключается в этимологических заметках фразеологических единиц. Автор толкового словаря, опираясь на различные исторические рассказы и легенды, народные обычаи, привычки, пытался указать на происхождение фразеологических единиц. В частности фразеологические единицы **барги сабз** (зеленый лист), **пари Симура бар оташ ниходан** (подбрасывание пера Симурга в огонь), **кайк ба гиребон будан Кайк ба гиребон будан** (быть блохой в воротнике), **гурги борондида** (волк, увидевший дождь) и т.д. считаются фразеологическими единицами, которые автор «Bahār-e ‘Ajām» объяснил и истолковал с этимологической точки зрения.

6). Лексический анализ состава фразеологических единиц в толковом словаре показывает, что в структуре фразеологических единиц, прежде всего, значительной является роль оригинальных таджикских слов, после него арабские заимствования занимают второе место. В

составе фразеологических единиц, приведенных в толковом словаре, можно встретить также тюркские и индийские слова.

7). Анализ полисемии фразеологических единиц в «*Vahār-e ‘Ajām*» показывает, что автор пытался объяснить и интерпретировать их значения, а для подтверждения своих слов привел свидетельства от классических персидско-таджикских поэтов, особенно персоязычных поэтов литературного круга Индии. Однако для каждой полисемической фразеологической единицы он не упоминал более двух значений. Поэтому в «*Vahār-e ‘Ajām*» не имеется полисемической фразеологической единицы, имеющей в своем объяснении и толковании более двух значений. Однако это не означает, что фразеологические единицы, приведенные в «*Vahār-e ‘Ajām*», ограничиваются лишь авторским объяснением и толкованием и не указывают на иное значение. Например, фразеологическая единица **Худо-Худо кардан** (дай Бог-Бог) в «*Vahār-e ‘Ajām*» истолкована в двух значениях: а) искать прибежища в Боге и б) многократно вспоминать о Боге, в то время как в сегодняшней письменной и устной таджикской речи, а также в таких толковых словарях, как «*Fahang-e Jahāngirī*» Деххудо, употребительным является ее значение: впасть в страх и боязнь.

8). Таджикский язык по наличию синонимических фразеологических единиц считается одним из самых богатых языков мира. Рассмотрение синонимических фразеологических единиц в «*Vahār-e ‘Ajām*» показало, что синонимия фразеологических единиц, как и синонимия слов, подчинена условиям, при отсутствии которых одна фразеологическая единица не может стать синонимом другой фразеологической единицы. В «*Vahār-e ‘Ajām*» многие единицы приведены как синонимы друг друга. Например, фразеологические единицы **аз чахон гузаштан** (уйти из мира), **аз хар афтодан** (упасть с осла), **аз дасти дахр частан** (спрыгнуть с руки судьбы), **аз дахр гузаштан** (уйти из мира), **чон афшондан** (испускать дух), **чон бохтан** (потерять жизнь), **чон бар сар бурдан** (испускать дух), **фармон расидан** (приход веления), **қадам аз чон баровардан** (выйти шагом из

жизни), **кори касе шудан** (что-то дело свершилось), **кор тамом сохтан** (закончить дело), **кафан ба бар кардан** (надеть саван), **кафан дарпӯшидан** (надеть на себя саван), **чароғ кӯр шудан** (потухание светильника) вообще значит **умереть**, но по смыслу и позиции употребления они отличаются друг от друга совершенным образом. Так, фразеологическая единица **ҷон бохтан** (потерять жизнь), хотя она и распространена в письменной и разговорной речи, она употребляется в случае «умирания» в ходе боя или сражения, в то время как **кафан ба бар кардан** (надеть саван), **кафан дарпӯшидан** (надеть на себя саван) являются книжными выражениями, связанными, с одной стороны, с болезнью или переходом в старческий возраст, с другой стороны, данное выражение относится к привлечению кого-либо на работу или в место, где угрожает опасность смерти.

9). Вариативность – еще одна характеристика фразеологических единиц, которая отчетливо прослеживается в «Bahār-e ‘Ajām». Хотя в этом толковом словаре приведены фонетические, морфологические и лексические варианты фразеологических единиц, однако со статистической точки зрения основное положение занимают лексические варианты фразеологических единиц. Как известно, лексические варианты фразеологической единицы возникают в результате изменения одного из её внутренних компонентов. Например, фразеологические единицы **дил ба дарё афкандан**, **дил ба дарё андохтан**, **дил ба дарё кардан** (бросить сердце в реку, ввергнуть сердце в реку, кидать сердце в реку), выражающие проявления старания работать и уповать на Бога, являются лексическими вариантами друг друга.

10). Антонимия фразеологических единиц является еще одним вопросом, рассмотренным в данной диссертации на основе «Bahār-e ‘Ajām». Например, фразеологические единицы **сапед шудани бахт** (светление счастья) и **сиёх шудани бахт** (очернение счастья) являются антонимичными фразеологическими единицами, первый компонент которых противоположен друг другу, а остальные компоненты схожи между собой. Хотя в толковом словаре «Bahār-e ‘Ajām» используются

антонимические фразеологические единицы, а автор называет это явление термином **муқобил** (противоположный), но со статистической точки зрения количество антонимических фразеологических единиц в толковом словаре по сравнению с синонимичными и полисемическими фразеологическими единицами является незначительным.

11). Фразеологические единицы со структурно-синтаксической точки зрения имеют большую близость со свободными синтаксическими словосочетаниями таким образом, что именно на основе свободных синтаксических фразеологических словосочетаний возникают фразеологические единицы. Однако важная сторона фразеологических словосочетаний проявляется в устойчивости лексического состава и их целостного выражения, и форме фразеологических единиц языка они выражают целостное понятие. В таджикской фразеологии прежде всего анализируются два типа фразеологических единиц: отыменные фразеологические единицы и отглагольные фразеологические единицы. Классификация этих фразеологических единиц зависит от соотношения их внутренних компонентов.

12). В таджикском языке существует множество типов отыменных фразеологических единиц по структуре, но наиболее часто употребляемыми из них являются изафетные фразеологические единицы. Широкое использование подобных фразеологических единиц, по сути, происходит от того, что большинство из них представляют собой термин или название предмета. В частности, фразеологические единицы **ангушти амон амон** (палец безопасности), **аҳли қалам** (писатели), **аҳли нишаст** (представители встречи), **барги сабз** (зеленый лист), **бузи Ахфаш** (ахфашский козел), **чароғи мазор** (светильник могилы), **чаши рӯз** (глаз дня), **ҳаққи Худо** (доля Бога) **хоки мурод** (земля желания), **дарди сар** (головная боль), **дасти Мӯсо** (рука Мусы) и т.д. представляют собой отыменные фразеологические единицы, относящиеся со структурно-синтаксической точки зрения к изафетным словосочетаниям.

Из анализа отыменных фразеологических единиц в «Bahār-e ‘Ajām» выясняется, что в качестве отыменных фразеологических единиц в этом толковом словаре представлены изафетные арабские словосочетания. Рассмотрение изафетных арабских фразеологических словосочетаний в «Bahār-e ‘Ajām» показывает, что они различны как по употреблению, так и по объяснению. Таким образом, в арабском языке большинство этих составов представляют собой термины той или иной области и употребляются скорее в буквальном значении их деталей, тогда как в таджикском языке их употребление приобретает более метафорический оттенок.

При этом некоторые выражения в арабском языке можно назвать в отдельности фразеологической единицей, в то время как другие могут называться фразеологической единицей лишь при их употреблении с глаголом. Например, можно упомянуть выражение **умм-ул-хабоис** (мать мерзостей), буквальным эквивалентом которого в таджикском языке является **модари бадихо** (мать зол), и которое приводится в хадисе Пророка (с), как в арабском, так и в таджикском языках обозначает вино. Однако выражение **хуфайя-л-хунайн** (сапоги Хунайна), буквальным эквивалентом которого в таджикском языке является **муза (махсӣ)-хои Хунайн** (сапоги (махси) Хунайна), в арабском языке всегда используется с глаголом **рачаъа/ъода** (возвращаться/вернуться), что означает возвращение, и именно выражение **рачаъа бихуфайя-л-хунайн** (возвращаться в сапогах Хунайна) может стать фразеологической единицей, в то время как в толковом словаре оно приведено также без употребления глагола.

13). Отглагольные фразеологические единицы составляют основную часть фразеологических единиц толкового словаря «Bahār-e ‘Ajām» и со статистической точки зрения имеют полное преимущество перед отыменными фразеологическими единицами. Со структурной точки зрения отглагольные фразеологические единицы «Bahār-e ‘Ajām» делятся на двухкомпонентные и многокомпонентные фразеологические единицы;

все они проанализированы и рассмотрены в данной диссертационной работе.

14). Вспомогательные глаголы составляют основной компонент вспомогательных составных глаголов фразеологических единиц. Хотя вспомогательные глаголы *додан*, *доштан*, *кашидан*, *гирифтан*, *гардидан*, *намудан* (давать, иметь, тянуть, брать, становиться, делать) и т.д. играют в образовании отглагольных фразеологических единиц определенную роль, однако статистический анализ показывает, что чаще всего используются два глагола: *кардан* (делать) и *шудан* (становиться).

Таким образом, толковый словарь «Ваһар-е ‘Аҷам», как надежный источник фразеологических единиц, способствует тому, чтобы наряду с ознакомлением со многими фразеологическими материалами, получить также сведения о становлении и развитии таджикского языка на определенном историческом этапе.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе проведенного анализа и рассмотрения выясняется, что в связи с фразеологическими единицами таджикского языка в различных формах проведено немало научных исследований, но до сих пор по этому языковому явлению на основе толкового словаря «Bahār-e ‘Ajam» монографическое исследование не проводилось. Данная диссертация является первым шагом в этом направлении, в которой предпринята попытка проанализировать и рассмотреть лексические и грамматические особенности фразеологических единиц на основе указанного толкового словаря. По результатам исследования темы предлагаются следующие рекомендации по практическому использованию его результатов:

1. Результаты и теоретические положения, изложенные в диссертации, могут помочь соискателям ученых степеней и последующим исследователям в изучении и исследовании фразеологических единиц, и считаются хорошим материалом для подготовки учебных пособий и руководств в данной области.

2. Внимание соискателей и исследователей следует привлечь к исследованию и рассмотрению фразеологических единиц, отражающих исторический путь обычаев и языковых особенностей нации, на основе классических толковых словарей.

3. Исследуя фразеологические единицы на основе классических толковых словарей, можно узнать мнения учёных-лексикографов прошлого относительно этого очень важного для таджикской фразеологии языкового явления.

4. Материал и научные достижения диссертации могут быть использованы для написания учебных книг и пособий по истории таджикской лексикографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абдуқодиров А. Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода. – Душанбе: Дониш, 1978. – 124 с.
2. Абумансур Алӣ ибни Аҳмад Асадии Тӯсӣ. Китоби Луғати фурс. Бо тасҳеҳ ва эҳтимоми Аббос Иқбол. – Техрон: чопхонаи Маҷлис, 1319 шамсӣ. – 548 с. [бо хати форсӣ]
3. Акрамов М. Ибораҳои сифатии забони ҳозираи тоҷик / М. Акрамов. – Душанбе, 1977. – 165 с.
4. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
6. Аҳмад ибни Форис. Ас-Соҳибай фи фикҳ-ил-луға ва сунав-ил-араб фи каломихо. – ал-Қоҳира: Матбаъат-ул-Муайид, 1910. – 245 с. [бо забони арабӣ]
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 437 с.
8. Балли Ш. Французская стилистика / Ш.Балли. Перевод с французского К.А. Долинина. 2-е изд, стереотипноею – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
9. Баҳриддин Д. «Чароғи хидоят»-и Орзу ва забони тоҷикии форсӣ / Д. Баҳриддин. – Душанбе: Дониш, 1992. – 108 с.
10. Бобомуродов Ш., Мухторов З. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ / Ш. Бобомуродов, З. Мухторов. – Душанбе, 2016. – 428 с.
11. Бурлак С.А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / С.А. Бурлак, С.А. Старостин. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 432 с.
12. Виноградов В.А. Вопросы терминологии (вступительное слово) / В.А. Виноградов. – М., 1961. – 150 с.

13. Вендина Т.И. Введение в языкознание: Учеб.пособие для педагогических вузов / Т.И. Вендина. – М., Высш. шк., 2001. – 288 с.
14. Веретенников А.А. Очерки глагольной фразеологии персидского языка / А.А. Веретенников. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 155 с.
15. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник / И.В. Войцехович. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 509 с.
16. Гируцкий А.А. Введение в языкознание: Учеб. пособие / А.А. Гируцкий. – 2-ое изд., стер. – Мн.: «ТетраСистемс», 2003. – 288 с.
17. Голева Г.С. Фразеология современного персидского языка. – М.: «Муравей», 2006. – 224 с.
18. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.2. – Душанбе: Дониш, 1986. – 372 сах.
19. Гаффоров Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил (дар асоси материали романи «Одамони ҷовид») / Р. Гаффоров. – Душанбе: Нашриёти «Дониш», 1966. – 225 с.
20. Гафуров Р. Калимаҳои мураккаби таркибашон арабӣ // Р. Гафуров. Мактаби советӣ, №11, ноябри соли 1972. – С. 21-22.
21. Дарвеш Баҳриддин. “Ҷароғи ҳидоят”-и Орзу ва забони тоҷикии форсӣ / Д. Баҳриддин. – Душанбе: Дониш, 1991. – 108 с.
22. Дӯстзода Ҳ.Ҷ. Нақши воситаҳои тасвири бадеӣ дар ташаккули сохтор ва маъноӣ воҳидҳои фразеологӣ (дар асоси маводи насри муосири тоҷик) / Ҳ.Ҷ. Дӯстзода. Дис. барои дарёфти дараҷаи илми доктори илми филология. – Душанбе, 2023. – 413 с.
23. Дӯстов А. Воҳидҳои фразеологии ташбеҳии забони адабии муосири тоҷик / А. Дӯстов. – Душанбе: Ҷонибек, 2014. – 186 с.
24. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: «Просвещение», 1978. – 160 с.
25. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. – Душанбе: «Ирфон», 1973. – 452 с.

26. Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе: «Ирфон», 2007. – 720 с.
27. Имел Бадеъ Яъқуб. Фикҳ-ул-луғат-ил-арабия ва хасоисуҳо. – Дор-ул-илм лилмалоин, 1982. – 258 с. [бо забони арабӣ]
28. Исаев М.И. Очерки по фразеологии осетинского языка/ М.И.Исаев. – Орджоникидзе, 1964. – 104 с.
29. Исаева Гюнель Раҳман кызы. Проблема многозначности фразеологических единиц в тюркских языках / Г.Р. Исаева. Вопросы духовной культуры-Филологических науки. – С. 180-182.
30. Исмонов К.Б. Тобишҳои лексикӣ-грамматикии эҷод дар забони тоҷикӣ / К.Б. Исмонов. – Душанбе: «Душанбе-Принт», 2015. – 192 с.
31. Исмонов К.Б. Саҳми донишмандони форсу тоҷик дар таҳаввул ва ташаккули забоншиносии араб /К.Б. Исмонов. Дис. барои дараҷаи доктори илми филология. – Душанбе, 2023. – 339 с.
32. Исомуддин Абдуссалом Абузиллол. Ат-Таъобир-ул-истилоҳия байна-н-назарияти ва-т-татбиқ. Ҷ.1.-Дор-ул-вафо лидунё-т-тибоати ва-н-нашр, 2005. – 247 с. [бо забони арабӣ]
33. Исомуддин Абдуссалом Абузиллол. Ат-Таъобир-ул-истилоҳия байна-н-назарияти ва-т-татбиқ. Ҷ.2. – Дор-ул-вафо лидунё-т-тибоати ва-н-нашр, 2006. – 197 с. [бо забони арабӣ]
34. Камолиддинов Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон,1967. – 186 с.
35. Камолиддинов Б. Ҳусни баён / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 117 с.
36. Камолиддинов Б. Хусусияти услубии сарфу наҳви забони тоҷикӣ / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1992. – 128 с.
37. Капранов В.А. «Луғати Фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии / В.А. Капранов. – Душанбе, 1964. – 213 с.
38. Капранов В.А. Таджико-персидская лексикография в Индии XVI-XIX вв. – Душанбе: Дониш, 1987. – 224 с.

39. Козим Дузфулиён. Фарҳангнависӣ дар Эрон, Шибҳи қораи Ҳинд, Покистон ва Баҳори Аҷам / Д. Козим. Пажӯҳишномаи улуми инсонӣ, 1379, №27. – С. 15-33. [бо хати форсӣ]
40. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: «Международные отношения», 1972. – 288 с.
41. Қосимова М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX-X). Ҷилди 1. – Душанбе, 2012. – 568 с.
42. Қосим Тувайсарқонӣ. Таърихе аз забони тоҷӣ дар миёни эронинӣ пас аз Ислом: аз оғози фармонравоии тоҷиён то барафтодани хилофти Аббосиён / Қ. Тувайсарқонӣ. – Техрон, 1971. – 492 с. [бо забони форсӣ]
43. Қотейи қотей. – 1283. – 265 с. [бо забони форсӣ]
44. Майдонӣ Абулфазл. Маҷмаъ-ул-амсол / Абулфазл Майдонӣ. Таҳқиқи М.М. Абдулхамид. – Бейрут: Дор-ул-маърифа. [бо забони арабӣ]
45. Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка / Х. Маджидов. – Душанбе: «Деваштич», 2006. – 409 с.
46. Мақсудов Т. Дар бораи воҳидҳои фразеологӣ ва вазифаи синтаксисии онҳо / Т. Мақсудов, Ф. Зикриёев, Ҳ. Чалилов. – Душанбе, 1976. – 87 с.
47. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
48. Маҷидов Ҳ. Хусусиятҳои лексикӣ-семантикии воҳидҳои фразеологӣ феълии забони адабии ҳозираи тоҷик / Ҳ. Маҷидов. – Душанбе, 1968. Рисолаи диссертатсионӣ. – 249 с.
49. Маҷидов Ҳ. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик / Ҳ. Маҷидов. – Душанбе, 1982. – 104 с.
50. Маҷидов Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик / Ҳ. Маҷидов. – Ҷилди 1. Луғатшиносӣ. – Душанбе, 2007. – 243 с.
51. Маъсумӣ Н. Забон ва услуби Аҳмади Дониш / Н. Маъсумӣ. – Душанбе, 1976. – 73 с.

52. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Душанбе: «Ирфон», 2013. – 370 с.
53. Меҳрӣ Боқирӣ. Муқаддамоти забоншиносӣ / М. Боқирӣ. – Табрез: Донишгоҳи Табрез, 1995. – 365 с. [бо хати форсӣ]
54. Мирзоев А. Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ / А. Мирзоев. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 296 с.
55. Мирзоев А. Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозирати тоҷик / А. Мирзоев. – Душанбе, 1972. – 253 с.
56. Мирзоёров Ф.Н. Шарҳи грамматикӣ дар фарҳангҳои тафсирии асрҳои XVI-XIX-и тоҷик / Ф.Н. Мирзоёров. – Душанбе, 2011. – 151 с. (рисолаи номзадӣ)
57. Муин М. Авомили фасоди луғат / М. Муин. Муқаддимаи Луғатномаи Деҳхудо. – Техрон, 1337. – 427 с. [бо хати форсӣ]
58. Муртазо Фаллоҳ. Ҷойгоҳи фарҳанг ва забони форсӣ дар Шибҳи қораи Ҳинд / Ф. Муртазо. Фаслномаи Мутолиоти миллӣ, 1388, №2. – С. 126-151. [бо хати форсӣ]
59. Муслимов М. Воҳидҳои фразеологии забони адабии муосири тоҷик бо унсурҳои луғавии арабӣ / М. Муслимов. – Душанбе, 2009. – 188 с.
60. Муҳаммадиев М. Синонимҳо дар забони ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1962. – 162 с.
61. Муҳаммадиев М. Омӯхтани синонимҳои ҷуфтистеъмол дар процесси таълим ва аҳаммияти он // Мактаби советӣ. – Душанбе, 10 октябри 1977. – С. 29-33.
62. Муҳаммадиев М., Талбакова Ҳ., Нурмаҳмадов Ю. Лексикаи забони адабии тоҷик / М. Муҳаммадиев, Ҳ. Талбакова, Ю. Нурмаҳмадов. – Душанбе, 1997. – 191 с.
63. Муҳаммадризо Ботинӣ. Забон ва тафаккур / М. Ботинӣ. – Техрон: Фарҳанги муосир, 1313. – 203 с.

64. Насриддинов А. «Шамс-ул-луғот» ва ахаммияти он барои луғатшиносии тоҷик / А. Насриддинов. – Душанбе: Нашриёти «Ирфон», 1982. – 48 с.
65. Норматов М. Муқаддимаи забоншиносӣ / М. Норматов. – Душанбе: Маориф, 1995. – 176 с.
66. Основы иранского языкознания. Среднеперсидский язык. – М.: Издательство “Наука”, 1981. – 544 с.
67. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию / И.М. Оранский. – М., 1960. – 490 с.
68. Парвиз Хонларӣ. Таърихи забони форсӣ / П. Хонларӣ. Ҷ. 3. – Техрон: Фарҳанги нашри нав, 1372. – 490 с. [бо забони форсӣ].
69. Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. – М., 1975. – 205 с.
70. Рабиъӣ Ҳ. Аносири муассир дар тағйири маъноӣ феъл / Ҳ. Рабиъӣ. Маҷаллаи «Забони форсӣ», №2, 1388. – С. 48-50. [бо забони форсӣ].
71. Рауфов Ҳ. «Фарҳанги Ҷаҳонгирӣ» ҳамчун сарчашмаи лексикографияи тоҷику форс / Ҳ. Рауфов. – Душанбе, 1973. – 191 с.
72. Раҳмонов Б. Хусусиятҳои луғавӣ-грамматикии феъл (дар асоси маводи «Таърихи Бухоро») / Б. Раҳмонов. – Душанбе: «Донишварон», 2017. – 188 с.
73. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – 11-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
74. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка / Ю.А. Рубинчик. – М.: «Наука», 1981. – 275 с.
75. Рустамов Ш. Забон ва замон / Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 256 с.
76. Рустамов Ш. Исм / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 220 с.
77. Саидов Р. Воҳидҳои фарзеологӣ дар назми халқӣ / Р. Саидов. – Душанбе, 1990. – Қисми I. – 107 с.
78. Саидов Р. Воҳидҳои фарзеологӣ дар назми халқӣ / Р. Саидов. – Душанбе, 1991. – Қисми II. – 144 с.

79. Саидхоҷаева М.Н. Ибораҳои фразеологӣ феълӣ дар романи «Шӯроб»-и Раҳим Ҷалил / М.Н. Саидхоҷаева // Номаи Донишгоҳ, №2 (43) 2015. – С. 182-188.
80. Сангинов А. Доир ба алоқаи калимаҳо дар фарҳанги «Баҳори Аҷам» / А.Сангинов // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1977. – С.101-108.
81. Сангинов А. Ибораҳои фразеологӣ дар фарҳанги «Баҳори Аҷам» // А.Сангинов. Ахбороти Академияи илмҳо Ҷумҳурии Тоҷикистон Шуъбаи фанҳои ҷамъиятӣ, № 1 [71], 1973. – С. 90-96.
82. Сангинов А. Мероси Пурбаҳо // А. Сангинов. Садои Шарқ, № 10, 1973. – С. 113-117.
83. Сангинов А. Фарҳанги «Баҳори Аҷам» ва характеристикаи лексикографии он / А. Сангинов. – Душанбе, 1973. – 259 с. (рисолаи номзадӣ)
84. Саъид Нафисӣ. Фарҳангҳои порсӣ. Муқаддимаи «Бурҳони қотеъ». – С. 64-77. [бо хатти форсӣ]
85. Смит Л.П. Фразеология английского языка/ Л.П.Смит. Перевод А.С. Игнатъева. – М., 1959. - 207 с.
86. Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка (опыт исследования фразеологических единиц по окружению) / М.Т. Тагиев. – Баку: «МААРИФ», 1966. – 251 с.
87. Талбакова Ҳ. Воҳидҳои фразеологӣ антонимӣ / Ҳ. Талбакова // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1990. – С. 46-50.
88. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
89. Тоҳирова Қ. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / Қ. Тоҳирова. – Душанбе: Нашриёти “Дониш”, 1967. – 82 с.
90. Украсин З.Г. Фразеология башкирского языка / З.Г. Украсин. – М.: Наука, 1975. – 192 с.

91. Ушаков В.Д. Фразеология Корана (опыт сопоставления фразеоречений Корана и арабского классического языка) / В.Д. Ушаков. – М.: «Восточная литература», 1996. – 202 с.
92. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. / А.И. Федоров. – Новосибирск: Изд. «Наука», 1973. – 171 с.
93. Хамоян М.У. Основы фразеологии курдского языка / М.У. Хамоян. Изд-во АН АрмССР, 1988. – 280 с.
94. Хочаев Д. Гуфтори накӯ куҳан нагардад. – Душанбе: «Шуҷоиён», 2011. – 230 с.
95. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка / С.В. Хушенова. – Душанбе, 1971. – 190 с.
96. Ҳайдаров М.М. Калимаҳои услуби баланд дар забони адабии муосири тоҷикӣ / М.М. Ҳайдаров. – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 160 с.
97. Ҳалимов С. С. Айнӣ – лексикограф / С. Ҳалимов. – Душанбе, 1964. – 59 с.
98. Ҳусейнов Х. Забон ва услуби «Одина»-и устод Айнӣ. – Душанбе: Нашриёти «Ирфон», 1973. – 255 с.
99. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка / И.И. Чернышева. – М.: Высш.шк., 1970. – 200 с.
100. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Н.М. Шанский -4-е., изд., испр., и доп. СПб.: – Специальная Литература, 1996. – 192 с.
101. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие / Предисл. Т.А. Бобровой. Изд. 5, испр. и доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 272 с.
102. Шарипова З. Гунаҳои (вариантҳои) воҳидҳои фразеологӣ дар забони тоҷикӣ ва арабӣ / З. Шарипова. Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, бахши филология, 5(61). – Душанбе, 2010. – С. 53-55.
103. Шарофиддинова А. Воҳидҳои фразеологии осори Айнӣ (бар асоси романи «Ғуломон») / А. Шарофиддинова. Монография. – Т.: «Yangi nashr», 2016. – 160 с.

104. Шокиров Т. Адиб, забон ва услуб / Т. Шокиров. – Душанбе, 2001. – 175 с.
105. Эмомалӣ Раҳмон. Забони миллат-ҳастии миллат. Китоби 1 / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе: “Эр-граф”, 2016. – 492 с.
106. Эмомалӣ Раҳмон. Забони миллат-ҳастии миллат. Китоби 2 / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе: “Нашриёти муосир”, 2020. – 432 с.
107. Эмомалӣ Раҳмон. Сиёсати давлатӣ дар бораи забон / Эмомалӣ Раҳмон (китоби электронӣ)

Толковые словари

108. Абдуррашид ибни Абдулғафури Хусайнии Мадании Татавӣ. Фарҳанги Рашидӣ. Ба таҳқиқ ва тасхеҳи Муҳаммад Аббос. Аз интишороти китобхонаи Баоронӣ. – 811 с. [бо хати форсӣ]
109. Абулхусайн Аҳмад ибни Форис ибни Закариё. Мутахайир-ул-алфоз. Ҳаққақаху ва қаддама лаху Ҳилол Ноҷӣ. – Бағдод: Матбаъат-ул-маориф, 1970. – 296 с. [ба забони арабӣ]
110. Абумансур Абдулмалик ибни Муҳаммад ибн Исмоил ас-Саолабӣ ан-Нишобурӣ. Симор-ул-қулуб фи-л-музоф ва-л-мансуб. Таҳқиқу Муҳаммаб Абулфазл Иброҳим. – Ал-Қоҳира: Дор-ул-маориф, бе нишон додани соли нашр. – 816 с. [ба забони арабӣ]
111. Абуҳилол ал-Аскарӣ. Чамҳарат-ул-амсол. Таҳқиқу Муҳаммад Абулфазл Иброҳим ва Абдулҳамид Қимтош. – Ал-Қоҳира: ал-муассисат-ул-арабият-ул-ҳадиса, 1964. Ҷ. 1. – 592 с. [ба забони арабӣ]
112. Бурҳони қотеъ. Бо эҳтимоми М. Муин: дар панҷ мучаллад. – Техрон: Амири Кабир, 1357. Ҷ. 1. – 446 с.
113. Бурҳони қотеъ. Бо эҳтимоми М. Муин: дар панҷ мучаллад. – Техрон: Амири Кабир, 1357. Ҷ. 2. – 470 с.
114. Бурҳони қотеъ. Бо эҳтимоми М. Муин: дар панҷ мучаллад. – Техрон: Амири Кабир, 1357. Ҷ. 4. – 520 с.
115. Ғиёс-ул-луғот: иборат аз се ҷилд. – Душанбе: Адиб. Ҷилди 1. Алиф-шин. 1987. – 480 с.

116. Ғиёс-ул-луғот. Ҷилди 2. – Душанбе: Адиб, 1987. – 416 с.
117. Имел Бадеъ Яъқуб. Мавсуъат-ул-луғат-ил-арабия. Ҷ. 4. – Лубнон: Дор-ул-кутуб-ил-илмия, 2006. – 750 с. [бо забони арабӣ]
118. Имел Бадеъ Яъқуб. Мавсуъат-ул-луғат-ил-арабия. Ҷ. 9. – Лубнон: Дор-ул-кутуб-ил-илмия, 2006. – 591 с. [бо забони арабӣ]
119. Муҳаммад Хусейн ибни Халафи Табрзӣ. Бурҳони қотеъ. Бо эҳтимоми Муҳаммад Муин. – Техрон, 1342 (чоп дувум). Дар панҷ ҷилд. [бо хати форсӣ]
120. Муҳаммадиев М. Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ. – Душанбе: Нашриёти «Маориф», 1975. – 256 с.
121. Сулаймонӣ С. Фарҳанги арабӣ – тоҷикӣ / Сулаймонӣ С. – Душанбе: ЭР-граф, 2010. – 1563 с.
122. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. – Душанбе: Пажуҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2008. – 950 с.
123. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 2. – Душанбе: Пажуҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2008. – 945 с.
124. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ). Ҷ. 1. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963. – 952 с.
125. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ). Ҷ. 2. – Душанбе: Нашриёти «Ирфон», 1964. – 802 с.

Интернет-ресурсы:

126. <http://schooled.ru/ukrmova/phraseology/index.html> [санаи истифода 26.10.2018]

Источники:

127. Лола Текчанд Баҳор. Баҳори Аҷам: фарҳанги луғот, таркибот, киноёт ва амсоли форсӣ. Тасҳеҳи Козим Дизфулиён / Л.Т. Баҳор. Ҷ. 1. – Техрон: Тилоя, 1393. [бо хати форсӣ]

128. Лола Текчанд Баҳор. Баҳори Аҷам: фарҳанги луғот, таркибот, киноёт ва амсоли форсӣ. Тасҳеҳи Козим Дизфулиён / Л.Т. Баҳор. Ҷ. 2. – Теҳрон: Тилоя, 1393. [бо хати форсӣ]

129. Лола Текчанд Баҳор. Баҳори Аҷам: фарҳанги луғот, таркибот, киноёт ва амсоли форсӣ. Тасҳеҳи Козим Дизфулиён / Л.Т. Баҳор. Ҷ. 3. – Теҳрон: Тилоя, 1393. [бо хати форсӣ]

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

1). Статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Президенте РТ и ВАК Министерства образования и науки РФ:

[1-А]. Гулова, З. Толковый словарь ««Ваҳар-е ‘Аҷам» – ценный лексикографический труд [Текст] / З. Гулова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2017. – № 4/4. – С. 45-48 (на тадж. яз.).

[2-А]. Гулова, З. Толковый словарь «Ваҳар-е ‘Аҷам» – надежный источник таджикских фразеологических словосочетаний [Текст] / З. Гулова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2018. – № 4. – С. 44-48 (на тадж. яз.).

[3-А]. Гулова, З. Фразеологические единицы со словом вода в толковом словаре «Ваҳар-е ‘Аҷам» [Текст] / З. Гулова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2018. – № 8/1. – С. 77-80 (на тадж. яз.).

[4-А]. Гулова, З. Фразеологические единицы антонимии в «Ваҳар-е ‘Аҷам» [Текст] / З. Гулова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2019. – № 7. – С. 43-47 (на тадж. яз.).